

ДРУЖБА С «АВРОРОЙ»

В. ДАНКОВ.
УГРО: НАДЕЖДЫ И ТРЕВОГИ

В. Лосев.
ОПЕРАЦИЯ

НА Боевом
посту

11.1989

**7 ноября —
семьдесят вторая
годовщина
Великой
Октябрьской
социалистической
революции**

В КОЛЫБЕЛИ РЕВОЛЮЦИИ — ЛЕНИНГРАДЕ СЛУЖАТ ВОИНЫ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ КАПИТАНА ВАЛЕРИЯ ПАВЛОВИЧА КОЖАНОВА. ОСОБАЯ ЧЕСТЬ, ОСОБАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СТОЯТЬ НА СТРАЖЕ ПОРЯДКА В ГОРОДЕ, ОСВЯЩЕННОМ СЛАВНЫМИ РЕВОЛЮЦИОННЫМИ ТРАДИЦИЯМИ.

КАЖДЫЙ СВОБОДНЫЙ ЧАС, ВРЕМЯ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ СТАРАЮТСЯ ЗДЕСЬ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ДЛЯ ЭКСКУРСИЙ В МУЗЕИ, ИСТОРИЧЕСКИЕ МЕСТА. СЕГОДНЯШНИЙ МАРШРУТ — МУЗЕЙ ВЛАДИМИРА ИЛЬИЧА ЛЕНИНА.

ФОТО Б. ГУККАЕВА.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД СССР

НА Боевом ПОСТУ

Издается с 1958 г.

...Оцеплен двор.
Блокированы подъезд
и дверь в квартиру.
В доме напротив занял
удобную позицию
снайпер.
В безнадежной
ситуации бандиты
решили идти ва-банк.
В руках главаря,
выбежавшего
на балкон, Шушаков
увидел... лимонку.

с. 9

Се службой и здесь
у него все нормально
сложилось. А вот жена
из-за незнания
эстонского языка
на работу
по специальности
устроиться не может.
Надумал уволиться
из войск и уехать.

с. 16

По официальным
данным, прожиточный
минимум составляет
около 75 руб. в месяц
на одного человека.
Но надо заметить, что
этот минимум
исчислялся
по преysкурантным
ценам. Между тем
реальная стоимость
покупок может
достаточно резко
отличаться от этих цен
по целому ряду
причин.

с. 52

В НОМЕРЕ:

■ 72-Я ГОДОВЩИНА ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

Адоринский В. Дружба с «Авророй» 3

■ ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ: ОСТОРОЖНО: РАВНО-
ДУШИЕ; ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ; ПОВТОРНЫЙ
ЗАПРОС; ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ 5

■ ЗА СТРОКОЙ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР «О РЕШИТЕЛЬНОМ УСИЛЕНИИ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ»

Панкин В. УГРО: надежды и тревоги 9

Захват (фоторепортаж) 14

Зайка Л. Время обязывает 26

■ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: РЕАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Бусыгин В. «Эстония — в сердце моем...» 16

Гондусов В. Процесса не будет 19

■ КОММУНИСТ: ПОЗИЦИЯ В ПЕРЕСТРОЙКЕ

Елов А. Чтобы жизнь не поставила «неуд» 31

■ БОЕВОЙ СЛУЖБЕ — ЭФФЕКТИВНОСТЬ

Ушар А. О нумерации, грабельках и надежности ох-
раны, или Почему филькину грамоту зовут филь-
киной? 38

Севодняев В. На коротком поводке 40

Мошарев В. РВБ: какой ей быть? 44

■ ОЧЕРК. ПУБЛИЦИСТИКА

Карпов Б. Витязь из спецназа 33

Усков В. Начальник колонии 48

Дерябин А. Тиски - дефицита и инфляции 52

Расправившись с Козелкиным, бандиты из его же автомата пристрелили ничего не подозревавшего, ни к чему не готового второго часового, присматривавшего за костром, и только Левкин, собиравший ягоды, прибежавший на выстрелы, но не решившийся показаться, остался жить... Зарывшись в мох за просекой, он наблюдал, как они собирали провизию и, никем не остановленные, поспешно скрылись в лесу.

с. 74

На первой странице обложки: ветеран внутренних войск, полный кавалер ордена «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» генерал-майор запаса А. С. Веревкин с внуками. Материал о нем будет опубликован в будущем году.

Фото А. Александрова.

На четвертой странице обложки: в музее.

Фото Р. Рязанова.

■ СЛУЖИТЬ ПО СОВЕСТИ, ОБОРЕГАТЬ ЧЕСТЬ И ДОСТОИНСТВО

Беликов И. Ресурс сердечности 56

■ НА ТЕМЫ МОРАЛИ

Волков О. Любовь... по преискуранту 63

■ ДЕЛА И ЗАБОТЫ КОМСОМОЛЬСКИЕ

«Демократию?.. Разрешаю!» 67

■ НОВАЯ РУБРИКА

Перестройка: кто есть кто? 71

■ ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

Лосев В. Операция (повесть, начало) 74

Пылев С., Самоварщиков В. Актриса (из рассказов чекиста Жихарева) 84

Михановский В. Думы полководца (из поэмы «Маршал Жуков») 46

Главный редактор А. Г. Горлов.

Редакционная коллегия: В. В. Асташин, В. В. Барсуков, Б. Р. Борукаев, В. И. Бусыгин (отв. секретарь), Ю. В. Дурнев, Н. М. Захарченко, А. П. Котляров, И. Т. Козлов, В. Ф. Кузьменко, Г. А. Малюшкин, Е. А. Нечаев, Л. А. Панкратов, Л. Н. Печевой, Ю. Л. Ражев (зам. главного редактора), А. С. Сокк, П. А. Студеникин, В. Н. Усков, В. А. Шошин, В. В. Щуров.

Художественное оформление Е. К. Селиковой.

Технический редактор И. В. Володина.

Корректоры Е. Ю. Гаврилова, И. Ю. Семибратова.

Адрес редакции: 111250, Москва, Е-250.

Телефоны: секретариата — 361-82-57. Отделов: войсковой жизни — 361-85-23, партийной жизни и военно-патриотического воспитания молодежи — 361-81-54, пропаганды — 361-82-87, военного очерка и публицистики — 361-86-27, литературы — 361-85-28, культуры и массовой работы — 361-89-39, художественного оформления — 361-85-21, издательства (вопросы подписки) — 361-80-97, бухгалтерия — 361-85-80.

Сдано в набор 5.09.89 г.
Формат бумаги 70×108^{1/16}
Уч.-изд. л. 11,5

Подписано к печати 19.10.89 г.

Усл. печ. л. 8,4 + вкл. 1/4 п. л.

Зак. № 2170

Г-25823
Цена 40 коп.

Ордена «Знак Почета» типография «Красная звезда», Хорошевское шоссе, 38.

ДРУЖБА С «АВРОРОЙ»

На крейсере «Аврора» солдат с краповыми погонами тепло встретил капитан 1 ранга в отставке Геннадий Павлович Бартев:

— Рад приветствовать на возрожденном корабле революции старых друзей — воинов Ленинской роты. У нас с вами давние крепкие связи...

— Да, мы гордимся дружбой с «Авророй», — ответил ефрейтор Михаил Муравьев. — Наша дружба насчитывает шестьдесят шесть лет!..

СТРАНИЦА ИСТОРИИ. Еще в 1923 году в четвертую роту на Ленинскую неделю приезжал секретарь партийной организации корабля Тимофей Иванович Липатов. От одного поколения воинов роты к другому передается его рассказ о встречах с вождем:

— Нам, авроровцам, посчастливилось неоднократно видеть Владимира Ильича и беседовать с ним. Никогда не забыть 3—5 июня 1917 года, когда мне и другим матросам было приказано охранять дворец Кшесинской, где находился штаб большевистской партии. Вот в эти-то дни и заходил к нам Ильич на товарищеские беседы: рассказывал о текущих событиях, вселял веру в победу социалистической революции. Поражала ленинская теплота. Бывало, нальет Владимир Ильич чаю из матросского чайника и заведет с нами разговор о домашних делах, о том, как живут наши семьи да сколько у кого земли. До этого никто не беседовал с нами так просто, сердечно, как Ленин. Его глубоко интересовала судьба и всего государства, и отдельных солдат и матросов. Мы, авроровцы, горды тем, что Владимир Ильич считал наш крейсер надежной опорой грядущей революции. И мы рады, что оправдали его доверие.

По приглашению Т. И. Липатова красноармейцы роты посетили революционный корабль, ознакомились с его славными традициями.

ВСТРЕЧИ С А. В. БЕЛЫШЕВЫМ. С тех пор личный состав Ленинского подразделения поддерживает тесную связь с легендарным крейсером. В шестидесятые годы на борту корабля солдаты не раз встречались с первым комиссаром «Авроры» Александром Викторовичем Белышевым. Вместе с ветераном революционного корабля солдаты дольше всего задерживались у исторического шестидюймового бакового орудия.

— С часу на час 25 октября мы ждали условного сигнала с Петропавловской крепости, — вспоминал Александр Викторович.

— Наконец, в 21 час 45 минут, над крепостью был поднят красный огонь, и я подаю команду: «Носовое, пли!» Выстрел произвел комендор Евдоким Павлович Огнев. Яркая вспышка озарила Неву. Начался штурм Зимнего, который сокрушил последний оплот Временного правительства. Революция победила!

Многие солдаты спрашивали Белышева о том, как сложилась судьба комендора Огнева.

— В числе многих авроровцев, — отвечал Александр Викторович, — Евдоким Огнев защищал завоевания Великого Октября на суше. Он погиб в бою с белогвардейцами. Красные следопыты Ростовской области разыскали могилу авроровца, установили на ней обелиск...

ТОРЖЕСТВЕННЫЕ СОБЫТИЯ. Поистине волнующим был проведенный на крейсере слет передовиков эстафеты революционной славы. Посланцы военных округов Советских Вооруженных Сил, пограничных и внутренних войск рапортовали первому комиссару «Авроры» о том, как в повседневном ратном труде продолжают революционные и боевые традиции.

От имени воинов внутренних войск выступил внук красного конника и сын героя Великой Отечественной войны, секретарь комсомольской организации Ленинского подразделения ефрейтор А. Зателепа. Кавалер четырех знаков солдатской доблести заверил ветерана Октябрьской революции, что он и его боевые товарищи во всем будут следовать героям Великого Октября, станут такими же идейными, беспредельно преданными защитниками своего Отечества.

На борту революционного корабля произошло и другое памятное событие — принятие военной присяги молодыми солдатами внутренних войск.

Первым принял присягу комсомолец Михаил Куций, до призыва — рабочий-котельщик Киевского завода «Ленинская кузница». Вслед за ним поставил свою подпись под присягой сын фронтовика

Василий Недобой, овладевший в оборонном коллективе тремя военно-техническими специальностями. В течение часа звучали слова торжественной клятвы. Казалось, это сама «Аврора» принимала ее от наследников октябрьских борцов.

Такое не забывается, остается на всю жизнь. Примечательно, что Михаил Куцый стал отличником и классным специалистом, заслужил три нагрудных знака, его имя занесено в Книгу почета полка, он удостоен чести быть сфотографированным при развернутом Боевом Знамени воинской части.

ДОБЛЕСТНЫМ ТРУДОМ. В начале восьмидесятых годов Ленинградский судостроительный завод приступил к проведению на крейсере комплекса ремонтно-восстановительных работ. Восстановление корабля значилось в производственной программе рабочего коллектива как заказ под № 01917. Ответственное задание Родиной!

Находясь на судовой верфи в течение трех лет, «Аврора» по-прежнему значилась в составе отечественного флота, и военноморской флаг не спускали ни на один день. Воины Ленинского подразделения тоже не прерывали связей с боевыми друзьями-моряками. Но они не только встречались с ветеранами революции, с матросами восьмидесятых, но и оказывали посильную помощь в ремонтно-восстановительных работах.

В те дни имя крейсера революции стало тем флагом, под которым на судовой верфи объединялись комсомольцы предприятий и воины Ленинградского гарнизона. Вместе с ними в субботниках, посвященных возрождению «Авроры», участвовали воины внутренних войск МВД СССР по Северо-Западу и Прибалтике, в том числе и Ленинской роты.

Бригада Героя Социалистического Труда Н. Я. Романова восстанавливала подводную часть корпуса. Судосборщики вручную уложили восемьсот тридцать тонн балласта. В этом им помогли солдаты Ленинского подразделения, одетые, как и корабли, в рабочие робы. Каждую «чушку» весом 32 килограмма они пронесли по узким и низким проходам подводной части корабля. «Красиво работают солдаты!» — тепло отзывался о них Романов.

О масштабе проведенных ремонтно-восстановительных работ свидетельствуют такие цифры: восстановлены 1732 сохранившиеся единицы оборудования, а 244 изготовлены заново. Все это — результат творческого поиска, самоотверженности, высокого профессионального мастерства кораблестроителей. Конечно же, ценен вклад и их добровольных помощников — воинов внутренних войск.

Прославленный крейсер в 1987 году вернулся с судостроительного завода на место вечной стоянки возле гранитного парапета Петроградской набережной обновленным, величавым. Ему полностью возвращен первоначальный историко-архитектурный облик.

ДОРОГИЕ СЕРДЦУ РЕЛИКВИИ. На возрожденной «Авроре» уже побывали воины Ленинской роты и других подразделений. На этот раз на борт корабля поднялись молодые солдаты роты.

— Познакомьтесь, товарищи, с реликвиями «Авроры», — предложил Геннадий Павлович Бартев.

Солдаты осмотрели штурвал в штурманской рубке. С помощью его управляли кораблем революционные матросы, выводившие крейсер к Николаевскому мосту. В радиорубке воины увидели ключ передатчика. Это им радист-авроровец Федор Алонцев отстучал в эфир ленинское воззвание «К гражданам России!» Точно эхо революционных бурь, из точек и тире в памяти сложились слова:

— Временное правительство низложено! Гости остановились у исторического шестидюймового бакового орудия, из которого был произведен исторический выстрел 25 октября 1917 года.

— А теперь пройдемте в наш корабельный музей, — пригласил Геннадий Павлович. — После восстановления крейсера намного увеличилась музейная площадь, у нас появились новые экспозиции.

Ветеран-авроровец прокомментировал документы и материалы на тему «В. И. Ленин — вождь Великого Октября». Внимание всех привлекла электрифицированная диорама «Выстрел «Авроры». Живой интерес вызвал впервые воссозданный интерьер матросского кубрика времен 1917 года с подвесными койками, столами, рундуками. Кубрик дает представление о быте команды революционного корабля. Заинтересованно парни ознакомились с новыми реликвийными предметами, документами, фотографиями, личными вещами героев-авроровцев. В корабельном музее воины словно прочитали боевую летопись революционного крейсера.

БЕСЕДА С МОЛОДЫМИ АВРОРОВЦАМИ.

После посещения музея солдаты встретились также с матросами первого года службы. Завязалась непринужденная товарищеская беседа. Познакомились. Узнали, что молодые моряки хорошо изучили боевую биографию корабля. У каждого цель — в военно-морской службе походить на авроровцев старших поколений.

Напряженная учеба, вахты, учебно-боевые тревоги — все, как на боевом крейсере. Многие уже перекрывают установленные нормативы. Постоянную заботу проявляют о подготовке корабля к встрече гостей, о том, чтобы все на нем блестело, радовало глаз.

— Иначе нельзя служить на «Авроре», — выразил мысли товарищей матрос Сергей Кузнев. — Подвиги героев-авроровцев зовут нас выполнять воинский долг по чести и совести, продолжать их революционные и боевые традиции.

В. АДОРНСКИЙ, заслуженный работник культуры РСФСР, ветеран внутренних войск.

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ:

- ОСТОРОЖНО: РАВНОДУШИЕ
- ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ
- ПОВТОРНЫЙ ЗАПРОС
- ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

ПИСЬМО С КОММЕНТАРИЕМ СЛУЖБЫ ВОЙСК

БРЮКИ НАВЫПУСК? НЕЛЬЗЯ!

Уважаемая редакция, очень прошу ответить на вопрос: «Для чего нам выдают брюки навыпуск и хромовые ботинки?» Считаете, смешной вопрос? Да и я тоже так считал бы, если бы в нашем подразделении не запрещалось категорически носить на службу и брюки навыпуск, и ботинки. Словом, нельзя — и все! Я уж и надеваю-то ботинки только в такие дни, когда нет занятий, дежурства, общего развода. И все равно — нельзя!

Ну почему? Кто это может запретить? Зачем нам эти вещи выдают, если нельзя? Что, пусть лучше дома лежат?

А жаль, ведь именно на службе и хочется выглядеть красиво. Недаром говорят: по одежке встречают...

Прапорщик Ю. ВАЛНЕВ.

ОТ РЕДАКЦИИ. Письмо прапорщика Ю. Валнева мы попросили прокомментировать полковника В. ЖУРАВЛЕВА — начальника отделения ГУВВ. Вот что он нам сообщил.

Нельзя согласиться с позицией тех командиров и начальников, которые однозначно подходят к решению вопросов, затрагивающих жизненные интересы подчиненных. Ничем не оправданные запреты, своеволие, идущие вразрез с требованиями нормативных документов, разного рода перестраховки отнюдь не способствуют успешному решению поставленных перед воинскими коллективами задач, созданию в них здорового микроклимата.

Что касается формы одежды, то согласно приказу министра обороны СССР установлены следующие ее виды: парадная (для строя и вне строя), повседневная (для строя и вне строя) и полевая. Четко оговорено, когда, при каких обстоятельствах носится каждая из них. В частности, повседневная вне строя, в том числе и брюки навыпуск, носится при работе в штабах, от штаба соединения и выше, в управлениях и учреждениях, а также во внеслужебное время.

Разрешается ношение повседневной формы одежды вне строя при исполнении служебных обязанностей в подразделениях частей, не связанных с пребыванием в строю, на классных занятиях внутри расположения части, в аудиториях, лабораториях и мастерских военно-учебных заведений, на служебных совещаниях и собраниях.

Командиры частей, которым вменено в обязанность ежедневно объявлять форму одежды, при принятии решения обязаны учитывать характер выполняемых задач и проводимых занятий.

Немаловажна и такая деталь. Тем же приказом министра обороны СССР, на который мы уже ссылались, для удобства ношения формы одежды и своевременной ее смены в зависимости от необходимости разрешено хранение повседневной, полевой и специальной одежды офицеров, прапорщиков и военнослужащих сверхсрочной службы в шкафах подразделений, канцеляриях и служебных кабинетах. Должностным лицам на местах надо создавать необходимые условия для полного выполнения приказа министра обороны.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

НИКОМУ ДО НАС НЕТ ДЕЛА...

Заступил в войсковой наряд. ШИЗО — пост ответственный, надо всего себя на службу настроить, а у меня мысли о другом и ком в горле. Камнем на душу обидает...

Случилось у нас в семье несчастье — тяжело заболела младшая дочь. Неделю лежала с капельницей. Настроение у меня, сами понимаете, какое. Спасибо ребятам из взвода за поддержку: когда понадобилась дочке кровь, сразу несколько сослуживцев вызвались быть донорами. Вот какие у меня замечательные товарищи!

А вот командиры, призванные по уставу проявлять заботу о подчиненных, командиры мои оказались... Эх, да что там говорить!.. Вместо участия, добросердечности получил я урок черствости и бездушия.

В один из этих тревожных дней возвратился домой после политзанятий. Время обеденное, покормил детей — их у нас, кроме больной дочери, еще двое, — и в

больницу. Жену застал в слезах. Оказывается, кризис, по мнению врачей, миновал, и супруге предложили возвратиться домой, оставив малышку на попечение медперсонала. Пришлось побегать по кабинетам, чтобы жене все же разрешили остаться с больным ребенком.

Из больницы — скорее домой. Прибежал — детей нет. Переоделся в военную форму и — по соседям. Нашел. Ташу ребят в квартиру, навстречу старший прапорщик Н. Зарипов. Не дав и рта раскрыть, чтобы объяснить причину опоздания на развод, он начал костерить меня почему зря. Прямо при детях... Голова пошла кругом от стыда и обиды.

Комбат, тот вроде бы вник в ситуацию, особо распекать не стал. Но на всякий случай — я же не в себе был — спросил, не пьян ли я?..

...Продолжаю нести службу на посту, а у самого на сердце кошки скребут: как там жена с большой дочкой, как детишки, ведь одни дома? И другое берedit душу: неужели нашим начальникам до наших забот нет никакого дела? Ну пусть им на наши личные беды наплевать, а с каким настроением мы на боевую службу заступаем — неужели им тоже все равно?..

ПРАПОРЩИК Н.

ПОВТОРНЫЙ ЗАПРОС

ВО ВСЕМ ЛИ РАЗОБРАЛИСЬ?

Прапорщик Т. Шабанова в своем письме в журнал рассказала о недостойном поведении старшего прапорщика А. Седых. «Терпение мое лопнуло, переносить самодуриство этого горе-начальника с партийным билетом не могу», — с горечью написала она. И привела факты, которые вызвали просто недоумение: как сходило с рук такое командиру взвода!

На наш запрос получен ответ генерал-майора Л. Микитенко. В нем сообщается, что все в письме Т. Шабановой — правда. За грубость, нетактичное отношение к подчиненным старший прапорщик А. Седых освобожден от занимаемой должности и назначен с понижением. Командиру подразделения майору А. Скороходову, его заместителю по политической части капитану Ю. Потюю указано на слабую индивидуальную работу с личным составом.

К сожалению, в ответе нет информации, как воспринял коллектив строгие меры. Надеемся, с удовлетворением. Непонятно только, почему сами люди не сплотились и не возвысили голос в защиту справедливости? Хотелось бы знать, чем объясняется пассивность партийной организации в вопросах оздоровления нравственной обстановки в коллективе и как все же среагировали коммунисты на конфликтную ситуацию.

Интересует редакцию и другое: почему командиры, к которым обращались обиженные с жалобами на Седых, не принимали надлежащих мер? Отчего офицеры Степанов, Томилов оставили сигналы подчиненных без внимания? Почему для принятия мер потребовалось вмешательство редакции? Приглашаем высказаться по заданным вопросам и представителей командования части, и самих прапорщиков.

ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

ЗА ПРЕСТИЖ НАДО БОРЬСЯ

Почетна и ответственна служба во внутренних войсках. Плечом к плечу с Советскими Вооруженными Силами стоят они на страже безопасности Отчизны и в мирное время решают боевые задачи. Так почему же не пользуются популярностью у призывников краповые погоны? Почему некоторые молодые люди едва ли не на коленах просят военкомов направить их служить куда угодно, только не во внутренние войска?

Уверен — от неведения. Да и откуда же узнавать ребятам о боевых и революционных традициях воинов-чекистов, их славных делах? Разве что из рассказов бывших осужденных.

Противопоставить та-

ОТ РЕДАКЦИИ. Это письмо мы направили в политотдел соединения, где служит прапорщик Н. Получили ответ от политработника полковника З. Хабирова: в результате проведенной проверки факты, изложенные в письме, подтвердились. Старший прапорщик Н. Зарипов наказан командиром части. Командиру батальона указано на недопустимость бездушного отношения к подчиненным... А вскоре мы получили от прапорщика Н. еще одно письмо.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

СПАСИБО, НО...

Дорогая редакция!

Большое спасибо за участие в моей судьбе! В данный момент служба у меня идет нормально, дочку уже выписали из больницы, и она идет в ясли. Старший прапорщик Зарипов наказан, в подразделении нашем прошло собрание — настоящее, живое, у кого что наболело — все высказались.

А заметку мою публиковать не надо. Рота наша на хорошем счету, коллектив друж-

ный. И если будет статья, то она ославит нас на весь Союз. Скоро проверка, какое мнение сложится о нас у проверяющих? Это может ударить по всему коллективу.

Еще раз благодарю за помощь в трудную минуту. Хочу сказать несколько слов о журнале нашем. В нем стало много интересных рассказов, и язык живее, нет казенщины, сейчас он нарасхват...

ПРАПОРЩИК Н.

...Согласитесь, ситуация не совсем обычная — мы решили поместить на страницах журнала оба письма, не называя фамилии автора. Надеемся, читатель и автор поймут, почему мы это делаем. Да, вполне объяснимо желание прапорщика Н. не выносить сор из избы, тем более что меры приняты. Но в данном случае, на наш взгляд, за этим фактом скрывается нечто большее, чем невниманье и бестактность по отношению к автору письма. Речь идет о проявлении равнодушия, которое в последнее время, как ржавчина, разъедает наше общество. Равнодушия, которое страшнее любой эпидемии.

Вот почему мы все-таки решились на опубликование писем прапорщика Н. и надеемся, что разговор на эту тему еще не окончен и вы, дорогие читатели, примете в нем самое живое участие.

НЕДОУМЕННОЕ ПИСЬМО

КОМУ НУЖНЫ ТАКИЕ СБОРЫ?

Уважаемая редакция журнала «На боевом посту»!

Пишет вам офицер запаса Ильин Юрий Иванович. Дело в том, что 30 июля сего года меня призвали на месячные сборы, которые проходили при одной из частей внутренних войск. Когда мы ехали туда, думали, что нас там приобщат к чему-нибудь дельному. Увы. Странная, если не сказать сильнее, была эта «учеба». Соберут нас, около 180 человек, в клубе и начинают читать скучнейшие лекции, практически ничего не дающие для повышения нашей командирской подготовки. Кому нужны такие сборы, причем в самый разгар страдной поры! Это же на десятки тысяч прямых убытков для страны, которая и без того находится в непростом экономическом положении! Естественно, и отдача от такого ученичества — минимальная. Если суммировать все то полезное, что нам преподали, то и трех дней хватило бы за глаза...

Такое впечатление, что собрали запасников лишь для того, чтобы мы прочувствовали полна на себе все «преlestи» казарменного положения. Нам даже ограничили увольнение в город по воскресеньям — не более 30 процентов от личного состава. Но в уставе, на который ссылалось командование, разъясняется порядок увольнения солдат и сержантов срочной службы, а мы все-таки офицеры. Какая необходимость держать в казарме людей зрелых, многим из которых за сорок, а то и за пятьдесят лет!

Просили мы ознакомить нас с положением о порядке прохождения службы офицерами запаса на сборах, но начальник штаба в этом нам отказал, ссылаясь на секретность документа. А что там может быть секретного? Я считаю, что нас держат в неведении относительно своих прав, чтобы мы побольше молчали... Старый прием, но в пору гласности от него давно надо отказаться.

С уважением офицер запаса Ю. ИЛЬИН.

кой пропаганде почти нечего. «Приказано заступиться!», «В карауле бессонном...» — и те далеко не в каждой библиотеке есть. Вот и ходит в народе молва, что не солдаты служат во внутренних войсках, а охранники.

Последние события в стране многим людям открыли глаза на правду. Престиж воинов правопорядка заметно вырос. Но этого мало. Как воздух нужна сегодня большая, кропотливая пропагандистская работа. По этому поводу хочу поделиться одним соображением. Не пора ли появиться на прилавках киосков «Союзпечати» журналу «На боевом посту»? Секретного в нем ничего нет. Каждый же, кто приобретает его, узнает правду о внутренних войсках и, думаю, будет относиться к ним с симпатией и уважением.

С. КОРКИН,
корреспондент газеты
«На боевом посту»
ГУВД Мосгорисполкома.

ХОТЯ ПИСЬМО И
НЕ ОТБЛИКОВАНО

УВОЛИТЬ ЗА ОБСЧЕТ И ГРУБОСТЬ

Прапорщик Б. Окилов, член комиссии общественного контроля роты, сообщил в редакцию о плохой работе продавца магазина подразделения В. Фирулевой.

На запрос редакции подполковник А. Попов ответил, что факты, изложенные в письме прапорщика, в основном подтвердились. Общее собрание лично-

го состава роты потребовало уволить этого продавца за грубость, нарушение распорядка работы, припрятывание дефицитных товаров, обсчет покупателей, появление на работе в нетрезвом состоянии. Командование части согласно с решением коллектива вышло с ходатайством на начальника военторга об увольнении Фирулевой.

ПОЛУЧЕН
ОТВЕТ

«СОР ИЗ ИЗБЫ» (1989, № 4)

Мало кому острое слово, нелицеприятная речь доставляют удовольствие. Правда, одни люди воспринимают критику спокойно, стремятся исправить недостатки. Другие, напротив, — бурно, в штыки, забывая о деле, которое не делается. Взять, к примеру, командование соединения, откуда пришло письмо младшего сержанта сверхсрочной службы И. Веснина. В своем ответе на критическое выступление «Сор из избы» оно не отрицает того, что ряд упущений, причем наиболее существенных, как говорится, имеет место быть. От этого никуда не денешься. Действительно, служебная нагрузка непомерно высока, а взвод контролеров не укомплектован. И грубость администрации налицо...

Признавая эти недостатки (правда, скользко), командир и начальник политотдела соединения, то ли желая расставить все точки над «и», то ли просто-напросто отстаивая честь мундира, «раскрывают» нам глаза на истинное лицо автора письма. При этом они исходят из пресловутого принципа «сам такой!». Мол, какое право имеет Веснин указывать на беспорядки, если за ним грешки водятся по части дисциплины? Да и необъективен он, по мнению командования, тенденциозно подает фактуру, не имея на то достаточно веских оснований.

Вот, к примеру, не нравится Веснину, что у многих осужденных-поселенцев, прибывающих в ИТКП, нет на руках документов, удостоверяющих их личности. По закону должны быть? Обязательно. Но, оказывается, буква и дух закона в условиях хозрасчета противоречат выполнению колонией-поселением плано-

вых заданий. Предпочтение отдается не закону, а плану, значит, зря возмущается Веснин. В ответе в редакцию так и сказано: «Закон есть закон, но...» Примерно такими же «но» изобличается «нечестный» и «неискренний» Веснин и далее.

В пылу обвинений авторы ответа наивно забыли сообщить, какие же меры наметило командование по приведению организации надзора за осужденными в соответствие с требованиями Устава внутренних войск, что сделано и делается по упорядочению служебной нагрузки и нормализации взаимоотношений с администрацией ИТКП.

И еще. В ответе в редакцию признается, что по вине офицеров Н. Картамышева и В. Гусева «статья своевременного обсуждения не была и по ней не принимались меры». Оргвывод: «За неоперативное реагирование на критическую статью журнала и непринятие должных мер Гусев В. А. заслуживает строгого взыскания...» Позвольте, а Картамышев? Ведь его фамилия стояла первой среди виновных? Не потому ли «выпала» она в суровой заключительной части, что тов. Картамышев подписал этот пространственный ответ в редакцию?

«ЗАРАБОТАЛ — ПОЛУЧИ»

(1989, № 6)

Начальник политотдела части сообщил, что статья обсуждена на совещании командования. Многие из поднятых автором вопросов решены. И, главное, упорядочена служебная нагрузка на контролеров.

Наш адрес: 111250, г. Москва, Е-250,
РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «НА БОЕВОМ ПОСТУ»

УГРО: НАДЕЖДЫ И ТРЕВОГИ

**НАШ СОБЕСЕДНИК — НАЧАЛЬНИК ГЛАВНОГО
УПРАВЛЕНИЯ УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА МВД СССР
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ МИЛИЦИИ В. К. ПАНКИН**

«ПРИНЯТЬ МЕРЫ,
СОЗДАЮЩИЕ РЕАЛЬНУЮ
ВОЗМОЖНОСТЬ
СОТРУДНИКАМ ОРГАНОВ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
И ПРЕЖДЕ ВСЕГО
МИЛИЦИИ
РЕШИТЕЛЬНО ПРЕСЕКАТЬ
ДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНЫХ
ЭЛЕМЕНТОВ.
...ПРЕДУСМОТРЕТЬ
МЕРЫ ПО УСИЛЕНИЮ
УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА ПОСЯГАТЕЛЬСТВО
НА ЖИЗНЬ
И ДОСТОИНСТВО
РАБОТНИКОВ МИЛИЦИИ
И ДРУГИХ ЛИЦ,
УЧАСТВУЮЩИХ
В БОРЬБЕ
С ПРЕСТУПНОСТЬЮ
И НАРУШЕНИЯМИ
ОБЩЕСТВЕННОГО
ПОРЯДКА».

(Из постановления
Верховного
Совета СССР
«О решительном усилении
борьбы с преступностью»)

-- С НЕДАВНЕГО времени в печати стали регулярно публиковаться сведения о состоянии преступности в стране. Обстановка крайне сложная. Особенно тревожат такие явления, как мафия, рэкет, наркобизнес, попытки коррумпированных элементов спровоцировать конфликты на национальной почве. Что вы можете сказать о сложившейся в стране криминальной ситуации? Как в этих условиях работает уголовный розыск?

— Да, к сожалению, преступность в стране растет. Причем очень высокими темпами. За 9 месяцев нынешнего года — 49,4 процента. Почему сложилась такая тревожная ситуация, где скрыты главные пружины этого процесса? Многие находят простое объяснение: виновата милиция, плохо справляется с возложенными на нее обязанностями. Что ж, упрек справедлив. Но не следует смотреть на вещи упрощенно. Генезис преступности зависит от многих факторов. Одни крепко связаны с наследием эпохи застоя, другие вызваны к жизни противоречивыми процессами обновления общества. Такова диалектика, и не считаться с ней нельзя.

Анализ тенденций, отраженных в криминальной статистике, требует отдельного разговора. Поэтому заострю внимание лишь на том, что более всего тревожит.

Прежде всего, это рост организованной преступности, сращивание уголовного мира с дельцами «теневой экономики». Многие мафиозные группы великолепно оснащены (автомобили последних марок, импортные портативные передатчики, подслушивающие устройства, оружие—вплоть до автоматов и крупнокалиберных пулеметов), имеют четкую организационную структуру и ставят далеко идущие цели. Характерная деталь: лицам, вовлекаемым в преступную деятельность, внушается, что силы правопорядка, страшась ответственности, применяют оружие только в самых исключительных случаях. Теперь, правда, на основе постановления Верховного Совета СССР «О решительном усилении борьбы с преступностью» разработаны документы, которые позволяют милиции и внутренним войскам в ситуациях, представляющих особую опасность, применять оружие более решительно.

ПО ДАННЫМ УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА:

«Две враждующие преступные группировки — «люберецкая» и «бауманская» — готовились силой решить спорный вопрос о «сферах влияния» в столице. По оперативным сведениям, вооруженная стычка могла произойти у магазина «Березка» Первомайского района.

Операция московской милиции по предупреждению готовящегося группового преступления прошла успешно. Задержаны 47 участников преступных группировок. Изъято 12 единиц холодного оружия».

НА ПРЕСТУПНОСТЬ — ЕДИНЫМ ФРОНТОМ

— Следующее. Форсированными темпами растут корыстная преступность, тяжкие насильственные действия, в том числе и с применением огнестрельного оружия. Причем поражает агрессивность и патологическая жестокость злоумышленников. Рэкетеры подвергают свои жертвы пыткам, вымогая деньги. Усугубляют обстановку рост проституции, наркомании.

Объектом прямого, откровенного давления со стороны антиобщественных элементов все чаще становятся правоохранительные органы. Захваты заложников, вооруженные нападения на милиционеров — таковы злоеющие симптомы активизации преступного мира.

ПО ДАННЫМ УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА:

«Февральской ночью в городе Друскининкай Литовской ССР преступники открыли огонь из автоматов по патрулю ГАИ. Один сотрудник был убит, другой — тяжело ранен. С его слов было установлено: нападение совершили четверо мужчин на автомобиле ВАЗ-21011 синего цвета, в номере пмелись буквы «КЛ»...

Оперативную группу возглавил начальник отдела уголовного розыска УВД Калининградского облисполкома подполковник милиции Шушаков В. П.

В течение нескольких суток сотрудники угрозыска шли по следу бандитов. И вот обезврежены двое из четверых. Удалось установить местонахождение главаря банды. Почуввав опасность, он и его сообщник укрылись на квартире у знакомых.

...Оцеплен двор. Блокированы подъезд и дверь в квартиру. В доме напротив занял удобную позицию снайпер.

В безнадежной ситуации бандиты решили идти ва-банк. В руках главаря, выбежавшего на балкон, Шушаков увидел... лимонку. Судорожным движением выдернута чека. Злобный крик: «Вместе взлетим, начальник!»

Положение было критическим. Но Шушаков все же нашел выход. Хитростью заставил убийцу водвориться на место чеку. В это мгновение раздался глухой выстрел снайперской винтовки.

Четвертого бандита взяли без особого труда, ворвались в квартиру с такой стремительностью, что тот не успел прикоснуться к автомату.

За эту операцию подполковник милиции В. Шушаков был награжден орденом Красной Звезды. Вручены награды и другим участникам поиска и захвата преступников».

— Хочу отметить и такой принципиальный момент. Гуманизация правосудия, не подкрепленная социальной профилактикой и контролем, привела к увеличению среды, питающей преступность и туеядство. Ведь что получилось? Почти вдвое сокращена численность содержащихся в колониях осужденных. Но вышедшие на свободу зачастую не находят поддержки в бытовом и трудовом устройстве. И, отчаявшись, принимаются за старое.

После исполнения Указа об амнистии резко осложнилась криминальная ситуация в ИТК: возрос удельный вес «отрицаловки». Вот цифры: доля осужденных за убийства достигла среди отбывающих наказание 11,5 процента, за разбой — более 6 процентов. Как показывает анализ, свыше 80 процентов преступных групп организованы именно в местах лишения свободы. Тут есть над чем задуматься и представителям контролерской службы внутренних войск, да и не только им.

Наконец, межнациональные конфликты. Участвуя в их локализации, правоохранительные органы вынуждены были значительные силы и средства отвлекать от борьбы с уголовной преступностью.

Не удивительно, что при такой нагрузке на оперативных сотрудников темп роста остатка нераскрытых преступлений стал опережать темп прироста зарегистрированных.

Таким образом, в нынешних условиях назрела необходимость в перегруппировке сил в системе МВД. Думается, только сосредоточив усилия на наиболее острых направлениях борьбы с преступностью, оперативно-розыскном и профилактическом, можно ожидать быстрого результата.

Какие же меры принимаются для решения данной проблемы сегодня?

Выполняя постановление Верховного Совета СССР, органы внутренних дел приняли активное участие в создании в союзных и автономных республиках, краях и областях, в республиканских, краевых и областных центрах временных комитетов по борьбе с преступностью.

Местным Советам передается часть полномочий центра по управлению охраной общественного порядка, патрульной службой, безопасностью движения и т. п. Это позволит нам сконцентрировать усилия на главном, повысит инициативу и ответственность сотрудников на местах.

Большое внимание уделяется структурно-штатным изменениям. Идет работа по укреплению кадрового аппарата наиболее подготовленными в профессиональном отношении работниками. Созданы специализированные подразделения для борьбы с организованной преступностью. Возрождается ранее сокращенный институт оперуполномоченных по особо важным делам.

— Вячеслав Кириллович, а что нового внесла перестройка в формы и методы работы угрозыска?

— Благодаря гласности мы получили такого мощного союзника, как средства массовой информации. Страницы газет, экран телевизора стали для нас надежными каналами связи с гражданами. Важное значение придаем выступлениям в трудовых коллективах, перед общественностью. И еще одно. Сейчас в МВД практикуются комплексные меры борьбы с преступностью, рассчитанные на широкую поддержку партийных организаций, Советов народных депутатов. Убежден: это самый правильный путь. Только опираясь на народ, милиция сумеет одолеть волну преступности. Зло нужно искоренять всем миром,

Говоря о перестройке и укреплении уголовного розыска, хочу подчеркнуть: сделаны только первые шаги. Ликвидировать диспропорцию между практикой преступника и практикой работника милиции мешают серьезные недостатки, нерешенные проблемы в системе МВД.

— Какие из этих проблем больше всего волнуют?

— Долгие годы органы внутренних дел оставались зоной, закрытой для критики. Причины известны. Останавливаться на них не буду. Административно-командной системой был продиктован «социальный» заказ на благополучную криминальную статистику. И милиция успешно обеспечивала если не «стопроцентную», то близкую к этому раскрываемость преступлений. Разумеется, на бумаге. На этой почве в органах МВД, как, впрочем, и везде, произрастали ложь, очковитирательство, формализм, показуха. А на реальные проблемы некоторые ответственные должностные лица нередко закрывали глаза. И не потому, что были такими уж махровыми приспособленцами. Просто это было в порядке вещей.

Скрывать нечего: с трудным наследием вступили мы в перестройку. Слабая техническая оснащенность, отсутствие электроники, допотопные средства связи делают работу сыщика трудоемкой и малоэффективной. Между тем наши коллеги во многих капиталистических и социалистических странах имеют первоклассные автомобили, за считанные минуты могут получить по телефону или с помощью компьютерной техники необходимые данные из центра информации, повсеместно пользуются для записи первоначальных показаний портативными магнитофонами.

Все правоохранные органы, включая уголовный розыск, нуждаются в более сильной социальной и правовой защищенности. Наш сотрудник зачастую не уверен в своих действиях, потому что низок его общественный статус, он не обеспечен достаточно правами. В США закон разрешает полицейскому при необходимости применять против преступников самые суровые санкции, а у нас: в милиционера стреляют — он же поневоле раздумывает, признает ли прокурор правомочным ответное применение оружия?

А взять материальное положение сотрудника угрозыска. В настоящее время труд оперуполномоченного оплачивается ниже разумного предела, без учета его тяжести, кропотливости, а главное — риска. Разве это допустимо: человек чуть ли не ежедневно подвергает свою жизнь опасности и вынужден думать о том, как дотянуть до следующей зарплаты? Естественно, происходит отток специалистов на более спокойные участки работы.

Мировая практика убеждает: экономия на уголовной полиции обходится государству очень дорого. Красноречивые цифры для сравнения. Затраты на полицию в США составляют 100 долларов на каждого жителя страны, у нас — 8 рублей. Мы так

долго говорили, что главное — не деньги, а престиж, что напрочь забыли очевидную истину: престиж должен быть подкреплен материально.

Актуальным является и вопрос о совершенствовании системы подготовки и переподготовки кадров. Милиции надо учиться бороться с умным, дерзким и хорошо вооруженным противником.

Сегодня с полным основанием можно утверждать: многие волнующие нас проблемы — в стадии решения. Большой импульс этому придал I Съезд народных депутатов, постановление Верховного Совета СССР «О решительном усилении борьбы с преступностью».

С нового года ожидаем повышения денежного содержания работникам МВД. Осуществляются меры по перестройке профессионального обучения сотрудников милиции. Обновляется законодательная основа нашей деятельности. Особенно важен в этом плане Закон СССР о милиции, проект которого будет широко обсужден. Может быть, тогда наконец определятся роль и место милиции в строительстве социалистического правового государства, правовое регулирование порядка применения принудительно-властных полномочий, будет обеспечен значительно более высокий уровень правовой и социальной защиты сотрудника МВД.

— Время перемен рождает новые, порой необычные формы правовой защиты граждан. Например, частная сысковая деятельность. Ее появление вызвало немало споров. А как вы относитесь к этому новшеству?

— Я не консерватор и всячески приветствую разумную инициативу и предприимчивость. А вот сыщики-кооператоры... Знаете, пока воздержусь от восторженных оценок.

Начнем с того, что любая правовая защита должна основываться на законе. Частный детектив лишен каких-либо юридических прав на ведение сыска: законодательством они не предусмотрены. Устав кооперативного подразделения (к примеру, созданного недавно в Ленинграде частного сыскаго бюро «Алекс») не имеет силы закона.

Далее. У частного сыщика нет возможности проверить доказательства по учетам милиции. В такой ситуации он вынужден будет искать себе союзника среди сотрудников уголовного розыска и, возможно, делить с ним гонорар за информацию или раскрытие преступления. Опять же вопрос: где законодательное обоснование такого сотрудничества?

А разве исключена вероятность того, что какой-нибудь частный детектив, прельстившись большим вознаграждением, начнет действовать в интересах преступной группы или кооператива с сомнительным значением и репутацией?

Словом, неясных вопросов много. Жизнь покажет, какой след возьмет «Алекс».

— В чрезвычайных ситуациях сотрудникам милиции и военнослужащим внутренних войск нередко приходится выполнять задачи в тесном взаимодействии. Как бы вы оценили это профессиональное сотрудничество при ликвидации последствий землетрясения в Армении, во время трагических событий в Сумгаите, Фергане, Абхазии!

— Ситуация в стране обострила необходимость преодоления ведомственной разобщенности, укрепления взаимодействия между различными главками МВД и их подразделениями на местах. Тут уж сама жизнь заставляет идти путем перестройки.

С болью в сердце вспоминается зона бедствия в Армении. С первых же часов после страшного удара стихии сотрудники угрозыска, воины внутренних войск — на посту. Их силы направлены на спасение людей, поддержание общественного порядка, сохранность социалистической собственности и личного имущества граждан. Были созданы оперативно-поисковые группы, взаимодействующие с войсковыми нарядами. Вместе охраняли объекты с материальными ценностями. Примеров сотрудничества — масса.

Что же касается трагических событий в Нагорном Карабахе, Сумгаите, Фергане и Абхазии — это суровый укор всем нам. Укор и урок. Скажем прямо: мы не сумели предотвратить вспышки насилия и вандализма, своевременно обезвредить зачинщиков и подстрекателей, а главное — выявить стоящие за ними силы, которые разжигают межнациональные страсти для дестабилизации обстановки в стране. Мы брали под контроль ситуацию в этих регионах лишь после того, как совершалось непоправимое — лилась невинная кровь, гибли люди, не нашедшие защиты от озверевших убийц и насильников... Здесь, конечно, вина не только уголовного розыска. Но от этого не легче.

Сегодня всем должно быть ясно: нельзя медлить с решительными мерами по предупреждению массовых беспорядков, особенно там, где обострены межнациональные отношения. Присутствие внутренних войск, четкие действия правоохранительных органов в районах бедствия — мощный стабилизирующий фактор. И тут, безусловно, надо выступать единым фронтом, не думая о ведомственной принадлежности.

Именно так, с позиций общих интересов, действовали военнослужащие и сотрудники угрозыска в Сумгаите, Фергане, других регионах со сложной обстановкой. Тесное профессиональное сотрудничество заключалось в выработке совместных мероприятий, обмене оперативной информацией, координации усилий по выявлению и задержанию подстрекателей и активных участников беспорядков.

Наши сотрудники благодарны личному составу подразделений внутренних войск, которые привлекались для оказания помощи следственной группе МВД СССР. С участием воинов мы провели ряд успешных операций по захвату скрывавшихся в кишлаках погромщиков и убийц. Солдаты и

курсанты узбекской национальности при проведении розыскных мероприятий помогали нам в качестве переводчиков. А как пригодились работникам угрозыска отснятые в самый разгар событий фотопленки, которые передали следственной группе войсковые политработники.

ИЗ БЛОКНОТА ЖУРНАЛИСТА: «Городок Яйпан. Чайхана, окруженная взводом военнослужащих внутренних войск. В сопровождении сотрудников угрозыска из дверей выходят несколько парней. Это хулиганы. Они думали уйти от возмездия. Не вышло...»

— Во внутренних войсках есть специальная служба, которая выполняет розыскные функции. Удовлетворены ли вы качеством взаимодействия этой службы с уголовным розыском! Какие здесь проблемы, неиспользованные резервы!

— Надо сказать, за последние два года вопросы нашего взаимодействия по розыску бежавших осужденных стали решаться намного эффективнее.

Прежде всего улучшилось оперативное информирование, оповещение ГАИ, транспортной милиции. По инициативе службы розыска войск мы все чаще прибегаем к таким методам оповещения населения, как показ фотографий преступников в газетах, в телепередачах «Взгляд» и «600 секунд».

В феврале нынешнего года о проблемах укрепления взаимодействия шла речь на встрече в ГУВВ с участием представителей нашего главка, ГУИД, ГУВДТ, ведущих специалистов Академии МВД СССР.

А вот результаты нашей совместной деятельности: в непосредственном взаимодействии с работниками угрозыска штатные подразделения розыска внутренних войск ежегодно задерживают 60—70 процентов бежавших из мест лишения свободы осужденных и значительное количество граждан, разыскиваемых за совершение уголовных преступлений.

Скажу и о резервах. Если на уровне главков взаимопонимание достигнуто, то сотрудники на местах проявляют порой мелковедомственный эгоизм, активно подключают силы к розыску бежавших осужденных лишь в том случае, когда те совершают преступления на территориях, обслуживаемых горрайотделами внутренних дел.

С такими фактами боремся, стремимся обеспечить единство действий всех аппаратов и служб МВД.

ПО ДАННЫМ УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА:

«В городе Пушкино Московской области задержаны два вооруженных преступника, совершивших побег из колонии особого режима».

Местонахождение бежавших установил оперуполномоченный городского отделения внутренних дел старший лейтенант милиции А. Морозов. При задержании умело действовали группа захвата РОВД и группа розыска подразделения внутренних войск».

ИЗ БЛОКНОТА ЖУРНАЛИСТА: «Преступник был человеком недюжинной физической силы и дерзости. Но, несмотря на это, его задержали, не применяя оружие. Первым вступил в схватку прапорщик В. Филимонов. Он хорошо владеет приемами рукопашного боя, не раз смотрел в глаза опасности. В этом поединке с матерым рецидивистом сумел показать, что значит настоящий профессионал службы розыска...»

— Мы знаем, в уголовном розыске трудятся люди особого склада. Порой их называют даже героями мирных будней. Какие качества, в ваш взгляд, отличают сотрудника угрозыска конца 80-х годов!

— Честно говоря, вопрос непростой. Уровень преступности в стране, рост темпов нераскрытых преступлений не дают нам права заниматься самолюбованием.

Да, в уголовном розыске в большинстве своем служат люди особенные. Присущие им качества достаточно полно раскрыты в литературе, кино. Даже тот, кто лично не знаком с оперработником, характеризуя его, скажет: это человек с аналитическим складом ума, мужественный, неподкупный, благородный, не теряющий хладнокровия в самых критических ситуациях. Что ж, в этом портрете нет нетипичных черт. Холодный ум, горячее сердце, чистые руки — так сформулировал главное кредо чекиста Дзержинский.

Скажу и о другом. Современный сыщик, особенно с высшим образованием, иногда сторонится черновой работы. А некоторые живут старым багажом знаний и опыта, не учитывают, что преступный мир изменился и для того, чтобы добиться решающего перевеса над ним, необходимо резко поднять планку профессионализма. Отставать от нашего противника нам дальше некуда.

— В рядах сотрудников угрозыска немало бывших воинов внутренних войск. Влияет ли солдатская школа на профессиональное становление сыщика!

— Безусловно. Тот, кто приходит в милицию из внутренних войск, уже имеет первичные навыки работы в органах внутренних дел. Я уже не говорю о физической и психологической закалке, дисциплинированности, хорошо развитом чувстве коллективизма, товарищества.

ПО ДАННЫМ УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА:

«Возле измайловского гостиничного комплекса в г. Москве сотрудники милиции задержали гражданина, имевшего при себе огнестрельное оружие. В ходе следствия установлена причастность задержанного к организованной преступной группе, которая «специализируется» на крупных денежных махинациях, скрываясь под вывеской кооператива. Установлено также: в подсобном помещении злоумышленники хранят автоматическое оружие.»

В ходе досмотра оружие изъято.»

ИЗ БЛОКНОТА ЖУРНАЛИСТА: «Автомат обнаружен оперативной группой во главе со старшим уполномоченным отдела по борьбе с организованной преступностью капитаном милиции С. Скубаком.

Сергей Скубак служил во внутренних войсках, награжден нагрудным знаком «За отличие в службе» II степени. О солдатском житье-бытье сохранил много добрых воспоминаний. Именно в то время созрела у него мечта о милицеских погонах...»

— Сотрудник уголовного розыска МВД СССР и, скажем, сыщик Скотланд-Ярда... Есть ли между ними различия с профессиональной точки зрения! Кому из них легче работать!

— О различиях мы уже говорили: техническая оснащенность, правовая защита, денежное содержание... Впрочем, я бы не стал оценивать профессиональный уровень сотрудника угрозыска МВД СССР и его западного коллеги, исходя только из этих параметров. На нашем счету много прекрасно подготовленных и искусно проведенных операций по разоблачению крупных групп, занимавшихся изготовлением и сбытом наркотиков, рэкетом, подпольным бизнесом. А вот сможет ли сыщик Скотланд-Ярда эффективно работать в наших условиях, если его лишит всех привычных технических средств? Это еще вопрос.

Мы за то, чтобы брать на вооружение опыт наших западных коллег. Но абсолютизировать его — значит впасть в крайность. У полиции капиталистических стран проблем ничуть не меньше, чем у нас. По уровню преступности капиталистический мир значительно опережает социалистические страны. В СССР совершается порядка 450 преступлений на 100 тысяч жителей, а, к примеру, в тихой и благополучной по мировым меркам Японии — до полутора тысяч. Так что служба сыщика везде «и опасна, и трудна».

— Трудно заглядывать в будущее. И все же, Вячеслав Кириллович, каковы, на ваш взгляд, перспективы борьбы с преступностью!

— Полагаю, рано давать какие-то прогнозы относительно улучшения криминогенной ситуации, не решив накопившихся проблем. Будем реалистами, надежд на то, что в ближайшее время удастся полностью обуздать преступность, мало: слишком сложно и противоречиво идут процессы обновления общества. А вот снижения темпа роста преступности добиться мы просто обязаны. В этом и видят свою ближайшую задачу сотрудники уголовного розыска.

Поставить прочный заслон перед теми, кто «честно жить не хочет», обеспечить охрану прав и интересов граждан, защитить демократию от посягательств ее противников — нет для нас выше долга.

Беседу вел
майор Ю. КИСЛЫЙ.

ЗАХВАТ

НЕСКОЛЬКО МГНОВЕНИЙ
ИЗ БОЕВЫХ БУДНЕЙ
ВОИНСКОГО КОЛЛЕКТИВА,
ВОЗГЛАВЛЯЕМОГО
ОФИЦЕРОМ В. РОГОЗИНЫМ

И снова захват заложников — в ИТУ страны это приобрело характер эпидемии: одна весть тревожнее другой. Но на этот раз военнослужащие войск действовали на занятии так, как и должны действовать в подобных ситуациях.

Фото П. САЛЬКОВА.

Нашему многонациональному государству необходимо единство, ибо в нем — его сила. Но в последнее время кое-кто пытается подорвать это единство, столкнуть между собой народы.

Коммунистическая партия Советского Союза вынесла на всенародное обсуждение проект платформы своей национальной политики. Пленум ЦК КПСС, подведя итоги этого обсуждения, выносит предложения на рассмотрение высшей государственной власти страны — на Съезд народных депутатов СССР.

Корреспондент журнала побывал в части, дислоцирующейся в Прибалтике, где в последнее время обострились межнациональные проблемы.

«ЭСТОНИЯ — В СЕРДЦЕ МОЕМ...»

Уже больше года полковник в отставке Иван Никонович Веселов с большим волнением разворачивает свежие газеты: неужели снова придется прочесть о нагнетании националистических и антисоциалистических настроений в Эстонии. И когда попадает на глаза ветерану информация о вандализме, глумлении над символами государства, над святынями, неприкосновенными для любого порядочного человека, памятниками павшим в гражданской и Великой Отечественной войнах, — давящий комок подступает к горлу, но и он не в силах остановить выплескивающуюся горечь: «Что же вы творите, люди?!..»

Восемнадцатилетним мальчишкой в форме бойца войск НКВД встал Иван Веселов в первые дни войны под фашистские пули именно там, в Эстонии. Кого защищал он тогда со своими товарищами?

Конечно же, свою страну, советских людей, в том числе и эстонцев. Ведь Гитлер уготавил Прибалтике незавидную судьбу. Уже в начале 1941 года назначенный им комиссар по восточно-европейскому региону Альфред Розенберг подготовил план, в котором предусматривалась «германизация прибалтов, поддающихся ассимиляции в расовом отношении и высылке нежелательных элементов». На месте выслаемых расселил немецких ветеранов войны. «Балтийское море, — провозглашал А. Розенберг, — должно стать внутренним германским морем».

— К счастью, этого не случилось, — сказал Иван Никонович, когда мы беседовали с ним о прошлом и настоящем Эстонии. —

Но каким же безответственным должен быть человек, провозглашающий сегодня на митингах и собраниях идеологию приоритета нации, лозунг «Эстония — для эстонцев!»

Не хотелось бы, конечно, проводить параллелей между фашистской идеологией и устремлениями экстремистских сил, но их курс на массовую эмиграцию, а проще говоря, изгнание из республики представителей не эстонской национальности, к сожалению, налицо. С этой целью делаются попытки поставить один народ над другим, ущемить политические и социальные права русскоязычного населения Эстонской ССР, где издавна живут и трудятся во благо республики и всей страны сотни тысяч русских, украинцев, белорусов, евреев, татар, поляков...

Представители десятков национальностей нашей Родины служат в дислоцирующейся здесь части внутренних войск. Политработник подполковник В. Юрчук рассказал:

— Политико-моральное состояние личного состава высокое. Случаев неуставных взаимоотношений на национальной почве у нас не было. Но существующее в республике межнациональное напряжение, безусловно, сказывается и на жизни военнослужащих, особенно офицеров и прапорщиков. Дети-то их учатся в школах и институтах, а жены работают на местных предприятиях, в учреждениях. И, естественно, испытывают определенный дискомфорт, скажем, в связи с приданием эстонскому языку статуса государственного. Без его знания все сложнее становится чувствовать

**МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ:
РЕАЛЬНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

себя полноправным гражданином — даже имея высшее образование, трудно рассчитывать на служебные перспективы.

Многие офицеры части во время бесед на самые различные темы также вспоминали Закон о языке. Майор В. Герасименко, например, рассказал о прошедшей в воинском коллективе встрече с членом президиума Объединенного совета трудовых коллективов, директором Электротехнического завода имени Х. Пегельмана И. Н. Шепелевичем, у которого имеется на этот счет своя твердая точка зрения. По его мнению, тезис о двух государственных языках на территории союзной республики несостоятелен. Объяснил он это тем, что в Советском Союзе — огромной стране от океана до океана — русский язык вообще не имеет никакого ранга: ни как язык межнационального общения, ни как язык государственный. Смешно будет, если на маленькой территории страны он вдруг примет статус государственного, а везде и всюду никакого статуса иметь не будет. Поэтому, считает он, вопрос о русском языке как языке межнационального общения должен решаться не в какой-либо республике, а на уровне Верховного Совета СССР.

Когда майор Герасименко высказал опасение, что Закон о языке, не подкрепленный реальной программой по его изучению в масштабах республики, не сможет быть реализован в отведенные четыре года в плане перевода документации предприятий и учреждений, в разговор вступил заместитель командира части по тылу подполковник Ф. Пукета:

— Да какое там четыре года... Мы уже сейчас многие деловые бумаги получаем на эстонском языке. А служат в ядре части лишь три представителя этой национальности — начальник радиостанции, фельдшер да старшина оркестра. Трудновато с переводом...

Как выяснилось в дальнейшем разговоре с Федором Федоровичем, трудности его на этом, к сожалению, не заканчиваются. И самая значительная из них — жилье. Десятки офицеров и прапорщиков не имеют квартир. И если еще несколько лет назад люди получали ордера, как правило, в течение года, то сейчас на это рассчитывать не приходится.

— Так что, — спрашиваю, — причина опять же в сложившейся непростой обстановке в Эстонии?

— Конечно, — подтверждает подполковник Пукета, — на предостыльном совещании один из руководителей республики без обиняков заявил, что, мол, пока его народ живет в стесненных условиях, давать квартиры военным он не может.

Ну а где же все-таки ночуют «бездомные» офицеры и прапорщики? Кто — в тесных комнатухах КПП части, кто — в гражданских общежитиях и по частным углам, а сам Федор Федорович — в служебном кабинете. Допоздна не гаснет свет в его окне: когда исполнит все входящие и исходящие, перечитает центральные и местные газеты, случается, начнет перебирать письма от жены. Далековато она — в Чите.

129
530
Так ведь что винить ее за это, здесь-то без прописки ни жилья, ни работы...

Проблема далеко не простая. Перевезен из Сибири в Эстонскую ССР, где родился и вырос, контролер сержант сверхсрочной службы С. Грибанов. Со службой и здесь у него все нормально сложилось. А вот жена из-за незнания эстонского языка на работу по специальности устроиться не может. Надумал уволиться из войска и уехать из этих мест.

У капитана С. Николаева своя неувязка — невеста не желает ехать в республику, где явно разжигается национальная рознь. Тоже готов уволиться.

Да, у каждого свое. Но у всех есть и общее — влияние местных условий на настроение, жизненный тонус. Как мог не взволновать людей, прямо скажем, дискриминационный закон о цензе оседлости, по которому многие военнослужащие лишались голоса на выборах в местные Советы? Вступи в силу этот непропорциональный правовой акт, к кому бы были приравнены многие офицеры и прапорщики, все солдаты и сержанты? Как известно, права голоса лишены умалишенные и преступники, отбывающие наказание в местах лишения свободы...

Так что естествен и понятен интерес личного состава части к болезненным процессам в Эстонии, которые вывели на политическую арену очень разные по целям силы.

Вспомним, какой бурной была там волна стачечного движения. В те августовские дни довелось поговорить с председателем республиканского совета забастовочных комитетов М. Лысенко.

— Возникшая в республике ситуация в значительной мере была предсказуема, — считает Михаил Иванович. — Забастовки — это не внезапно налетевший тайфун. Рабочие промышленных центров Эстонии, как и все советские люди, за годы перестройки прочно осознали и почувствовали свою силу и право свое на управление государством. Время безропотного послушания, так любимого местными властями и столь убаюкивающего на них действовавшего, прошло.

Расколоть Эстонию на две противостоящие друг другу общины оказалось просто.

Но в итоге, как показала жизнь, от этого не выигрывают ни те, ни другие.

Сегодня главный вопрос, подытожил Лысенко, состоит даже не в тех или иных положениях Закона о выборах или Закона о языке, не в других конкретных вещах. Вопрос вопросов — как кто понимает перестройку, обновление социализма.

А обстановку, действительно, не однозначная. Не случайно задачи по стабилизации политической ситуации в республике обсуждались в Таллине на Пленуме

ЦК Компартии Эстонии. На нем отмечалось, что в Заявлении ЦК КПСС о положении в республиках Советской Прибалтики обоснованно высказана тревога по поводу событий в этом регионе.

На проходящих в подразделениях части политинформациях, в беседах, лекциях затрагиваются вопросы деятельности общественных движений и организаций: Народного фронта, Объединенного совета трудовых коллективов, Аграрного союза, Общества охраны памятников культуры, партии национальной независимости, Интердвижения, забастовочных комитетов. Но достаточно ли в сложившейся ситуации лишь информировать личный состав о происходящем?

Думается, партийные организации должны быть более активны в мобилизации коммунистов и беспартийных на отпор идеологической оппозиции, разъяснять истинные цели тех, кто распространяет слухи и домыслы, порочащие наш советский строй, политику партии, поддерживает призывы к разделу, национальному размежеванию профсоюзов, комсомола, творческих союзов.

Возникшие проблемы могут быть решены только на основе социалистического интернационализма, совершенствования межнациональных отношений на принципах платформы ЦК КПСС.

К сожалению, идеологический актив части не провел должной контрпропагандистской работы с личным составом, скажем, в связи с установлением 22 апреля 1989 года мемориальной доски в Каутла на месте памятника периода оккупации Эстонской ССР фашистскими войсками, на котором когда-то были высечены слова: «Отсюда кинулись в бой против большевистского насилия 19 июля 1941 года группа «Эрна» и «лесные братья».

А стоило бы сегодняшним солдатам, сержантам, прапорщикам и офицерам дать пояснения хотя бы по трем вопросам.

Первый. Кто организаторы установления кощунственной мемориальной доски в Каутла? Оказывается, мероприятие проведено местными обществами охраны памятников культуры. Причем были и цветы, и речи, и именитые гости.

Второй. Чем занималась в годы войны «Эрна»? Как сообщила республиканская газета «Советская Эстония» 26 июля 1989 г. в материале «Тень от крыла со свастикой» со ссылкой на пропагандистский сборник «Eesti Rahva Kannatuste Aasta», выпущенном в 1943 году в оккупированном гитлеровцами Таллине, первая часть этой шпионско-диверсионной группы «абвер-2» прибыла с территории Финляндии и была высажена на наш берег 10 июля 1941 года.

И уже «по пути от побережья в Каутла группа «Эрна» уничтожила восемь человек, среди которых были два офицера Красной Армии». На телах своих жертв диверсанты вырезали букву «Е», а рядом оставляли окровавленный финский нож. «Отрядом... была занята деревня Каутла, в которой представители Советской власти были арестованы и расстреляны...»

Третий. Кто же боролся с диверсионной группой «Эрна», заброшенной в тыл советских войск, и примкнувшими к ней «лесными братьями»?

Из оперативной сводки управления охраны войскового тыла 8-й армии

31 июля 1941 г.
№ 79

Агентурным путем установлено наличие крупной банды до 500 человек в населенных пунктах Равила, Арду, Нымме, Мустла, Келласааре, Мадизе, Альбу и Мынувере. Для ликвидации ее высланы 4-й, 7-й, 10-й, 15-й и 20-й истребительные батальоны. Операцией руководит начальник оперативной группы штаба погранвойск НКВД Прибалтийского округа капитан Пастернак.

Начальник охраны тыла 8-й армии подполковник Головкин. Военком батальонный комиссар Иванов.

Остается только добавить, что в районе деревни Каутла действовал 4-й Таллинский истребительный батальон. Он выполнил поставленную задачу — выбил из местечка «эрновцев» и «лесных братьев». Конечно, были потери в этом подразделении. Вот им-то, защитникам советского строя, и воздать бы должно на земле Эстонской Советской Социалистической Республики.

Пока же мы знакомимся с именами отважных бойцов и командиров в основном в музеях. По этому поводу И. Веселов заметил:

— Командирам и политработникам надо активнее пропагандировать боевой путь, историю своих частей и подразделений. Ведь многие наши воинские коллективы внесли ощутимый вклад в Победу, да и позднее немало сделали для укрепления правопорядка, восстановления разрушенного войной хозяйства.

Обстановка в республике не простая. Но, беседуя на эту тему с офицерами В. Карташовым, М. Афанасьевым, В. Бабичевым, прапорщиком У. Лезте и многими другими, пришел к выводу, что у всех есть надежда на позитивные изменения. Ведь Пленум ЦК Компартии Эстонии предложил Президиуму Верховного Совета ЭССР ускорить разработку пакета законодательных актов, направленных на создание социально-политической базы дальнейшего развития перестроечных процессов в республике в интересах всех живущих в ней людей.

«Эстония — в сердце моем», — так говорят о полноправной Советской республике и ветераны, защищавшие ее от фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны, и сегодняшние военнослужащие внутренних войск, кому долг повелевает проходить там службу.

Подполковник В. БУСЫГИН,
наш спецкор,

ПРОЦЕССА НЕ БУДЕТ

В одной из частей внутренних войск военнослужащие литовской национальности создали нелегальную организацию, которую назвали «Сейкис»... Еще совсем недавно ее организаторов ждал бы военный трибунал. Сегодня, однако, процесса не будет...

ЭТОГО следовало ожидать. Ведь не высоким забором отгорожены мы от общества, в котором как грибы плодятся различные «союзы» и «фронты». Сегодня их столько, что запутаться не долго. Но «Сейкис» (в переводе «стремление», «достижение»), похоже, придется запомнить: первая «ласточка» в войсках...

Создание организации, о которой в части узнали не сразу, для командира и политработника было подобно грому среди ясного неба. Не были офицеры готовы, что в войсках такое возможно. Видимо, срабатывает определенный стереотип мышления.

Детскими шалостями, как кое-кто на первых порах попытался представить «организацию», тут и не пахло. Это была именно организация со своей программой, уставом, печатью — рукописными информационными бюллетенями, заявлениями о приеме в члены и даже взносами... Программные пункты декларации не вызвали сомнения в серьезности задуманного: выход Литвы из состава СССР, даже если для этого придется прибегнуть к вооруженной борьбе, возрождение национальных воинских формирований... Обо всем этом — разговор впереди. И уж совсем не детским лепетом были разговоры о том, чтобы вывести из строя охраняемый объект.

К расследованию обстоятельств возникновения и деятельности организации вместе с политотделом была подключена и редакция журнала. Именно от политработника подполковника Ю. Посыпайко я и узнал об инициаторе и руководителе «Сейкиса» старшем сержанте Рамунасе Ю. (Фамилию по ряду причин решено не называть). «Интересуется политикой, следит за печатью, особенно литовской, ведет записи. До службы учился в институте, работал пионервожатым в школе... Хочет стать учителем истории»... В общем, предстояло вести разговор с человеком незаурядным.

Таким он и оказался мне при встрече. Кругозор у юноши широкий, хотя здорово подточен националистическими идеями. Правда, к нашей встрече Рамунас заметно сник: долгие беседы с ним подполковника Ю. Посыпайко наложили свой отпечаток. Держался он неуверенно, раскаивался в содеянном. Сыграло свою роль и нелицеприятное мнение земляков: мол, ты же нас на преступление толкал. Так что можно было понять подавленное состояние младшего командира.

Снова и снова прокручиваю магнитофонную запись нашего разговора. А начался он с вопроса: как родилась идея?

— Нам пересылали из дома газеты организации «Саюдис» (литовское движение за перестройку.— Прим. авт.) — «Новости «Саюдиса», «Возрождение» и другие. Из них узнавали, что в каждом литовском городе создаются инициативные группы в поддержку «Саюдиса». Решились на это и мы. Сначала просто вели разговоры, обменивались газетами и новостями. Меня поддерживали литовцы. Провели учредительное собрание. Организацию назвали «Сейкис». За основу взяли документы «Саюдиса»...

На учредительном собрании приняли декларацию. Начиналась она так: «15 июня 1940 года Советский Союз ввел в Литву контингент Вооруженных Сил, намного превышающий литовский... Было начато вмешательство в дела Литвы, нарушен суверенитет республики... Литовский народ стал рабом на своей земле...»

В бюллетене—о том же, но уже поэтическим слогом: «Нация без земли — не нация. Нация под гнетом много лет. Подняла голову, выпрямляется, на свободу руки смело тянет».

Знакомые нотки. В Литве ведь услышишь выражения и похлеще. «Оккупанты», например. По-человечески обидно было слышать это. Я тогда рассказал старшему сержанту о впечатлениях от своей последней командировки по Калининской области. О

деревне, что была на пути. Добрая полу- сотня домов в ней, увы, пустует. Во всей деревне осталось два человека трудоспо- собного возраста, остальные—древние ста- рики и старухи, доживающие свой век. Сколько на многострадальной Руси таких убыточных и обезлюдивших хозяйств! Рос- кошная же жизнь у «оккупантов»!

В разговоре с литовцами не удержался от вопросов о том, как живут родители солдат. Один рассказал, что семья имеет двухэтажный особняк, который оценивают примерно в сто тысяч рублей. Есть маши- на. Другой до службы получил на двоих с женой однокомнатную квартиру в Кау- насе. На очереди стоял три месяца. Это из серии «вам и не снилось».

КАК ЖЕ ПРЕДПОЛАГАЕТ «СЕЙКИС» ПОСТУПИТЬ С НАШИМИ «ОККУПАЦИОННЫМИ» ВОЙСКАМИ? ВЫВЕСТИ ИХ ИЗ РЕСПУБЛИКИ, НЕ ЗАХОТЯТ ДОБРОВОЛЬНО — ВЫГУРИТЬ СИЛОЙ. НЕУЖЕЛИ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА?

— Когда начнется заваруха, — говорит Рамунас, — и поднимется большой шум, обратиться за помощью к капиталистичес- ким странам.

Заметим, что у «Саюдиса» такого в про- грамме нет. Вот почему «Сейкис» в чем-то считает эту организацию либеральной и пошел дальше своего старшего брата. Не- ужели мало нам Сумгаита, Ферганы и Су- хуми?!

ДЛЯ ТОГО, чтобы победить в граж- данской войне, «Сейкис» ставит пе- ред собой такую задачу: «Необхо- димо быстрее вернуть литовцев в Литву». Один сказал так: «Надо, чтобы в танках сидели литовские парни»...

В информационных бюллетенях были по- мещены письма солдат, взятые из местных литовских газет:

«Многие из литовцев хотят служить в Литве, в литовских подразделениях и час- тях. Там литовец сможет чувствовать себя литовцем, а не ненужным винтиком в ру- ках старшего брата».

«Мы требуем, чтобы литовцы охраняли берега Балтики, а не Среднюю Азию, Дальний Восток или Сибирь. Мы там ниче- го не оставили, мы хотим служить своей Родине, а она там, где мы живем и где мы выросли».

В общем, растащим все и вся по нацио- нальным квартирам. Знакомая по «Саюди- су» песня. Территориальный принцип комп- лектования Вооруженных Сил считается едва ли не панацеей от всех бед, и в пер- вую очередь от пресловутой «дедовщины». Многим родителям кажется, что служи их сын поближе к дому, будь с ним рядом только литовцы, — и проблема решится. Если бы так, наверняка не было в самой

республике проявлений жестокости среди молодых людей в школьных, училищных коллективах.

Матерей можно понять: какой из них — украинской или узбекской — не хотелось, чтобы сын был поближе к дому. Но соз- давать в каждой республике, в каждом на- циональном округе свои военные форми- рования... Возможно ли это? По оценке специалистов, ни одна союзная республика не способна создать и содержать «свою» армию. Кстати, подавляющее большинство юношей-призывников из Прибалтики, с Кав- каза и из Средней Азии за то, чтобы слу- жить за пределами своей республики. Это- го мнения придерживается и рядовой Р. Будрявичус:

— Я против того, чтоб литовцы служили в Литве. Это что получилось бы: в Афга- нистане только русские парни должны бы- ли кровь проливать? Избаловали мамаша своих сыновей, хотя поблажки для них во всем. Не хватало, чтоб они еще с полны- ми сумками съестного каждую неделю у КПП дожидались своих чад. Не служба, а пионерлагерь какой-то...

В решении вопросов суверенитета, о ко- тором любит рассуждать Рамунас, эконо- мической самостоятельности нельзя терять чувства реальности. В самом деле, возмож- но ли сегодня уберечь себя, прикрыв лоску- тую границу — литовской или эстон- ской? Нет, безопасность каждого из нас, советских людей, войны Вооруженных Сил и внутренних войск обеспечивают и за По- лярным кругом, и в горах Памира, и на океанских просторах. Разве это не общая забота? Разве ноша не должна быть поде- лена на всех поровну?

«Возродить традиции литовских нацио- нальных частей, институций подготовки на- ционального офицерства...» Это — из про- граммы «Саюдиса». На подобных позициях стояли и мои новые знакомые, хотя сами не представляют себе полки и дивизии, состоящие, скажем, из воинов грузинской или армянской национальностей. «Да вы что! — воскликнули они. — Там же будет твориться такое!» Где же логика?

Мы назвали основные проблемы, кото- рые оказались в центре внимания «Сейки- са». Разумеется, есть еще.

— Мы хотели изучать культуру и язык, — продолжал Рамунас. — Помочь это сделать тем, кто не является литовцем.

В это трудно поверить. Ведь ни к одно- му из солдат другой национальности чле- ны «Сейкиса» так и не подошли. А уж ка- кое вообще к ним отношение, можно про- следить на примере рядового В. Марценко.

— Как-то зашел у нас разговор, — сказал Владимир, — Рамунас все об одном и том же: Литва да Литва. Я ему и сказал, чтоб он не носился со своими навязчивыми идеями. Обиделся и бросил: ты не насто- ящий литовец, а полукровка.

Да, у меня родители украинцы, но я давно живу в Литве, знаю язык. Но отно- шение ко мне и там было какое-то прене- брительное, и здесь, со стороны тех же литовцев.

Вот тебе и готовность принять в свои ря- ды воинов другой национальности. Тут свой отвергнут, а что говорить о других?

Впрочем, послушайте рассказ рядо-

вого В. Агуреева — и многое во взглядах Рамунаса на воинов других национальностей станет понятно.

— Долгое время мы несли службу на стрельбище вдвоем с ним. У нас были разговоры на самые различные темы, в том числе и о положении дел в Литве. Говорил, что литовский народ настроен против русских, что идет подготовка к вооруженной защите Литвы. Получал из дома газеты и журналы на литовском языке. Крайне отрицательно относился к военным служащим нелитовской национальности: оскорблял их по-всякому, кричал на них.

Именно рядовому Агурееву старший сержант не без кичливости заявил о том, что он происхождения из графского рода. Когда русские «оккупировали» Литву, дед лишился наследства и вынужден был жить «как все», что очень его тяготило. Бывший граф, ныне покойный, любил повторять: когда Литва снова станет свободной, ему вернут те богатства, которыми он владел. Не дождался. Неужели у внука теплится надежда на графский титул и наследство?

— Созданию нашей организации поддержали все литовцы, — убеждал меня старший сержант. — Составлением декларации и выпускном информационном бюллетеней занималась инициативная группа. Принимали мы и новых членов.

И здесь желаемое выдается за действительное. Тот же Марценко сказал ему:

— Ты со своими идеями хочешь выглядеть значительно, чем есть на самом деле. Любишь играть на чувствах. Но поверь: дома ты со своими документами будешь шестеркой.

Марценко попал в десятку. Ведь Рамунас документы бережно хранил потому, что знал: в Литве это пригодится. Возможно, даже ему поручат что-то возглавить в «Саюдисе». Планы были такие — создать группу, которая бы держала связь со всеми литовцами, проходящими военную службу. И в этой части он хотел оставить преемников, обещал писать, — об этом рассказал рядовой В. Корделевич.

Все документы были надежно спрятаны у одного из литовцев в мастерской. Рамунас переживал за их сохранность:

— Попадемся — «повяжут» всех.

Кроме декларации и информационных бюллетеней в документах «Сейкиса» есть еще и заявления о приеме.

Принимая в «Сейкис» новых членов, Рамунас предупреждал: никто не должен знать о нашей организации. Почти как у Остапа Бендера — «тайный союз меча и орала». Все это могло быть смешно, если не было тревожно от разговора о возможности взрыва объекта, который охраняет часть. И до такого додумались в «Сейкисе». Только о последствиях не подумали.

У НАС были Чернобыль и Арзамас, большие и маленькие взрывы, за которыми, как обычно отмечается в правительственных сообщениях, стоят расхлябанность и халатность людей на местах. Но ведь может произойти и так,

что кто-то из воинов, скажем, пропитанных сумасбродными националистическими идеями, причинит вред государственному объекту. Что это будет: второй Чернобыль или второй Арзамас? Как здесь зримо встает проблема с отбором людей на службу в такие подразделения и части. Если бы к этому прислушались в больших верхах!

Это что касается отбора. А вот наблюдение относительно будничной работы с этими людьми. Когда Рамунас демонстративно положил на стол комсомольский билет и вышел из ВЛКСМ, он указал в заявлении одну из таких причин: отдельные офицеры — члены партии — не являются примером для комсомольцев, грубы и кичливы с солдатами. Сглотнем пилюлю. Да, нередко в подразделениях от офицеров можно услышать мат, их высказывания по национальным вопросам не отличаются глубиной и пониманием.

Порой же дело доходит до явных провокаций. Вместо того, чтобы одернуть Рамунаса в случае с выходом из комсомола, капитан М. Пряхин заявил ему: «Я тебя поддерживаю. Сам бы положил партийный билет, но замполиту нельзя без него».

Другой заявил: «Да вы без нас будете гольми ходить». Рамунас начал высказывать свою точку зрения, но сразу услышал обвинение в ярлом национализме. И вся работа в духе «дружбы и братства». Врасплох застал нас всплеск национального самосознания.

Но если одни провоцировали, то другие молчали. Вот что написал старший сержант в заявлении в бюро ВЛКСМ:

«Считаю, что каждая республика должна иметь свой комсомол, который не был бы подвластен центру. Комсомольские организации, имея самостоятельность, достигли бы больших успехов. ...Деятельность комсомола меня не привлекает. Семь лет я в комсомоле и семь лет вакуум, пустота, как будто и нет никакой организации».

И все это не получило должной оценки в комсомольской организации. А противодействие «Сейкису» было необходимо. Мне довелось наблюдать, как работал с его членами опытный политработник подполковник Ю. Посыпайко. Нет, он не давил на воинов своим званием или должностью. Шел откровенный разговор старшего, имеющего выверенные и четкие позиции, с молодыми людьми, которые еще путаются в понятиях и явлениях.

Долгими, многочасовыми были эти беседы. Одна за другой, как стены бастионов, падали идейные позиции «Сейкиса». Позднее один из военнослужащих признается: «Если б мы раньше встретили на своем пути такого человека, как подполковник Посыпайко...»

А вот мнение Юрия Петровича:

— Когда командовал взводом, имел в подчинении воинов различных национальностей. Первые полгода работы с ними — полный провал. Почему? А кто учил меня, лейтенанта, находить общий язык с узбеками и азербайджанцами? И никакой литературы под рукой. Но кое-что удалось достать и прочитать. Открылись глаза на многие вещи. К концу года почувствовал, как изменилось отношение ко мне в лучшую сторону.

Но, считаю, знание обычаев и традиций — это не все. Есть у командира авторитет — будут его уважать все, независимо от национальностей. А авторитет — в твоей подготовке, порядочности, в отношении к людям.

А вот потерять его легко. Тем, кто призван из Прибалтики, не по душе матерщинники, грубияны, люди недалекие...

Такие офицеры в части есть. Груб и высокомерен с солдатами старший лейтенант В. Ермошкин. Офицер исключен из КПСС, строго наказан и в дисциплинарном порядке, но манера общения его с личным составом не претерпела особых изменений. Плохо, что такие ермошкины подчас формируют представление об офицерском корпусе войск...

И еще одной наболевшей проблемы коснулся в разговоре Юрий Петрович:

— На кого рассчитаны наши политзанятия? На такого «усредненного» русского. В учебниках и разработках почти все примеры — о русских. Редко идет речь о воинах других национальностей — будь то герои войны или мирных дней. А ведь они есть — и литовцы, и узбеки, и казахи. И говорить об этих людях надо чаще.

По глубокому убеждению политработника, с литовцами легко работать. Ведь призывники из этой республики, как правило, отличаются хорошей общеобразовательной и физической подготовкой, выдержанным и рассудительным характером, ответственным отношением к делу. Воспитаны в основном в духе почтительного отношения к старшим.

Разумеется, любой литовец, как и каждый из нас, в новой, непривычной для себя обстановке тянется к землякам. Но это не какая-то «литовская замкнутость». Просто командиру надо уметь использовать их знания и служебный опыт для пользы делу. Уже позднее в разговоре с Л. Баршаускасом мы пришли к выводу: не «Сейкис» с националистическим оттенком надо было создавать, а помочь недавнему призыву, в котором немало литовцев. Но кому-то надо было подать такую идею. Не дождалась солдаты, не дошли до этого руки у командира, а политработники капитан В. Соломаха и старший лейтенант В. Сахаров вовремя не сказали о наличии такого резерва.

СЕРДЦА, НЕ ЗАНЯТЫЕ НАМИ... В ПЫТЛИВЫХ УМАХ ПОЯВИЛИСЬ РОСТКИ НАЦИОНАЛИЗМА, И СТАНОВИТСЯ ТРЕВОЖНО ЗА ЭТИХ ПАРНЕЙ. ХОРОШО, ЕСЛИ ЭНЕРГИЯ УИДЕТ ТОЛЬКО НА ДЕКЛАРАЦИИ И БЮЛЛЕТЕНИ. НО ВЕДЬ ПРИМЕРЫ ГОВОРЯТ О ДРУГОМ.

«Дело дошло до актов прямого вандализма, глумления над символами государства, над святынями, неприкосновенными

для любого порядочного человека, — памятниками павшим в гражданской и Великой Отечественной войнах» — так подчеркивается в Заявлении ЦК КПСС о положении в республиках Советской Прибалтики. А что националисты попытаются совершить завтра?

ПРОЦЕСС перестройки, проходящий в стране, неизбежно затронул и среду межнациональных отношений. Это обусловлено целым рядом факторов. Возросла мозаичность национального состава наших частей и подразделений. Например, в части, о которой идет речь, служат солдаты двадцати семи национальностей. Около трети из них — представители Средней Азии. Весомо представлены республики Закавказья и Прибалтики.

Каждый призывник приносит с собой подразделение не только интерес и потребность в познании людей других национальностей, но и груз предубеждений, неправильных представлений, искаженных взглядов по отношению к другим народам. Здесь и религиозные предрассудки, и исторически обусловленные «претензии», и национальные «обиды». Работать с таким личным составом нелегко. Тем более по старинке. Что это так, несложно убедиться. Пробуешь узнать о том, как живет солдатом разных национальностей, — получаешь информацию о «солидных» мероприятиях, проведенных в части, например, тематических вечерах «У карты Родины».

А ведь традиционные формы откровенно не устраивают молодежь и становятся объектом критики.

Да и новые обрастают казенщиной и обыкновенным формализмом. Скажем, задумывался ли кто над тем, для чего понадобилась подписка на газеты и журналы на языках народов СССР? Печально, но дальше формальных обязанностей — подписано и с плеч долой — дело не пошло. Никто не интересуется воздействием, которое оказывает республиканская печать на солдат. А цифры заставляют задуматься. Из индивидуальных бесед и опросов известно, что около 90 процентов призывников из Прибалтики положительно оценивают деятельность национальных фронтов республик. Вот каково влияние печати. Тот же «Саюдис» имеет 40 легальных изданий, в том числе и рассчитанные на молодежь. А что наши политотделы и политаппараты этому противопоставляют? Ничего.

Необходимы обзоры публикаций, информация, основанная на сообщениях газет, конструктивная критика отдельных положений, например, программы «Саюдиса». А значит, и разработки, материал в помощь пропагандистам. Под силу ли эта работа политотделу?

Думается, что не всегда. Порой за тучкой некогда дух перевести. А ведь в таком деле, как национальные отношения, необходимы перспектива, постепенное накопление материала, выход на большие проблемы.

Все эти «минусы» характерны и для политического аппарата части.

Вот провели вечер, посвященный Литовской ССР и Эстонской ССР. Были выступавшие, демонстрировались слайды, исполнялись песни. К сожалению, текучка больше не позволила провести день какой-либо республики. Впрочем, как и многое другое из того, что предлагается в директиве начальника внутренних войск и Политического управления внутренних войск о политической и организаторской работе по улучшению интернационального воспитания личного состава внутренних войск.

Но что касается материальной базы по интернациональному воспитанию, пока мало возможностей создать фототеку и видеотеку, накопить необходимую литературу, хотя первые шаги в этом направлении сделаны. Так, определены нормы положенности, согласно которым в ротах появятся кассетные магнитофоны, а в частях — видеомагнитофоны. К сожалению, от задуманного на бумаге до воплощенного в жизнь — огромная дистанция, поэтому и идет работа по старинке.

НО ПОДВИЖКИ есть. В одну из частей воинам-литовцам в конвертах прислали небольшие флажки с национальной символикой. Первая мысль — изъять, уничтожить. Но потом рассудили так: сессия Верховного Совета Литовской ССР приняла закон, которым после 48-летнего перерыва исторический национальный флаг Литвы был возвращен к новой жизни, ему присвоен статус государственного. Пресса писала о том, что возвращение к жизни исторического флага — справедливый акт, свидетельство демократических процессов, происходящих по всей стране. И в части проблемы делать не стали. С тех пор у каждого литовца в тумбочке лежит трехцветный флажок: желтый цвет символизирует цвет солнца, зеленый — природу, а красный — землю и кровь, символизирует любовь, смелость, мужество.

Но бывают моменты, когда необходимо весь пропагандистский пыл задействовать, чтобы разбить ошибочные взгляды. Например, когда речь идет о так называемом втором лице «Саюдиса». В заявлении ЦК КПСС о положении в республиках Советской Прибалтики отмечается, что на определенном этапе обстановкой демократии и открытости воспользовались националистические, экстремистские группировки и постепенно начали вносить в развитие событий нездоровое начало.

Все это относится и к «Саюдису». Об этом же и многочисленные письма жителей республики в редакции газет и журналов.

«Саюдис» потерял голову от первых побед», — такой диагноз ставят вильнюсцы И. Дигрис и Д. Дигрәне.

«Возмущены действиями лидеров «Саюдиса» по национальной и территориальной изоляции Литвы» — это требование рабочих станкостроительного объединения «Жальгирис».

«НАДО НАМ, ЛИТОВЦАМ, УЧИТЬСЯ ПОНИМАТЬ ДРУГ ДРУГА. БЫТЬ ЛЮДЬМИ СВЕТЛОЙ ДУШИ. ИМЕТЬ ТЕРПЕНИЕ И УМЕТЬ ПРОЩАТЬ. ВСЕГО ЭТОГО ТАК НЕ ХВАТАЕТ РУКОВОДИТЕЛЯМ «САЮДИСА». СЕМЬЯ БАКУСОВ».

К чему эти цитаты? Да к тому, что, будь у политработников части «банк информации» о «Саюдисе», они бы, наверное, смело повели разговор о притязаниях отдельных его членов. Разговор конкретный, со ссылкой на публикации в местной прессе и передачи местного радио и телевидения. Откуда все это? Думается, настало время тем воинским коллективам, которые дислоцируются в Прибалтике, делиться своей информацией, а она у них обширная, с теми коллективами, куда в последнее время влилось немало литовцев.

Нужен яркий и конкретный материал о деятельности так называемых «лесных братьев» в Прибалтике в послевоенные годы. Ведь Рамунас пытался доказать капитану В. Шеверухину, что эти люди, от рук которых, к слову сказать, пало немало воинов внутренних войск, оказывается, просто боролись за «свободную Литву». Но материал нужен не только о «лесных братьях». Уверен: завтра (не будем наивны — подобные разговоры уже идут) кто-то из воинов-украинцев заявит о том, что бандеровцы также были такими нягятами и зря с ними шла борьба не на жизнь, а на смерть. Может, стоит предупредить.

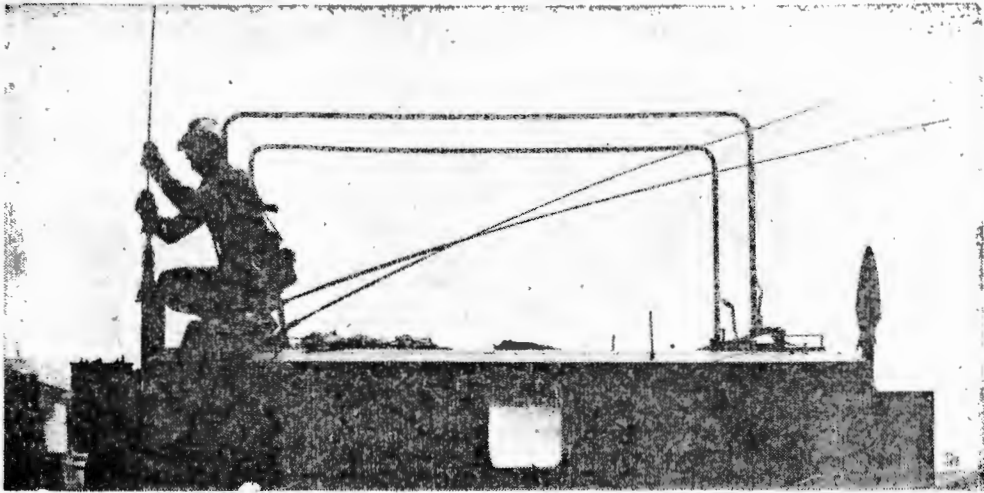
Нужны видеофильмы о процессах, происходящих в республиках. Кадры без лакировки действительности впечатляют, заставляют задуматься (пример тому — полный боли и горечи документальный фильм о событиях в Ферганской области, подготовленный АПН совместно с Политическим управлением внутренних войск). Иначе будем мы проигрывать в спорах со всеми теми, кто живо интересуется политикой, много читает, имеет свою точку зрения. Обезоружить их идейно — не каждому по плечу. Тем паче, если придут они к нам, уже основательно запутавшись в сети демагогов от «Саюдиса» и им подобных.

...Бурным было собрание личного состава. На нем выступили многие. Осудили тех, кто организовал и поддерживал «Сейкис». Один из воинов сказал, обращаясь к подполковнику Посыпайко:

— Они были в полушаге от преступления и должны сказать вам спасибо за то, что вы уберегли их от наказания.

Солдат прав. Само создание организации и разговор из разряда далеко идущих давали основания компетентным органам привлечь членов «Сейкиса» к ответственности. Но процесса не будет. Гуманизация нашего общества — не пустой звук. И она наглядно проявилась в случае с «Сейкисом». В истории с ними ограничились обсуждением и выводами. И только...

Подполковник В. ГОНДУСОВ.

533
1534

ЕСТЬ СВЯЗЬ!

Какие бы смелые и победоносные планы ни зрели в головах военачальников, без искусного управления войсками успеха не видать — это аксиома. А уж оно, управление, в войсковой операции неотделимо от четко налаженной, устойчивой, бесперебойной связи. Связи, без которой командир как без рук.

Нельзя сказать, что начальник радиостанции сержант Руслан Онищенко (справа на верхнем снимке) впервые услышал об этом в войсках: сегодня нет дефицита информации об армии, а Руслан серьезно интересовался будущей службой. Но, видимо, и впрямь «не послужишь — не узнаешь», что такое установка антенны в ненастную ночь, когда от ветра и усталости буквально с ног валишься. Но дело делаешь, ибо это не просто нужная трудная работа, это — выполнение боевой задачи.

Фото В. СЕМЕНОВА.

Анализируя обстановку в стране, партия обращает внимание на то, что процесс обновления общества на принципах социализма требует наряду со всемерным развитием демократии и гласности укрепления дисциплины, порядка, организованности.

Широкую народную поддержку нашло постановление Верховного Совета СССР от 4 августа 1989 года «О решительном усилении борьбы с преступностью». В соответствии с ним в центре и на местах, в том числе и в Вооруженных Силах, созданы временные комитеты по борьбе с преступностью. Разработан и порядок использования в соответствии с законодательством сотрудниками милиции и внутренних войск Министерства внутренних дел СССР в критических условиях борьбы с уголовным элементом исключительных мер, включая применение оружия при возникновении ситуаций, представляющих особую опасность. Предусматриваются и меры по усилению уголовной ответственности за посягательство на жизнь и достоинство работников милиции и других лиц, участвующих в борьбе с преступностью и нарушениями общественного порядка.

Внутренние войска ответственны за поддержание общественного порядка в стране, пресечение провокационных действий различного рода экстремистских, националистических и других преступных группировок. Личному составу войск уже пришлось действовать в экстремальных условиях в Сумгаите, Тбилиси, Фергане, Новом Узене. Следовательно, вопросы повышения боевой готовности частей и подразделений, укрепления в них дисциплины и законности в современной обстановке становятся еще более актуальными.

Что понимается под законностью в воинском коллективе? Это — единообразное понимание, неуклонное исполнение советских законов, воинских уставов, других правовых норм всеми должностными лицами, военнослужащими, рабочими и служащими. Необходимо при этом всегда помнить, что обеспечение законности и правопорядка в войсках является первейшей обязанностью органов военного управления и командиров-единоначальников. Для этого они наделены полномочиями, закрепленными в правовых нормах, обязаны инициативно действовать в соответствии с ними, не переступая, однако, пределов предоставленной власти. Сейчас подходит к завершению разработка ряда новых положений и норм военного законодательства, направленных на совершенствование различных сфер воинской жизни и деятельности.

В обеспечении законности важное место отводится и прокурорскому надзору за повсеместным и точным исполнением законов в Вооруженных Силах. Конституцией СССР, Законом «О прокуратуре СССР» и Положением о военной прокуратуре он возлагается на военных прокуроров. И здесь целесообразно также напомнить, что

ВРЕМЯ

военная прокуратура осуществляет свои полномочия независимо от каких бы то ни было местных и военных органов, подчиняясь только Генеральному прокурору СССР.

Во внутренних войсках, конечно, уже многое делается для укрепления воинской дисциплины, предупреждения правонарушений: совершенствуется в первую очередь вся политико-воспитательная работа, правовая пропаганда, более эффективно используются экономические и правовые рычаги. Реализуются меры по улучшению обустройства и материального обеспечения личного состава. Более широко внедряются гласность, критика и самокритика, нарастает сила общественного мнения, повышается боевитость партийных и комсомольских организаций, все заметнее становится в жизни воинских коллективов роль комитетов и групп народного контроля, женсоветов и других общественных организаций. Накапливается и распространяется передовой опыт их работы. Наряду с этим активно вскрывают и пресекают факты и причины противоправного поведения военнослужащих подавляющее большинство командиров частей, других должностных лиц. Достаточно сказать, что ими возбуждено более половины всех уголовных дел о преступлениях, особенно непосредственно посягающих на боевую готовность частей и подразделений.

За проделанным видится и определенный результат. Во многих воинских частях неуклонно укрепляется режим законности, повышается уровень боевой готовности. Растет число воинских коллективов, живущих без серьезных правонарушений. Выше становится правовая культура командиров и начальников. И все же при наличии этих положительных моментов и сегодня ни у кого из военнослужащих не должно вызывать сомнения, что состояние воинской дисциплины и правопорядка — одна из самых насущных и острых проблем.

По данным за прошлый год во внутренних войсках около одной трети всех преступлений составили нарушения уставных правил взаимоотношений, рукоприкладство и иные искривления дисциплинарной практики, преступления против порядка подчи-

КОМАНДИР И ЗАКОН

534
535

ОБЯЗЫВАЕТ

ненности. Каждое седьмое преступление связано с уклонением от военной службы. Каждое восьмое — корыстное, среди них главным образом хищения государственного и военного имущества, кражи личной собственности, есть факты взяточничества. Не изжиты бесчинства в отношении гражданского населения. Продолжают серьезно беспокоить правонарушения среди офицеров, прапорщиков и сержантов.

Мы должны быть реалистами и отчетливо сознавать, что имеем дело со злом, пустившим в застойный период глубокие корни. Негативные явления связаны прежде всего с большими изъянами в нравственном воспитании людей, наслоениями пассивности и благодушия, некомпетентности и безответственности, вседозволенности и неисполнительности. Значит, нужен постоянно и эффективно действующий единый и широкий фронт борьбы с преступлениями, нарушениями законов и общевоинских уставов. Имею в виду тесное взаимодействие командования, политорганов, штабов, партийных, комсомольских и иных общественных организаций с военными прокуратурами и другими правоохранительными органами. Это должен быть процесс планомерных взаимосогласованных мероприятий воспитательного, правового и социального характера, направленных на предупреждение правонарушений, устранение способствующих им причин и условий. Особо следует подчеркнуть, что строить взаимодействие должно на глубоком изучении и анализе обстановки, позволяющих своевременно выявлять неблагоприятные участки, негативные тенденции в состоянии дисциплины и правопорядка, в их укреплении, с тем чтобы на них сосредоточивать усилия. И конечно же, взаимодействие должно осуществляться на партийной основе, при строжайшем соблюдении законности проводимых мероприятий, учете компетенции каждого органа, проявления каждым из них инициативы и деловитости. Чтобы получить коренные сдвиги в укреплении дисциплины, надо в каждой воинской части уже сейчас иметь конкретную программу профилактической работы. Прокурорско-следственная практика также показывает, что эффективность борьбы с правонарушениями в большей степени зависит от того, насколько в повседневной жизни и деятельности воинского коллектива обеспечивается неукоснительное соблюдение и исполнение законов, воинских уставов, приказов.

Сейчас в плане исполнения закона и устава особенно ощутимы издержки при решении актуальнейшей задачи обеспечения неотвратимости ответственности за совершение проступков и преступлений. Как известно, это одна из главных заповедей профилактики, предупреждения противоправного поведения. Между тем некоторые командиры частей не стремятся к своевременному выявлению правонарушений, принятию по ним законных решений, а следовательно, и устранению их предпосылок. Упор делают не на фактическое укрепление дисциплины, а прежде всего на обеспечение статистического благополучия.

В результате многие правонарушения длительное время остаются без реагирования. Не преодолена застарелая болезнь их укрывательства. Острота этой проблемы практически не снижается. Все это порождает обстановку попустительства, всепрощения, вседозволенности, влекущую в конечном счете и рецидивную преступность, а кое-где и ухудшение дисциплины в целом. Отдельные командиры в этих условиях начинают замалчивать все подряд.

Так, в течение пяти месяцев скрывал два преступления командир одного из полков управления внутренних войск МВД СССР по Дальнему Востоку и Восточной Сибири подполковник М. Рахматуллин, что выявилось в ходе прокурорской проверки.

Основная причина живучести этого явления сейчас известна: некоторые вышестоящие начальники и штабы состояния воинской дисциплины и деятельности командиров в подчиненных частях продолжают оценивать недостаточно компетентно, лишь по общему количеству зарегистрированных преступлений, происшествий, дисциплинарных проступков. Это серьезно скрывает инициативу командиров частей, удерживает их от активного применения всей системы законных мер воздействия на правонарушителей, толкает к погоне за «минусовой» статистикой, от которой порой напрямую зависит оценка их командирских качеств, продвижение по службе, присвоение очередных воинских званий и т. п. Поэтому сейчас важно всем понять, что оценки должны быть не поверхностными, а глубоко аргументированными и обоснованными, что для воинской дисциплины ничто так не губительно, как очковитительство и приукрашивание. Никакие статистические ухищрения, манипуляции с цифрами дисциплины не прибавят и проблемы не решат.

Взять, например, нарушения уставных правил взаимоотношений. По ним сейчас практически повсеместно, в том числе и во внутренних войсках, наблюдается снижение статистических показателей. На этом основании отдельные должностные лица пытаются говорить о заметном фактическом оздоровлении обстановки в воинских коллективах, хотя делать такие выводы пока рано. Нарушения уставных правил взаимоотношений вызывают особое беспокойство, во-первых, потому что они все еще распространены и статистика просто не отражает фактического положения. Много этих фактов командованием не выявляется, скрывается или вуализируется различными способами, главным образом путем поверхностного расследования, под видом личной неосторожности потерпевших. Во-вторых, значительная часть глумлений и издевательств над сослуживцами совершается группами лиц. Приобретают они все более изощренный и утонченный характер, что повышает их общественную опасность.

Нельзя не видеть, что, хотя правоохранительные органы начали действовать смелее и активнее, а общественность стала лучше их поддерживать, о переломе говорить рано, преступность пока растет.

(Из выступления М. С. Горбачева на второй сессии Верховного Совета СССР).

При избиениях, скажем, стараются не оставлять на теле потерпевших видимых следов. Зачастую допускают психическое насилие, систематически отбирают деньги, продукты питания, молодых солдат принуждают выполнять за так называемых «дедов» различные работы: подшивать им подворотнички, стирать обмундирование и т. п. В-третьих, все больше отмечается случаев издевательств на межнациональной почве. Актуальность этого вопроса возрастает в силу известных событий в Армении, Азербайджане, Узбекистане и Прибалтийских республиках, а также в связи с демографической обстановкой. Призывной контингент увеличивается и будет увеличиваться за счет призывников из Средней Азии и Закавказья.

В-четвертых, велика опасность последствий, влекущих факты гибели и увечья, случаи самоубийства людей на этой почве. Пожалуй, никакие другие негативные явления в армии не вызывают такого широкого общественного резонанса, как эти. Не

уменьшается поток жалоб от потерпевших, их родителей и родственников в различные органы, в которых высказывается обоснованное недоумение по поводу еще слабой борьбы с неуставными проявлениями. В «Литературной газете» (№ 9 от 1 марта с. г.) даже поставлен вопрос о создании комитета социального контроля за армией.

Что же надо делать для пресечения и предупреждения нарушений уставных правил взаимоотношений? Прежде всего навести строгий уставной порядок в каждом подразделении.

Надо всем вернуться лицом к проблеме, обеспечить более раннюю выявляемость неуставных проявлений и неотвратимость юридической ответственности за них, причем не только дисциплинарной, но и уголовной в надлежащих случаях. Это очень важный фактор, препятствующий их рецидиву или перерастанию в более опасные правонарушения.

Практика давно свидетельствует, что факты с тяжелыми последствиями, как правило, возникают тогда, когда командиры и начальники длительное время «не замечают» неуставных проявлений, занимают позицию невмешательства, замалчивания и укрывательства. Таким отношением командиров зачастую объясняется и пассивность общественности в этих вопросах.

Особо следует подчеркнуть, что из практики работы командиров должны быть полностью исключены любые незаконные приемы воздействия на подчиненных, искривления дисциплинарной практики, чванство, «разносы» и другие «атрибуты» неуважительного отношения к людям.

В одной из частей управления внутренних войск МВД СССР по Уралу старший сержант Мачарашвили, будучи начальником караула, стал унижать рядового Якубаева, заставляя его ложиться в лужу пролитого супа, а за отказ ударил. Командир взвода лейтенант Саранча решил оставить это без последствий, мер к разбору причин случившегося не принял и по команде не доложил. Такие действия начальника, ничем не оправданные, не могут быть расценены иначе, как неумение или неспособность воспитывать подчиненных. Подобные факты зачастую вызывают и обратную связь. Когда в одной из частей управления внутренних войск МВД СССР по Украинской ССР и Молдавской ССР двое рядовых на глазах личного состава подразделения стали избивать своего командира младшего сержанта Исомиддинова, никто из подчиненных не заступился за начальника, не пришел к нему на помощь.

Больше надо уделять внимания военнослужащим, которые своим поведением в той или иной степени вызывают к себе неприязнь, перерастающую в издевательства и глумления (неряшливость, неумение и нежелание выполнять задания и т. д.), активнее вести работу по разобщению разного рода группировок, особенно организуемых по национальной принадлежности.

Следует усилить индивидуальную воспитательную работу с учетом конкретных данных о личности подчиненных, выявлять среди них потенциальных правонарушителей. За последние годы ситуация в стране с несовершеннолетними обострилась. Ежегодно за различные правонарушения и безнадзорность задерживается более 900 тыс. детей (данные прокуратуры СССР). А ведь многие из них потом надевают военную форму, с ношением которой антисоциальные привычки сами по себе не исчезают.

Серьезной проблемой вновь становится пьянство. После известных решений ЦК КПСС оно вначале заметно поубавилось, частично переместилось в домашние условия, однако продолжает оставаться первопричиной многих преступлений, происшествий, гибели людей. В последнее же время борьба с ним сводится к общим призывам, конкретной работы недостает, наблюдается попустительство. Много фактов пьянства среди офицеров и прапорщиков. Систематически нарушал воинскую дисциплину на почве злоупотребления спиртным прапорщик Н. Макеев. Надлежащих мер к нему командование подразделение не принимало, а в ходе аттестования характеризовало его положительно. После этого Макеев дважды самовольно оставлял место службы на почве пьянства, каждый раз на срок свыше 10 суток.

По-прежнему вызывают тревогу неслужбные запрещенные связи военнослужащих с осужденными, в основе которых нередко лежат корысть и стяжательство. Опасность таких действий усугубляется и тем, что к осужденным попадают крупные суммы денег, спиртные напитки, наркотики, допускаются и побег. В значительной мере этому способствуют многочисленные нарушения командирами и начальниками уставных требований по организации боевой службы, еще много в этом деле беспечности и благодушия.

Законами и уставами подробно регламентированы обязанности командиров и начальников по обеспечению сохранности и использованию военного имущества. Предметом постоянной заботы должно быть обеспечение сохранности вооружения и боеприпасов, медицинских препаратов, особенно содержащих наркотические вещества, создание надежных условий их хранения. Имевшие место неединичные факты их утраты и хищения свидетельствуют о том, что не все каналы для этого перекрыты. Тревожит, что во многих частях нарушаются требования законов и общевойсковых уставов по предупреждению пожаров, приносящих в ряде случаев немалые убытки.

По-прежнему беспокоит обстановка в частях с травматизмом личного состава. Подавляющее большинство травм связано с необеспечением командованием мер безопасности в ходе боевой подготовки, при

производстве хозяйственных и строительных работ, при эксплуатации техники и автотранспорта, а также в быту. Скажем, водитель рядовой А. Науменко не справился с управлением автомобилем и столкнулся с рейсовым пассажирским автобусом, в результате два человека погибли, несколькими пассажирам причинены увечья различной тяжести. Выяснилось, что Науменко был переутомлен, в предшествующие дни отдыхал значительно меньше нормы, а перед происшествием не отдыхал в течение суток. Его жалоба на неудовлетворительное самочувствие перед выездом из части командованием не была принята во внимание.

Не изжиты до конца нарушения правил обращения со стрелковым оружием, причина — низкое в ряде подразделений качество обучения личного состава практическим навыкам владения им, бесконтрольность за лицами состава караула, допускающими порой и баловство с оружием.

Увеличить численность внутренних войск Министерства внутренних дел СССР для применения необходимых мер в случаях массового неповиновения преступных элементов.

(Из постановления Верховного Совета СССР «О решительном усилении борьбы с преступностью»).

В порядке самокритики следует сказать, что до последнего времени внутренним войскам военные прокуроры уделяли все-таки недостаточное внимание, был ослаблен надзор за исполнением воинских уставов должностными лицами, не проявлялось необходимой заботы об утверждении в частях и подразделениях уставного порядка, не все делалось для активизации правовой пропаганды, совершенствования предупредительной работы. Меры по усилению этих недостатков обсуждены на заседании коллегии Главной военной прокуратуры с участием руководства Главного управления внутренних войск МВД СССР. По результатам издан приказ Главного военного прокурора, организовано его исполнение.

Время обязывает всех нас подходить к вопросам укрепления дисциплины и порядка в войсках с партийных, государственных и общественных позиций в соответствии с требованиями и задачами перестройки.

Генерал-майор юстиции Л. ЗАЙКА,
первый заместитель Главного
военного прокурора.

Харьковское высшее военное... Это не только добротная учебно-материальная база и отличный профессорско-преподавательский состав. Это прежде всего замечательные боевые традиции, ведь у старейшего вуза богатая история. И, пожалуй, одна из лучших традиций — подготовка грамотных, квалифицированных специалистов тыла.

Фото Е. БУЛАКЕВИЧА.

■ Незабываемые минуты для старших сержантов А. Ананьева, И. Фетисова, старшины С. Макаренко и курсанта В. Иважно: в Харьковском, филиале Центрального музея внутренних войск МВД СССР им вручены партийные билеты.

■ Занятия на тренажерах проводит старший преподаватель подполковник В. Рябов.

ЧТОБЫ ЖИЗНЬ НЕ ПОСТАВИЛА «НЕУД»

«Оккупанты, вон из Латвии!» Если еще в начале года такой плакат можно было увидеть над кучкой юнцов, толкавшихся у штаба Краснознаменного Прибалтийского военного округа, то уже к августу, к 50-летию подписания советско-германского пакта о ненападении, националистическая истерия достигла иного размаха. Заявление ЦК КПСС о положении в республиках Советской Прибалтики прозвучало в сложной, неоднозначной обстановке. Разъясняя значимость этого документа воинам, политотдельцы нашей части лишней раз убедились: чтобы возглавить перестройку, парторганизации должны поднять свою работу на качественно иную ступень. А это напрямую зависит от того, как офицеры политотдела обучают актив, влияя через него на все стороны жизни и деятельности подразделений. Что можем сказать мы сегодня? Нам надо прибавлять и прибавлять в делах, чтобы жизнь, как самый строгий учитель, не поставила «неуд».

В застойное время за формой нередко забывалась сама суть парторботы, ее глубина, актуальность. Многие секретари, чувствуя это, шли по пути наименьшего сопротивления: свои силы и энергию направляли не на воспитание, организацию коммунистов, а в бумаготворчество. Общая тенденция не обошла стороной и нашу часть. Не все удалось выправить и на сегодняшней день.

В ПОЛИТОТДЕЛЕ я человек не новый — несколько лет являлся помощником начальника по комсомольской работе. Знаю, как важна для молодежи забота партийного секретаря. Кого порекомендуют коммунисты для работы в бюро ВЛКСМ — вопрос далеко не праздный. От этого будут зависеть и боевитость комсомольской организации, инициатива солдат и сержантов. И дело ли, когда сталкиваешься с тем, что юноши подходят к решению этого вопроса куда мудрее, чем их старшие, опытные партийные товарищи. Вот, например, в одной из рот комсомольцы, возмущившись, сказали, что почетных членов бюро ВЛКСМ им не надо, и выбрали в свой комсомольский орган коммуниста А. Порядина, отдав кандидатуру рекомендованного товарища. Таксва реакция на наши общие промахи, некомпетентность, стремление плыть по течению.

Так и с аттестованием руководителей групп политзанятий в парторганизациях накануне нового учебного года. Всем известно, что уровень их подготовки, отношения к делу далеко не одинаков, да и обстановка такова, что на местах выбирать особенно не приходится. Этим диктуется важность серьезного партийного подхода к каждому. По роду службы я анализирую результаты проверок политических занятий, определяю коммунистов-руководителей, влияние на которых со стороны политического

отдела, партийных организаций должно быть первоочередным. Но вот что получается. Если подойти к аттестованию формально, то в подразделении можно охватить аттестацией буквально всех за месяц. Но именно в этом случае и произойдет обезличка: влияние на лучших и отстающих будет одинаковым. И тем не менее подходить к делу кампанейски, видимо, уже вошло в привычку в подразделении, где политработником майор В. Чермашенцев. Больше скажу, порой сталкиваешься с парадоксальными ситуациями. Так, например, ротный политработник лейтенант В. Щербина, оказывая помощь секретарю парторганизации подразделения в планировании работы на очередной месяц, порекомендовал заслушать начальников караулов об их участии в организации и проведении политзанятий, к чему те никакого отношения не имеют.

Конечно, можно и на этот раз говорить о некомпетентности офицеров, в конце концов, о недостаточной работе с ними политотдельцев, о той же поверхностной учебе. Но я бы повернул разговор в иную плоскость: о безответственности иных коммунистов. Ведь рядом, в соседних воинских коллективах, все обстоит по-другому. Например, проходил аттестацию как руководитель группы политических занятий коммунист капитан Е. Епанишников. Его выступление прозвучало довольно-таки складно, да к данному партсобранию готовился он не один. Член партийного бюро майор Г. Васильев изучал работу коммуниста как руководителя группы политических занятий по заданию парткома. И, выступая оппонентом, он доложил, что качество подготовки этого руководителя к занятиям неважное, имели место их срывы, а на одном из семинаров с руководителями групп Епа-

КОММУНИСТ: ПОЗИЦИЯ В ПЕРЕСТРОЙКЕ

нишников получил низкую оценку, пришел на занятие без какого-либо конспекта, плана, наглядных пособий. Епанишников вскоре заслушали на совещании политического отдела. Ему высказаны серьезные претензии.

В политотдел были приглашены и командир, его заместитель по политчасти, партийный секретарь автомобильного подразделения. Выяснилось, что в нарушение приказа командира части в дни и часы политических занятий планировался выезд транспорта на линию, а офицеры—руководители групп направлялись для решения хозяйственных нужд в различные учреждения города. Принципиальный, партийный разговор состоялся с заместителем командира части подполковником А. Малаховым, секретарем управленческой парторганизации майором В. Зайцем. Малахов был строго предупрежден.

ДАВНО стало правилом обсуждать в партийных организациях итоги политической учебы в конце периода обучения, давая оценку каждому коммунисту за проделанную им работу. Можно сказать, сломано немало копий, и тем не менее настоящей перестройки в деле идейной закалки воинов у нас пока еще не произошло.

Коммунистов части все больше волнуют проблемы межнациональных отношений. Лозунгами об экономической самостоятельности, заботами о языке, самобытности культуры нередко прикрываются открыто антисоветски настроенные элементы. А в подразделениях часто слышишь и от партийных вожakov, что, мол, затруднительно вести контрпропаганду.

Доля правды в этом есть. Объективной, взвешенной информации зачастую нам действительно не хватает. А время упускать нельзя. Разъясняя активу, а через него и всем военнослужащим, членам их семей истоки и сущность развития национальных отношений в республике, об-

суждая цели Народного фронта, Интерфронта, существующих неформальных объединений и групп, видишь, что мало кто из коммунистов, не исключая и секретарей парторганизаций, стремится самостоятельно анализировать ход событий в регионе. А ведь люди обращаются к коммунистам, партийным вожакам в ожидании компетентных и принципиальных оценок сложившейся ситуации. Ведь разве не нас, военнослужащих, повсеместно именуют не иначе, как оккупантами? Не против ли нас направлялись антиконституционные, антидемократические акты? Достаточно вспомнить пресловутый ценз оседлости.

Обучая партийных секретарей, мы обратились в республиканское общество «Знание». Исторические сведения, убедительные факты и цифры стремимся довести до актива. Но нужна и самостоятельная аналитическая работа, глубокое изучение произведений В. И. Ленина, прежде всего по национальному вопросу, решений партии и правительства последнего времени. Каждый коммунист сегодня должен быть пропагандистом и агитатором и уж, разумеется, не из-под палки, с чем еще приходится нередко сталкиваться.

И последнее, что мне хотелось бы сказать. Научить чему-то человека можно только тогда, когда сам он этого хочет, к этому стремится. Нередко еще и среди партийных вожakov встречаешь людей инертных, а то и вообще случайных. Взять того же прапорщика И. Колесникова. На любое замечание у него всегда один ответ: «Ищите того, кто сделает лучше. Я в секретари не просился». Переизбрали его партийцы, исправили свою ошибку. Но промах вместе с ними допустил политотдел. Не зря же говорится: каков политотдел, таков и партийный секретарь.

Капитан А. ЕЛОВ,
заместитель ответственного секретаря
парткомиссии при
политотделе части.

ИДЕТ ПАТРУЛЬ ПО КИШИНЕВУ

В ПОСЛЕДНИЕ МЕСЯЦЫ КИШИНЕВ БУДОРЖАЕТ САМЫЕ РАЗЛИЧНЫЕ СЛУХИ, А ПО ВОСКРЕСНЫМ ДНЯМ НЕРЕДКО СОТРАСАЮТ МИТИНГИ И ДЕМОНСТРАЦИИ. ПОД ЛОЗУНГАМИ ДЕМОКРАТИИ, ГЛАСНОСТИ, БОРЬБЫ С «МАФИЕЙ» — РАЗНОШЕРСТНЫЕ ГРУППЫ ЭКСТРЕМИСТОВ И НАЦИОНАЛИСТОВ, ПРЯЧУЩИХ СВОЕ ИСТИННОЕ ЛИЦО ЗА МАСКОЙ ПРИВЕРЖЕНЦЕВ ПЕРЕСТРОЙКИ.

Обострение политической обстановки, националистические выходки, рост уличной преступности наложили свой отпечаток на подготовку людей к патрульно-постовой службе и, следовательно, на содержание партийно-политической работы, в первую очередь по интернациональному воспитанию.

Замечу, у нас служат воины 26 национальностей. Учитывая это и реализуя установки XIX Всесоюзной партийной конференции, при партбюро первичной партийной организации части была создана группа по интернациональным отношениям.

И все же действенность воспитательной работы, качество патрульно-постовой службы были бы куда выше, если бы чуть ли не половина наших подразделений жила в нормальных, уставных условиях. Дислоцируясь в республиканском сборном пункте, они ютятся на правах временных жильцов; здесь нет ленинских комнат, учебных классов, комнат бытового обслуживания и еще многого самого необходимого. Когда же наконец местные советские и партийные власти проявят заботу о тех, кто оберегает покой людей.

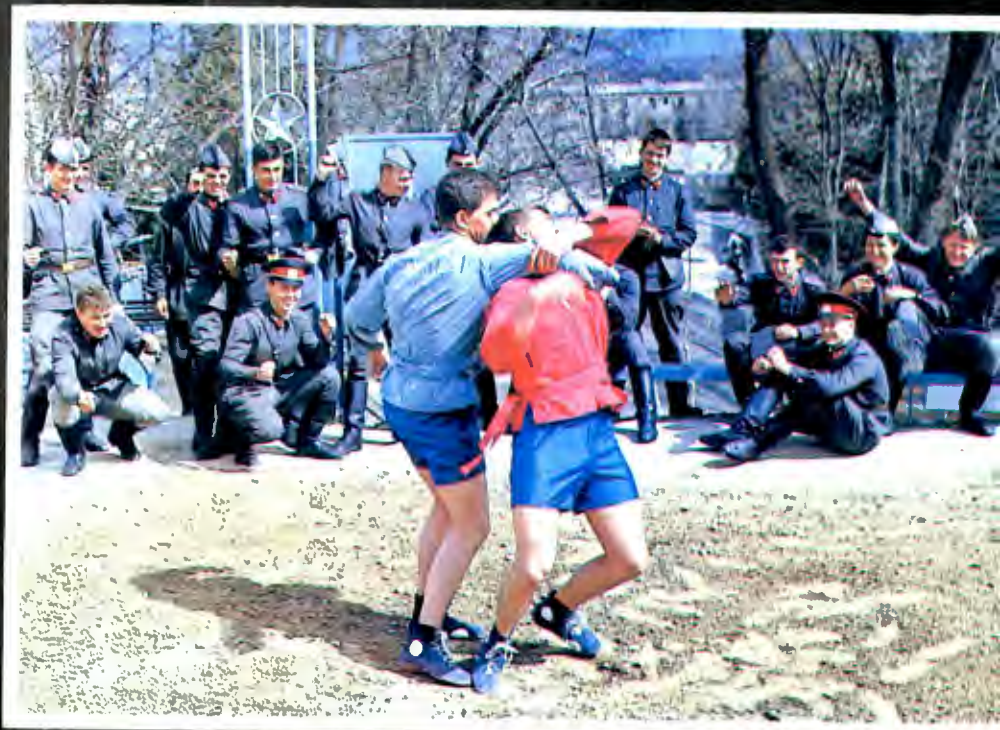
Майор А. РАЗУМОВ,
секретарь партбюро части.

ВНЕШНИЙ БОМ

10 НОЯБРЯ—
ДЕНЬ
СОВЕТСКОЙ
МИЛИЦИИ

■ Командир отделения сержант Богдан Степанец награжден знаком «За отличие в службе» II степени. «Надежный воин», — говорят о нем в подразделении. «И друг надежный», — добавляет Марина. [На 1 странице цветной вклейки].

■ «По машинам!»

■ На боевом счету старшего сержанта Жанаидара Дюсембаева задержание грабителей, угонщиков автомобиля.

■ Все пули — в цель.

■ «Самбо — наш спорт» — утверждают делом сержанты братья Александр и Юрий Зинган.

Фото
А. АЛЕКСАНДРОВА.

■ Водитель рядового Иван Ильюшин — передовик службы, комсомольский активист.

Фото
В. СЛАВЯНОВА.

ВИТЯЗЬ ИЗ СПЕЦНАЗА

530
590

До недавнего времени о подразделениях специального назначения внутренних войск МВД СССР печать, в том числе и войсковая, умалчивала. А воины с высоким профессионализмом делали свое нелегкое дело по защите правопорядка, зачастую рискуя собственной жизнью.

События в Фергане, Новом Узене, НКАО, Абхазии обнаружили откровенных врагов перестройки, подрывающих устои общества, сеющих межнациональную рознь. В ходе выполнения сложнейших боевых задач проявились лучшие качества воинов наших войск. Всегда на передовой — бойцы спецназа.

*Будь судьбой доволен каждый, чем бы он ни удостоен!
Долг трудящихся — трудиться. Храбрецом да будет воин.
Шота РУСТАВЕЛИ.
«Витязь в тигровой шкуре».*

БЕЛЫЙ полуденный зной к сумеркам растекся по растрескавшейся земле, застрял в цепких колючках. Сумерки не были синими — лазурь предполагает прохладу. Сумерки были серыми и жаркими. Даже к черной полночи прохлада не пришла. Холодил лишь пробегающий по нервам электрический стрекот цикад.

Солдаты кучно лежали на теплой бетонке, подложив под головы стальные шлемы и вещмешки, крепко прижав автоматы, вороненая сталь которых чуть белесая — оружие было изрядно тертое в этой жизни и словно поседело от виденного-пережитого. Солдаты, сильные и уставшие парни, привычно льнули к земле в редкую беззаботную минуту — так поступали во время боевых рейдов, прячась на жарких дорогах в тени бэтээров, так сделали и теперь, перед посадкой в самолет, когда волнение не уймешь ни куревом, ни анекдотами, ни гитарой.

«Ильюша-семьдесят шестой» распростер над солдатами свои богатырские руки-крылья и никак не мог оторваться от керосинки-кормилицы. Кровь земли, дающая жизнь пламенному большому сердцу, вливалась и вливалась в исполинское плавное тело и словно подпитывала мерцающие в ночи лампочки-фонарики, разбросанные вширь и ввысь, подчеркивающие габариты воздушного извозчика-тяжеловоза.

Едва заправщик покатил в сторону, в распаханном чреве транспортника вспыхнул свет. Это чрево-ангар, перечеркнутое опорами верхней палубы, наполнилось топотом тяжелых ботинок. Голосов мало — команды редки, шутки-прибаутки созревают до поры... Бойцы притираются к жестким сиденьям, чтобы придавить в полете еще сотню-другую минут.

Еловский последним прошел по пупырчатому от заклепок дюралю. Прапорщик-техник, устроившись в вертящемся креслице-наесте, сменил полное освещение на тревожно-красное, дежурное, пожелал всем спокойной ночи...

Ему, Еловскому, ночь эта наверняка спокойной не будет — летит в неизвестность. Сидит, вытянув уставшие в беготне ноги, закрыв глаза, расслабился... «Везет мне на «резкие» вводные... Баку, Тбилиси, Фергана, весенний призыв, снова Фергана, снова Баку... Сам того хотел — в спецназ... Ладно — все будет «хоккей»! Только вот надолго ли застрянем? Раисе с детворой трудно...»

* * *

В ЭТИХ ГОРАХ такого еще не видели ни местные жители, ни обитатели ИТК, работающие в каменном карьере, ни старожилы конвойного подразделения. Солдаты в пятнистых масках бегут под палящим солнцем по ухабистой дороге, бегут при оружии, со всей амуницией. Бегут с офицером во главе. Что случилось? Вопрос волновал местных жителей — «десантников» здесь вроде бы не было». Вопрос волновал осужденную братию — «кто же в побег рванул?» Вопрос волновал всех в батальоне — «если новый энша не пижонит по молодости, то боевой подготовкой замучает».

Новый энша — то был старший лейтенант Еловский — никогда не пижонил, ни прежде, ни теперь. Немногословный фанатик, он работал по двадцать пять часов в сутки. Трех смен не хватало, так как комбат и замполит по разным причинам (болезни, отпуска, академия, переводы) отсутствовали, а батальон хотелось сделать если не «игрушкой», то вполне боеспособ-

На снимке: подполковник Виктор ЕЛОВСКИЙ.
Фото А. АЛЕКСАНДРОВА.

ной единицей. Условия были не из простых — «здесь вам не равнина, здесь климат другой...» Прапорщики, в основном из местных, мужское свое достоинство видели не в крепкой воинской дисциплине, умении владеть оружием, приемами рукопашного боя, а в независимости, длине усов и прически, количестве своего вина и марки своего автомобиля.

Еловский знал обычаи и нравы местных народов, палку ни в чем не перегибал. Действуя больше личным примером, повернул народ к службе лицом. Стал бравым внешний вид. Спортзал, откуда вынесли сотни бутылок, теперь не пустовал. Знарок рукопашного боя, модных восточных единоборств, начальник штаба заразил своей страстью не только сослуживцев. Однажды на КПП к нему пришла делегация местной молодежи с просьбой устроить секцию каратэ, не бесплатно, естественно. Отказываться пришлось, вроде бы сокрушаясь: «Знаете, парни, времени, ну ни минуты!»

Зато для солдат времени он не жалел. Нештатный взвод спецназа стал ротой спецназа, так как никто не хотел уступить товарищам в подготовленности. Вялая, дремотная «конвойка» с приходом Еловского преобразилась. Если прежде камуфлированные комбинезоны прели на складе, то теперь они, обильно пропитанные солдатским потом, выгорали под солнцем. Солдатам понравилось чувствовать себя солдатами. «Делай раз, делай два!» уступило место боям с «противником» в горной местности, спаррингам «один на один», «один против двух», «один против четырех»...

Осужденные тоже почувствовали наливавшуюся в «пацанах с ружьями» силу, почувствовали возросшую активность контролеров. Побегов при Еловском не было. Случились однажды массовые беспорядки в колонии — его спецназовцы действовали бескомпромиссно, отчаянно и смело, как на многих показательных занятиях, когда безо всяких оговорок были признаны лучшими в соединении.

* * *

В ФЕРГАНЕ было страшно. По-настоящему страшно. Нет, конечно, не за себя. И даже не за подчиненных — они, полгода назад призванные на военную службу, стали уже неплохими солдатами — выносливыми и дружными, ловкими и дисциплинированными, по-спецназовски грамотными и преданными спецназу. Еловскому стало страшно за людей, за homo sapiens, теряющих разум. Задачи ставились сложные: остановить бесчинства, предотвратить новые убийства, поджоги, погромы, защитить временные лагеря турок-мехетинцев, обеспечить поддержание общественного порядка. Спасти человека!

Местные правоохранительные органы были преступно, предательски растеряны при виде пьяной, обкуренной анашой толпы. Толпа зверела при виде крови и пожарниц и жаждала новой крови, и требовала еще жечь, жечь, жечь... Партийные и советские работники частью отсиживались под охраной войсковых подразделений, частью,

меньшей частью, пытались образумить беснующихся, что удавалось редко. Единственным гарантом защиты конституционных интересов граждан были в Фергане внутренние войска.

Еловский не чувствовал учащенного биения собственного сердца — вместе с товарищами офицерами Васильевым, Енягиным, другими они были не только сгустком воли, но и крепким кулаком. Сильные встали против безумных...

КОГДА ВЫЗЫВАЛИ ДЛЯ СЛУЖЕБНЫХ ПЕРЕГОВОРОВ, ОН ЗНАЛ — ПЕРЕГОВОРОВ, КАК ТАКОВЫХ, НЕ БУДЕТ. БУДЕТ НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ, ОТ КОТОРОГО ОТКАЗАТЬСЯ ОН НЕ ИМЕЕТ ПРАВА. ЗА ВЫСОКОГОРНЫМ БАТАЛЬОНОМ БЫЛИ БАТАЛЬОН В БОЛОТАХ СЕВЕРНОГО УРАЛА, ПОТОМ БАТАЛЬОН УЧЕБНЫЙ В СТАДИИ «ПОЛУРАСПАДА»... ВСЮДУ ВПРЯГАЛСЯ БЕЗ ЛИШНИХ СЛОВ.

«Товарищ генерал, — Еловский не оставлял местному милиционерскому чину времени на перестраховку, отговорки и оговорки, — прошу подписать план операции». Дрожащая рука скользнула по краю ватманского листа. «Вперед!» — Еловский, помня о пресловутом «табилисском синдроме», передал план начальнику штаба для вящей официальности, на всякий случай, если заведут неформалы-«законники» речь о действиях наших подразделений по наведению общественного порядка.

Толпа, вооруженная ружьями, топорами, «горючкой», была рассеяна в считанные минуты. Зачинщики поджогов задержаны. Среди военнослужащих никто не пострадал.

К ним в расположение приходили турки, евреи, крымские татары с одной просьбой — защитите! Защищали — для того и прибыли. Уставали зверски, после ночи, проведенной в стремительных рейдах, падали с ног. А назавтра снова...

Председателя райисполкома захватили в полдень. Поначалу Еловский подумал — треп, ложный сигнал, дезинформация или преднамеренная, или с испугу. В РОВД подтвердили — предрик сам сообщил по телефону о том, что захвачен двумя террористами, которые требуют выпустить задержанного накануне сообщника.

Ситуация была серьезной, Еловский вызвал по радиции Васильева — чтобы посоветоваться, при необходимости действовать вместе.

В том, что райисполком подвергся бандитскому налету, сомнений не было: входная дверь разбита, на пороге следы крови, телефон дежурного оборван, телевизор в холле разбит... Вошли осторожно, расставили солдат у дверей, окон, на ле-

540
541

стничных площадках. Из темноты коридора, крадучись, вышел напуганный до смерти узбек. Шепотом сообщил, что он — шофер предрика, больше в здании никого нет. Это успокоило, по всему — у них было несколько минут на раздумье.

В крохотном «предбаннике» со слов нового знакомого начертили план-схему кабинета его шефа: здесь стол, как водится, буквой «Т», здесь окна (второй этаж, в случае чего можно брать с крыши), здесь комната отдыха... Телефон, выяснилось, работает. Набросали вопросы для уточнения ситуации. Водитель должен был говорить по-узбекски, в расчете на односложный — «да» или «нет» — ответ. Еловский с товарищами хотели еще раз убедиться, что единственный вариант вызволения заложника — штурм.

— Вас захватили террористы?

— Да!

— Они вам угрожают?

— Да!!

— Требуется помощь?

— Да!!!

«Ясно... — Еловский снял раскаленный под ферганским солнцем стальной шлем, потер виски, переглянулся с Васильевым и Чернышовым, — будем действовать так...»

Замысел был предельно прост. Расчет на внезапность, быстроту, силу. Еловский выбивает дверь. Васильев готов открывать огонь или «вырубать» одного из террористов. Чернышову предназначался второй.

Судили-рядили недолго. Еловский набрал уже воздуха, чтобы выдохнуть: «Приготовились!», как вдруг дверь скрипнула и из-за нее показалась смуглая физиономия...

— Витя, бей! — голос Васильева прозвучал одновременно со щелчком замка.

На разбег Еловскому оставалось, пожалуй, два шага. Удар ногами в дверь был словно рассчитан по силе и точке приложения — Васильев едва успел увернуться от падающей с петель плахи. А Еловский был уже там, у Т-образного стола. Еще один прыжок, и тяжелый ботинок достигает цели... Еще доля секунды — кулак выскочил, как жало отбойного молотка...

Второго террориста обработал Чернышов...

Васильев на всякий случай блокировал «бедного» предрика, который готов был схватиться... за пистолет. Позже выяснилось, что представитель власти не умел даже пользоваться выданным ему личным оружием и боялся, что бандиты увидят ПМ, отберут...

* * *

БОЕВОЕ ИСКУССТВО спецназа вне службы он демонстрировал лишь однажды, давно это было, в лейтенантские еще годы. Он и в спецназе-то еще не был, в конвойной части служил, в Грузии. Шел как-то пустынным сквером. Видит — трое местных хлюстов, все как один глупые брюнеты, пристают к девушке. Она, бедная, и шагу прибавляет, и по сторонам беспомощно озирается... А эти самцы еще больше в раж входят.

На невысокого лейтенантика и внимания не обратили. Но он-то заметил в глазах

девушки и мольбу о помощи, и надежду... Сразу понял — увещеваниями не поможешь. Самое вежливое, что услышал от разгоряченной троицы: «Катись отсюда!» Взял одного за руку — тот присел. Полезли все сразу — каскад приемов провела почти бесконтактно, Еловский в ту пору ох и резвым был.

На следующий день в части рассказывали историю о том, как какой-то офицер отбил у местных «королей» дочь одного из старших командиров. Еловский вместе со всеми гадал, кто же это мог быть...

Не став в юности воздушным десантником, он поступил в Саратовское высшее военное командное Краснознаменное училище им. Ф. Э. Дзержинского. Истово занимался каратэ. Когда однокашники устраивали перекуры или травили анекдоты, он предпочитал десяток раз «качнуться» или отработать серию специальных упражнений. В жизни не выкурил ни одной сигареты, вино во время самых торжественных и уважительных застолий только пригубливает, утреннюю физзарядку делает в командировках и отпуске, в дождь и пургу.

ОФИЦЕРЫ СПЕЦНАЗА СПРАВЕДЛИВО ПОЛАГАЮТ, ЧТО ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ «КРАПОВЫХ БЕРЕТОВ» ДОЛЖНЫ СТАТЬ ЭЛИТОЙ ВОЙСК. СПРОС С НИХ ВСЕГДА ВЫСОК — ЗА ВЫУЧКУ, ДИСЦИПЛИНИРОВАННОСТЬ, БОЕГОТОВНОСТЬ И ОТВАГУ. ОНИ НЕ ТРЕБУЮТ СВЕРХБЛАГ ДЛЯ СЕБЯ. ОНИ ТЕРПЕЛИВО ЖДУТ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ УСЛОВИЙ ДЛЯ СВОИХ СЕМЕЙ, УДЕЛ КОТОРЫХ — ТОЖЕ ТЕРПЕЛИВО ЖДАТЬ.

...По плотному песку палангского пляжа приятно пробежаться, проснувшись поутру. Подышать простором, постояв в прибойной пене, поплавать-понырять в прохладе. Прекрасно! Другие холостяки, настоящие и притворные, вырвавшись на отдых в Прибалтику, накачивались вождленным пивом и смаковали коньяк в полутемных прокуренных барах, чтобы проспать завтрак и, встав с большой головой, рассказать соседям по столу о том, что так мило было вчера и что напрочь забудется завтра. Такой извращенный культ беззаботного отдыха, отдыха «на всю катушку», Еловский отверг сразу по одной-единственной, совершенно естественной для него причине: у него был уже свой культ — культ здорового тела, в котором, как известно, здоровый же и дух.

Он равнодушен к футболу — как все спецназовцы, считает несерьезной эту беготню за мячом двадцати двух мужчин. Волейбол для него не более пляжной забавы. Он в свободное время предпочитает баскетбол с хоккейными вольностями — полезно и азартно.

В еде умерен и неприхотлив. Как-то, учась в академии, решил попробовать оздоровительное голодание, но оздоровления не почувствовал, просто есть здорово хотелось. Да еще занимался офицерским многоборьем, плавал, ходил в борцовский зал. Научность в занятиях, связанных с физическими нагрузками, самоконтроль считает стержнем самосовершенствования.

Самосовершенствованию предела нет. Хотя нет-нет да и поговаривает он о возрасте. Спецназ — удел молодых. А ему уже тридцать шесть. Как для спортсмена экстра-класса — пиковый возраст. На вершине, где нехватка кислорода, могут продержаться лишь самые сильные, самые выносливые, прошедшие проверку на разрыв и сжатие.

* * *

О ПОСЛУЖНОМ СПИСКЕ офицера лучше всего спросить у его жены — сколько раз переезжали, сколько раз укладывали контейнер (если нажили пожиток), сколько раз распаковывали ящики (если было, куда вещи заносить). Его Ранса на судьбу не жалуется — настоящая офицерская жена, немногословно-деловитая, привыкшая подолгу хозяйствовать без мужа, спрятав грусть-тоску от ребячьих глаз, терпеливо ждать своего Победителя, чтобы снова провонять...

Перед Ферганой было воскресенье. Приехали с детворой в городок части — в военторг зайти, с подругами по офицерскому общезнанию встретиться... У Виктора, само собой, и в воскресенье дела. У Еловского-младшего, первоклашки Стаса, тоже военные заботы — звездочку на пилотку раздобыть, свою-то где-то на учебном центре посеял в прошлый раз.

В СПЕЦНАЗЕ НЕТ КАБИНЕТНЫХ КОМАНДИРОВ И НАЧАЛЬНИКОВ. ВСЕ — В ПОЛЕ, ВСЕ — В КОМАНДИРОВКЕ, ВСЕ УМЕЮТ ХОДИТЬ В РУКОПАШНУЮ, ВСЕ ЕДЯТ ИЗ ОДНОГО КОТЛА. НА ВСЕХ ПОВСЕДНЕВНАЯ ФОРМА — ВСЕ-ПОВОДНОЕ ХЭБЭ И КРЕПКИЕ БОТИНКИ. НЕДОСТАТКИ У КАЖДОГО СВОИ, А ВОТ ГЛАВНОЕ ОТЛИЧИТЕЛЬНОЕ КАЧЕСТВО ДЛЯ ВСЕХ ОДНО — НАСТОЯЩИЙ МУЖЧИНА.

Сигнал сбора поднял на ноги не только военных. Жены офицеров и прапорщиков тоже высypали из общежития. Молоденькие лейтенантки совсем пригорюнились — так вот, вдруг, мужья улетают, оставляют их со всеми заботами-хлопотами, переживаниями-терзаниями. Хорошо, что мужья не видят, умчались в свои подразделения, а то бы и им лишнее огорчение.

Сегодня соберутся все ко «Времени», завтра станут жадными глазами искать в

газетах сообщения из горячих точек. Узнав, что тяжело ранены подполковник В. Аголец, курсант С. Назаров, жены дено и ночью будут терзаться одной лишь мыслью: «А как там мой?»

И мужья, отбив очередную атаку бесчинствующих бандитов, освободив еще одного заложника, защитив еще одну семью от расправы, вспомнят о своих. Наши-то, почитай, что те беженцы — все в одном коридоре, по комнате на семью, на ящиках и узлах. И если четверо на двести пятьдесят лейтенантских — разве не за чертой бедности? Стыдно, конечно, офицерские семьи под эту ненавистную черту примерять. Примерять — стыдно. А жить?

Жена его родилась и выросла в Грузии, говорит на языке этого народа. Когда начались их с Виктором офицерские скитания, скучала по родным местам. Узнав об апрельских событиях в Тбилиси, сердцем почувствовала — муж со своими ребятами там.

Он человек государственный. И если в государстве случаются беды-нелады, то неприступно стеной стоит считает своим долгом, стоять там, где прикажут, стоять столько, сколько потребуется.

Вопрос в другом. В том, что кто-то потребность эту должен взвешенно определять. М. С. Горбачев, выступая по телевидению, сказал однозначно — увеличить численность внутренних войск... Заявлено это в тревожном месяце сентябре, когда бастовал Баку, когда народный фронт Азербайджана требовал вывода войск и отмены комендантского часа...

После взрывных событий в Тбилиси, НКАО, Фергане, Новом Узене, Абхазии страницы газет и журналов запестрели всевозможными наименованиями подразделений внутренних войск — «краповые береты», «десант внутренних войск», «подразделения по борьбе с терроризмом», «спецназ». Досужие журналисты искали в них сходство с рейнджерами и командос, национальными гвардейцами и карабинерами.

Если до недавнего времени символом внутренних войск был солдат-часовой, охраняющий на наблюдательной вышке исправительно-трудовую колонию, то в последние год-два солдат порядка видят чаще там, где этот порядок резко пошатнулся, где террористы захватывают заложников.

А там, где вспыхивают пожары межнациональной розни, роль наших «краповых беретов» сродни задачам «голубых касок» ООН в горячих точках планеты. Хоть и высоко сравнение, но в обоих случаях миротворческая роль военных — многотрудная, горькая, опасная. Она по плечу только истинным витязям, без всяких оговорок и кавычек.

* * *

Прощались с Еловским в Баку 6 сентября. В тот день стартовали в далекий холодный космос два «Витязя» — для трудной работы на орбите.

На горячей Земле оставались для легкой службы витязи из спецназа.

Подполковник Б. КАРПОВ.

572

НАСТОЙЧИВО ВНЕДРЯТЬ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС

Первым в повестке дня состоявшегося 29 сентября с. г. заседания коллегии МВД СССР был этот вопрос. Докладчик — заместитель Министра внутренних дел СССР генерал-лейтенант внутренней службы Н. И. Демидов и выступающие, а их было 26 человек, отмечали, что ведомственная наука отстает от практики деятельности органов внутренних дел и внутренних войск. Недостаточно активную роль играет и созданный научно-методический совет МВД СССР. Все это в значительной степени тормозит научно-технический прогресс в системе Министерства.

Говорилось о необходимости усиления заботы о подготовке научных кадров. Всеобщий научно-исследовательский институт МВД СССР по-настоящему не выполняет обязанностей головного научного учреждения.

Ведомственная наука слабо прогнозирует ситуацию в борьбе с организованной преступностью, негативными явлениями в кооперативном движении.

Участники обсуждения высказали много интересных предложений о путях интенсификации научно-технического прогресса в деятельности органов внутренних дел и внутренних войск. В этих целях признано целесообразным определить приоритетные

направления научных исследований, нацелить их на решение конкретных задач, стоящих перед МВД СССР по усилению борьбы с преступностью, поддержанию общественного порядка, особенно в регионах со сложной криминогенной обстановкой. Нужно коренным образом повысить эффективность в работе научно-методического совета. Важно также создать гибкую систему управления научно-техническим прогрессом в МВД СССР. Полнее использовать в этом направлении связи с зарубежными странами.

Остро поставлен вопрос об улучшении редакционно-издательской деятельности. Внесено предложение о создании в МВД СССР книжно-журнального издательства.

В заключение Министр внутренних дел СССР генерал-лейтенант В. В. Бакагин ответил на многие поставленные выступающими вопросы. Выразил мысль о необходимости усиления научно-технического обеспечения деятельности органов и войск, повышения ответственности руководящих кадров за внедрение эффективных, научно обоснованных форм и методов, решительного пресечения фактов бесхозяйственности в использовании современной оргтехники и оборудования на местах, настойчивого внедрения в практику компьютеризации.

СОВЕРШЕНСТВОВАТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДСТВЕННЫХ ИЗОЛЯТОРОВ

Сегодня в следственных изоляторах содержится около 20 видов осужденных. Если в прошлом году произошло снижение общего количества лиц, находящихся в этих учреждениях, то в 1989 году наблюдается их рост.

Докладывая о состоянии дел в следственных изоляторах, первый заместитель начальника ГУИД МВД СССР генерал-майор внутренней службы П. Г. Мищенко подчеркнул, что за последнее время здесь обстановка осложнилась. В учреждения стали попадать привлеченные по закону участники массовых беспорядков, экстремисты, повинные в совершении преступлений, разжигании межнациональной вражды. Только в 1989 году в СИЗО было 18 случаев захвата заложников, 23 нападения на личный состав.

Приглашенные на заседание коллегии некоторые начальники следственных изоляторов с обеспокоенностью говорили о том, что в учреждениях велика текучесть

кадров. Многие контролеры увольняются, так как годами не могут получить жилье. Говорилось о социально-правовой незащищенности этой категории работников. В СИЗО поступают рэкетеры, в подавляющем своем большинстве — это хорошо физически развитые люди. А контролеры обладают низкой профессиональной подготовкой. В некоторых СИЗО лишь 16—30% их выполняет на «удовлетворительно» упражнения в стрельбе.

В своем решении коллегия обратила внимание на серьезные промахи в руководстве СИЗО со стороны руководителей ГУИД, на отсутствие самокритичности в оценке ими своей работы. Намечены конкретные меры по совершенствованию деятельности следственных изоляторов. В частности, внесены предложения по улучшению материально-бытового обеспечения сотрудников, укреплению материально-технической базы СИЗО, неукоснительному поддержанию в них установленного режима.

О НУМЕРАЦИИ, ГРАБЕЛЬКАХ И НАДЕЖНОСТИ ОХРАНЫ, или ПОЧЕМУ ФИЛЬКИНУ ГРАМОТУ ЗОВУТ ФИЛЬКИНОЙ?

Фельетон

У МНОГИХ великих писателей причуды были: великим простиительно. Горький охотно устраивал «пожары» в пепельнице к ужасу родных, Грин делал луки и стрелял из них в цель, причем довольно метко. Чехов страшно любил удить карасей. Гайдар — пускать воздушных змеев, а УВВ по Уралу — время от времени давать подчиненным оригинальные советы по наилучшей организации боевой службы. Вы спросите: при чем здесь это управление и какое отношение оно имеет к писателям? Самое непосредственное, ибо и Полное собрание сочинений такого общепризнанного мастера слова, как Лев Толстой, выглядит мелкой стопкой тощих брошюр в сравнении с могучими фолиантами служебной документации, рождающейся в недрах УВВ.

Впрочем, это, как говорят одесситы, не новая новость. И, вероятно, постоянные читатели нашего журнала помнят о «Формуляре служебно-боевой деятельности роты», замечательном по форме и замыслу шедевре бумаготворчества объемом двести тридцать три полновесных пункта, созданном в вышеупомянутом управлении неизвестными авторами второй половины XX века (1988, № 6). Статьи сказать, авторы эти, скромные до неприличия, и по сей день предпочитают оставаться в тени, старательно делая вид, что их мало интересуют критические выступления войсковой прессы, равно как и насущные требования о необходимости быстрого реагирования на острые сигналы. И, беспощадные к себе и безжалостные к другим, они с завидным упорством творят. Одно из последних (хочется верить!) творений — «Рекомендации по оборудованию объектов и организации боевой службы», произведение, несмотря на банальное название, достаточно смелое, пронизанное новациями вдоль и поперек, нашпигованное сногшибательными идеями, рассчитанное на массового нерассуждающего читателя, слепо верящего в мудрость вышестоящих.

С особой теплотой и беззаветной любовью, по не проверенным пока сведениям, сей бесценный труд встречен осужденными из числа так называемой «отрицаловки», которые, как ожидается с ужасом, повышенной побеговой активностью откликнутся на заботу о них войсковых радетелей надежности охраны (тьфу, чтоб не сглазить!).

Многосложной по глубине анализа и масштабам предвидения была для них ранее дилемма — бежать или не бежать, и если да, то где? Ныне сорваны покровы с тайны, прочь отброшены сомнения и тревоги. Рекомендации штаба войск с необычайной легкостью разрешают этот по-гамлетовски трудный вопрос.

Поясню для несведущих. Велено: «...на основном ограждении охраняемых объектов на внутренней и внешней сторонах... вывесить треугольники, обозначающие места, уязвимые в побеговом отношении... Для обозначения мест, где возможен подкоп... вывесить знаки на центральной (!) и наружной сторонах основного ограждения... На наружной стороне надписать слово «Подкоп», а на внутренней... нанести только цифры».

И пусть не все командиры и специалисты ИТО сразу сообразят, где она, заветная «центральная сторона» ограждения, — не беда, зато осужденным теперь предельно ясно, где безопаснее всего в силу доказанной профессионалами уязвимости участка бежать и копать. А то, что само слово «Подкоп» будет начертано не на «центральной», а на наружной стороне, — не страшно, ведь почти ежедневно во внешней запретной зоне работают бригады осужденных. Сами прочитают и другим поведают по щедрости душевной. Так что с выбором направлений побегов у них проблем не ожидается.

С ПРАВЕДИВОСТИ ради следует огорчиться, что не во всем «Рекомендации...» удобны и доступны, ряд позиций по непонятным мотивам неоправданно усложнен. К примеру, вместо того чтобы, не мудрствуя лукаво, обязать командира вывесить с двух сторон элементарные таблички «Место благоприятное для побега (подкопа). Добро пожаловать!», предлагают сюрреалистично-абстракционистское решение. А именно — либо треугольник в духе Казимира Малевича, «равносторонний (все стороны по 50 см), окрашивается в красный цвет, и на него наносятся цифры желтого [белого] цвета высотой 20 см [очень красиво, ничего не скажешь.—Автор.], либо (для подкопов) круг в стиле Марка Шагала «диаметром 50 см желтого [коричневого] цвета с номером красного [желтого] цвета и высотой цифр 20—25 см» (тоже весьма эффектно.—Автор.).

542
543

Бесспорно, красные треугольники с желтыми цифрами и коричневые кружки с красными номерами выгодно украсят и внесут разнообразие в монотонно серые тона ограждения колонии, благотворно повлияют на развитие эстетических наклонностей военнослужащих и осужденных. Да, и без того щедрому, богатую гамму цветов существенно дополняют «круги красного, желтого, белого, черного цвета на металле... на высоте 165 см от земли до основания круга ...высота цифр 12 см». Их надлежит иметь на внутренней и наружной сторонах ограждения «на каждом столбе» (!). Впечатляет, не так ли?

И все же, безудержные в своих преобразованиях, «рекомендаторы» здесь явно поскромничали, дали слабину, ограничившись указаниями пронумеровать только столбы. Вот если бы каждую доску пометить отдельно, ведь их ненамного больше, а?

Зато с лихвой наверстали упущенное в другом. В целях «закрепления участков внешних запретных зон за взводами, отделениями, военнослужащими на высоте 165 см по внутренней стороне маскировочного ограждения прибить таблички белого (желтого) цвета с черной надписью [звание, фамилия или личный номер (!) личного состава]. Периметр разделить по количеству сержантов и солдат...» Вселенский, космический размах: ярко, броско, можно сказать, празднично. Мало столбов с цифирью, даешь нумерацию всех солдат поголовно! Одно жалко, что таблички не мраморные и каждые полгода эти именные участки переделывать придется в связи с увольнением военнослужащих в запас. Но это мелочи, на которые не стоит обращать внимания.

Нет, серьезно: ура новому, передовому, прогрессивному! Предлагается, например, ввести на всех объектах единую нумерацию постов и в этой связи считать группу досмотра транспорта постом № 3. Хорошо? Отлично! Пусть консерваторы, ссылаясь на уставы и наставления, принятые в застойную эпоху, недоумевают: как это группа досмотра транспорта может быть постом? Пусть говорят, что пост, мол, сам подлежит охране часовым, а кто станет пуще глаза оберегать группу досмотра? Пусть, на то они и консерваторы. Назло им, бескрылым ретроградам, отцы-реформаторы настоятельно рекомендуют после того, как все столбы, посты и солдаты будут пересчитаны и подписаны, обязательно пронумеровать площадки и наблюдательные вышки. Правда, тут фантазия авторов слегка поиссаяла (попробуйте сами столько наворочать!), и они милостиво позволили иметь данный опознавательный знак любого цвета. Зато размеры и высоту цифр определили строго. Сантиметром больше или сантиметром меньше — подрыв боеготовности. Но сама затея — потрясающая, правда? Многих офицеров и поныне трясет, как подумают об объеме работ, заложенных в «Рекомендациях...».

В ОТ ГДЕ вдосталь поломают себе головы и служивые, и охраняемые, разгадывая мудреную шараду: почему на посту № 8 между столбами № 25 и № 26, что на участке рядового Сосницкого с личным номером 2, покосилась вышка № 4? Не потому ли, что средства и время уплыли на уроки столбового рисования и повальной нумерации? А заодно поразмыслят и над тем, для чего на контрольной площадке следует развесить схемы уязвимых в побеговом отношении мест в транспортных средствах, а также мест, где возможно укрытие запрещенных предметов? Именно этого требуют «Рекомендации...», учитывая, по всей вероятности, что среди осужденных, которых через шлюзы постоянно выводят на работу, могут оказаться зеленые новички, не усвоившие, где лучше всего прятать и прятаться в транспорте и прочие азбучные истины «науки убежать».

А может быть, так штаб войск понимает гласность? Дескать, охране от охраняемых скрывать более нечего. Безраздельное, безграничное доверие: «...Возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке».

Полноте! Всего лишь несколько рекомендаций из двух с половиной десятков выборочно взяли на пробу, но сколько выдумки и недюжинного творчества! Сколько горения и дерзания, наконец! Далеко не каждому штабисту присущ подобный свободный полет мысли; нарочью оторванной от суровых реалий действительности. О чем, в частности, можно судить по такому вот обязательному к исполнению совету: «Для восстановления КСП после нарушения ее специалистами (!!), уборки мусора и других предметов на маскировочном ограждении через каждые 30—50 метров иметь грабельки [зимой — метелки]». Так-то...

Что это за специалисты по нарушению КСП? И не слишком ли щедрый на государственные «грабельки» уважаемые авторы «Рекомендаций...»? Дополнимо известно, что на Урале есть объекты-гиганты с периметром около 9 км, где запросто можно разместить до 300 «грабелек (зимой — метелок)». Аж дух захватывает от такой перспективы: куда ни кинь туманный взор — всюду желанный сердцу инвентарь, инвентарь... Что ж, многие великие писатели чудили: Багрицкий любил ловить силками птиц, Пушкин — разыгрывать товарищей по лицу, а УВВ по Уралу — нумеровать столбики и запасаться впрок «грабельками».

К слову, об увлечениях. Во времена Ивана Грозного митрополит Московский Филипп, не соглашаясь с указами царя державного, периодически слал ему письма, то бишь грамоты, Государь же, гневаясь на непокорного Фильку, даже не распечатывал их. С его легкой руки и пошло гулять по ширям и весям понятие сие — филькина грамота. Века минули, а не стареет оно, ибо живы и здравствуют на Руси последователи средневекового митрополита. Вот такие «грабельки»!

Майор А. УШАР.

СЛУЖЕБНЫЕ
— 1979 г. —

**И В ПИСЬМАХ ЧИТАТЕЛЕЙ,
И НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА
ПОДНИМАЕТСЯ НЕМАЛО ОСТРЫХ
ВОПРОСОВ, КАСАЮЩИХСЯ
ОРГАНИЗАЦИИ СЛУЖБЫ СОБАК
В ВОЙСКАХ. ОТВЕТИТЬ НА НИХ
НАШ КОРРЕСПОНДЕНТ ПОПРОСИЛ
НАЧАЛЬНИКА СЛУЖБЫ СОБАК
ГУВВ МВД СССР
ПОДПОЛКОВНИКА В. М. СЕВОДНЯЕВА.**

На коротком поводке

— По мнению наших читателей, служба, которую вы возглавляете, порой незаслуженно обделяется вниманием. Об этом, в частности, с болью в сердце пишет старший лейтенант С. Коленков. Действительно ли так обстоит дело?

— Сказать, что наши болевые точки абсолютно никого не интересуют, не могу — покривлю душой. Руководство войск повернулось лицом к существующим в службе проблемам. Первые шаги на пути ее перестройки предпринимают. К примеру, ведется работа над созданием во всех регионах комплексной учебно-материальной базы для подготовки специалистов, осуществляются и другие меры.

Однако не перевелись еще консервативно настроенные, скажем так, неспециалисты, считающие любые новации пустой тратой сил, средств и времени. Их аргументы просты до примитивности: раньше без всего этого обходились, и ничего, худо-бедно проносилось, и теперь тоже можно обойтись. Но так ли? Ныне рассчитывать, что «авось пронесет», нельзя. Не те времена. Да и надоело, честно признаться, зависеть от случая (проскочит или не проскочит осужденный через пост свободного окарауливания?), держаться на нервах. Система нужна, эффективная, продуманная, постоянно действующая, в которую входит все — от четкой организации подготовки специалистов до подбора собак.

Кстати, о подборе собак. Ежегодно через клубы служебного собаководства ДОСААФ они закупаются у населения за довольно приличную сумму. Но зачастую это совсем не те породы, которые необходимы на службе. Клубы предлагают все подряд, лишь бы уложиться в рамки закупочных цен, естественно, лучшее оставляя себе.

— Неужели клубы служебного собаководства — всего лишь посредники в торговых операциях между ведомствами и населением!

— Нет, конечно, но по вполне понятной причине — хлопотно очень — клубы почти не культивируют кавказских, среднеазиатских и немецких овчарок, не занимаются улучшением рабочих качеств разводимых пород. Если и думают о чем, то об экстерьере животных. А нам красоваться не перед кем — службу нести надо. Вот и поступают в войска собаки с изначально низкими рабочими задатками, плохо поддающиеся дрессировке и, естественно, малоэффективные в боевом применении.

— Каков же выход из этой ситуации? Нельзя как-либо воздействовать на клубы!

— Как? Не они от нас — мы от них зависим. Знают, что спрос на собак высок, потому и не стремятся изменить ситуацию. Выход в другом: нужны свои племенные питомники, где бы мы разводили нужные породы, ни от кого не завися. Кстати, с учетом сегодняшнего роста закупочных цен на собак более чем в два раза создание своих питомников дало бы нам несколько сотен тысяч (!) рублей экономии в год.

— Эти средства можно было бы направить на строительство племенных питомников, не так ли!

— Да, если не принимать во внимание кипы бумаг, которые придется составить и утвердить в различных инстанциях. Но к бумажно-бюрократической волоките нам не привыкать, был бы толк.

— Очень остро стоит проблема обучения специалистов служебного собаководства. В пятом номере журнала майор Куропаткин, кстати, говорит о ней. Ваше мнение о публикации!

— Александр Геннадьевич Куропаткин, человек, безусловно, компетентный, энтузиаст своего дела, тысячу раз прав. Структура, а посему и специфика деятельности учебных подразделений требуют преобразований. Ведь здесь, по сути дела, параллельно решаются две важнейшие задачи: обучение курсантов и дрессировка собак. Но как? Собак дрессируют не профессионалы, а сами обучающиеся. Ситуация, по меньшей мере, странная. Никому не придет в голову заставить автомобилиста или повара, начиная практически с нулевой отметки по шкале знаний и навыков, работать по специальности и учиться одновременно. Для первого это чревато аварией, а уж чем нас накормит повар-недоучка,

можно представить. И тем не менее наши учебные подразделения функционируют именно по такой схеме.

— Но вы же не можете дать курсанту обученную собаку!

— Совершенно верно, зато можем (и хотели бы) сократить численность курсантов учебных взводов вполчину. Чтобы командир взвода и старший инструктор-методист, опираясь на сержантов, реально влияли на людей, держали их постоянно в поле зрения, обстоятельно учили.

— Если я вас правильно понял, вы предлагаете увеличить количество взводов, а значит, и штаты их командиров?

— Я предлагаю прежде всего решить проблему подготовки высококвалифицированных кадров и обучения собак, способных обеспечить качество выполнения служебно-боевых задач. Неужели мы так прочно закомплексовались на этом сокращении штатов, что и думать боимся (словно это крамола) об увеличении числа специалистов? На мой взгляд, чем больше профессионалов на службе, тем лучше для нее. У нас не так много средств, чтобы конвейерным способом готовить дилетантов, которые, допуская пробы и провалы, наносят не только экономический, но и моральный, ничем не измеримый ущерб.

Мы это, кстати сказать, уже ощутили на себе после сокращения штатов. Уходя от арифметики, просто скажу: возможностей для работы с собакой в подразделении практически не стало. Эти возможности сократили вместе с людьми. Кое-где в ротах осталось по три специалиста, причем двое из них заступают в караул, следовательно, через сутки их меняет оставшийся один (1). И так постоянно. Люди выдыхаются и физически, и морально (не дай бог, еще и заболел кто). Понятно, что о работе с собакой в таких условиях не может быть и речи. А значит, теряются ее навыки, угасают рефлексы. Куда ни кинь — всюду клин: двойной проигрыш.

— Но по силам ли нам обеспечить себя командирами учебных взводов по подготовке младших специалистов службы собак! Насколько мне известно, их для нужд внутренних войск готовит Алма-Атинское пограничное училище!

— Это так. Отсюда и определенные издержки. В частности, выпускники училища не знают специфики службы внутренних войск и связанных с ней особенностей обучения курсантов и дрессировки собак. От них ждут результатов, а они тратят драгоценное время на адаптацию к новым условиям.

— А мы не можем готовить кадры сами?

— Можем. И должны. Судите сами, подготовка офицеров-специалистов в пограничное училище осуществляется за счет внутренних войск. Причем средств расходует столько, что организовать аналогичную подготовку на базе одного из военных училищ МВД — желательно Пермского — экономически выгодно. Создать кафедру кинологии, которая станет своеобразным центром изучения и решения всех проблем.

— Что же мешает?

— Вопрос не по адресу. Я — за и делаю все, что от меня зависит.

— Широкий спектр обязанностей руководителя службы собак любого ранга. Не ощущается ли дефицит времени при такой нагрузке?

— Если учесть, что приходится вести работу по разведению собак нужных пород, улучшению их врожденных рабочих качеств, подготовке специалистов, дрессировке животных, заботиться о рациональном использовании сил и средств службы собак в караулах и розыскных нарядах, то понятно, как приходится трудно.

Для сравнения: уголовный розыск имеет в пять-шесть раз меньше собак, чем мы, и более чем в пятнадцать раз меньше учебных центров по подготовке специалистов. Однако в Главном управлении уголовного розыска МВД СССР для руководства этой службой предусмотрено отделение из пяти человек. Пятеро — на гораздо меньший объем!

— Вам приходится управляться в одиночку!

— К сожалению. Или возьмем для сравнения пограничный округ (это более-менее сопоставимая с региональным управлением единица). В округе в три раза меньше собак, чем в УВВ, но в штабе вопросами организации службы собак ведают два офицера, у нас — один. Причем задачи усложняются и умножаются год от года. Теперь, например, нам нужно готовить специалистов с собаками для поиска и спасения пострадавших при стихийных бедствиях. А об увеличении штатов — не заикайся.

Словом, люди нужны не только в низовое звено, но и в руководящее.

— Вы упомянули о новых задачах, поставленных перед специалистами войск. В этой связи вопрос: не назрела ли необходимость использовать собак на патрульно-постовой службе? Мы видим, что милиционные наряды практикуют подобное довольно широко!

— И правильно делают. Полагаю, и нам следует брать этот опыт на вооружение. Не двух, а трех зайцев уьем. Во-первых, повысим эффективность, результативность патрульно-постовой службы, во-вторых, усилим психологическое воздействие наших нарядов на правонарушителей и, в-третьих, обеспечим безопасность солдат и сержантов в нынешнее беспокойное время. Военнослужащие станут патрулировать не только освещенные улицы и проспекты, но и темные подворотни и закоулки, где, безусловно, они гораздо нужнее.

— Каковы взаимоотношения службы собак с ветеринарной службой? Мне кажется, ветфельдшеры способны оказать большую помощь в разведении собак нужных пород.

— Я убежден, что деятельность ветеринаров, да простят они меня за прямоту и откровенность, должна быть подчинена в первую очередь интересам службы, а уж во вторую — нуждам подсобного хозяйства, значимость которого я не умаляю, но и не переоцениваю. Это в идеале. На практике же все обстоит иначе: специалист службы собак подчинен начальнику штаба

части, ветеринарный фельдшер в конечном счете — заместителю командира по тылу. Отсюда и все несостыковки.

Считаю, что ветеринарную службу следует замкнуть на службу собак. Другими словами, эта штатная единица должна «работать», скажем так, на главное штатное дело — организацию боевой службы, а не на самостоятельное творчество, которым является подсобное хозяйство. Да и в уставе сказано, что ветеринарный врач обязан «осуществлять ветеринарное обслуживание войсковых животных, а также животных подсобных (прикухонных) хозяйств и продовольственного скота». Сами видите: в первую голову — войсковые животные, то бишь собаки. Вся прочая живность — после слов «а также».

— Ну и последнее, Вячеслав Михайлович. Вам предоставляется возможность через журнал обратиться сразу ко всем своим подчиненным.

— Прежде всего я посоветовал бы им проявлять больше инициативы, изобретательности. И побольше думать. Да-да, не удивляйтесь, именно думать, а не ждать, как манны небесной, руководящих указаний, пребывая в сонной бездеятельности. До абсурда доходит эта «позиционная оборона». На недавних сборах со специалистами один из них, между прочим подполковник, спрашивает озабоченно: если собаки должны находиться на постах свободного окарауливания круглосуточно, то где же им, извините, оправляться? Смех сквозь слезы: из чего проблему делаем? Может, и на этот случай директиву издать с приложением тактико-технических характеристик той лопаты, с помощью которой разрешается вопрос?

Или другая ситуация. Сетуют иные специалисты, ссылаясь на давний приказ, который оговорено, что ежедневно следует выделять 650 граммов соломы каждой собаке для подстилки, мол, где взять солому в песках? Да еще и судачат в кулуарах: вот, дескать, «какие бюрократы в Москве сидят и знать не хотят о том, что в пустыне соломой не разживешься».

А нет чтобы пошевелить мозгами. Ведь собаки боятся не холода — на Севере в снегу ноют, — а сырости и сквозняков. Коли сухо в тех же песках, выходит, и солома не нужна. В тайге же и лапник пихтовый и еловый сгодится, невелика хитрость.

А взять пост свободного окарауливания, о котором уже шла речь в разговоре. Узнаю на днях, что в одной из ИТК — побег через этот пост. Досадую, грешу на собак, и напрасно. Не четверолапые помощники, а их двуногие хозяева недодумали. Сделали пост угловым с обзором на две стороны периметра — надо же такую «рационализацию» придумать? Неужели действительно понадеялись, что собака сядет на угол и будет сутки крутить головой влево-вправо на радость караулу? Вот и получилось, что с одной стороны угла сидел «клохматый часовой», а с другой... осужденный спокойно покинул колонию.

Так что самое важное для специалиста — инициатива, поиск, анализ, расчет и труд. Да и не только для него.

В ЭТОМ ЛИ ГУМАНИЗАЦИЯ?

Не только на свободе, но и в зоне термینی «демократизация» и «гуманизация» — у всех на слуху. Причем используют их подчас далеко не ради демократичных и гуманных интересов, а в спекулятивных целях.

Стоит водворить на совершенно законных основаниях провинившегося в штрафной изолятор — неприятностей не обещаясь: отряд бунтует, отказывается выходить на работу, производственные показатели «горят», администрация в ужасе, готова на любые условия. Ничего не поделаешь — идем навстречу.

Нет, а реально — чем может «отплатить» контролер, если, допустим, осужденный его оскорбил? Рапорт подать начальнику ИТК, и все? А дальше? И кого он этим рапортом испугает? На моей памяти не густо таких случаев, когда бы осужденный понес ответственность за противоправные действия в отношении контролеров.

Вот в этом противлении, как ни печально, многие осужденные и видят смысл гуманизации режима содержания: мол, во что бы то ни стало будем плыть поперек течения, добиваться своего любыми средствами, гнуть свою линию, даже если она и не гнется. До позиционной «войны» дело доходит. Как-то осужденные сговорились, отказались заправлять койки по установленному образцу. Даешь, мол, и здесь демократию: пусть каждый застилает как его душе угодно. Казалось бы, мелочь, а стеной встали — не сдвинешь. Едва-едва большой беды избежали.

Некоторые газетчики из числа наиболее рьяных поборников интересов осужденных обвиняют и администрацию, и «охрану» в том, что они, используя свое правовое прерогатива и поворачивая законы в нужную сторону, «измываются» над несчастными. Так вот, отвечаю: что-то, а законы и инструкции наши подопечные знают прекрасно. Иной раз диву даешься их осведомленности. Знают даже то, кем и когда они подписаны. Так и заявляют в глаза: «Документ Щелоковым и Чурбановым затвержден, а они — наши люди. Подчиняемся».

Или не подчиняются, в зависимости от настроения. Да в этом ли суть гуманизации? Чтобы она с дисциплиной в ладу была, нам права нужны, гарантии защищенности и, если хотите, новые правила взаимоотношений с осужденными в условиях перестройки.

Капитан Г. АФНАСЬЕВ.

КОНТРОЛЕР —

ПРИХОДИТСЯ СЧИТАТЬСЯ

Наконец-то перестройка коснулась жизни осужденных, администрации ИТУ и внутренних войск. Ситуация складывается, прямо скажем, довольно любопытная. С одной стороны, гуманизация дала послабления осужденным. Мы вдруг вспомнили, что у нас есть не только обязанности, но и права, стали требовать человеческого с собой обращения. С другой же, будем самокритичны, обнаглели мы, стали больше грубить с войсковыми нарядами, оставаясь безнаказанными. Работа прапорщиков заметно осложнилась. Годами у них складывалось и крепло убеждение в том, что с осужденными можно обходиться как угодно: своя рука — владыка. Теперь вынуждены перестраиваться. А тут еще у них сокращение штатов — контролеров стало меньше. В таких условиях и вовсе осата-неешь, а они ничего, держатся на высоте. Стали еще вежливее, обходительнее. Не все, конечно, но многие, к примеру прапорщики Блинов, Самохвалов. В этом суть перестройки: закон должны соблюдать все в равной степени.

Осужденный Ю. КАЧКАЛОВ.

РАНЬШЕ И ТЕПЕРЬ

Времена меняются — это факт. Раньше, бывало, дадут задание, хоть кровь из носу, но выполни. Не выполнишь — накажут: либо «ларьком», либо в штрафной посадят. Было б кого, а за что найдется.

Сейчас же вызовут, поговорят по душам, помогут. После такого разговора чем не жизнь? Демократия...

Осужденный Е. ГУСЕВ.

СЛУЖБА — НЕ ПОЗАВИДУЕШЬ

Не знаю, смог бы я выполнять работу контролеров. Вряд ли. Трудно. Попробуй уследи за всем вокруг, да при этом удержи марку человека военного.

Сколько раз обращался по различным вопросам к прапорщикам Юдину, Чугунову и другим, всегда по-доброму и с вниманием помогали.

Нелегко им. Осужденные — они тоже разные бывают. Мне бы очень хотелось, чтобы не только я понимал сложность их работы. Ведь это важно.

Осужденный Ю. ЛОСЕВ.

ИЗВИНИЛСЯ ПЕРЕД... ОСУЖДЕННЫМ

Как-то прапорщик В. Козлов на выходе из столовой ИТК задержал одного осужденного с хлебом: с куском, который тот не доел, оставив на «потом». И хотя сделал это Владимир Тимофеевич не по доброй воле, а по необоснованному распоряжению начальника режимной части, за нарушение установленных правил с него спросили. По всей строгости. И перед осужденным он извинился.

Новости! Когда такое было? Раньше бы кто рассказал мне о подобном казусе, ни за что не поверил бы. А сейчас — пожалуйста. И правильно.

Хотя и сложностей немало. Пусть не ветер пока, а ветерок перемен промчался по ИТУ, но зацепил многие проблемы. Вот требуют гуманизации режима содержания. Хорошо, но ведь обязанности контролера остались прежние и режим тот же.

Случается, кое-кто из молодых контролеров прикрикнет на осужденного, а тот упрется и ни в какую. Вмешаешься, скажешь то же самое, но спокойно, доброжелательно — и порядок. Не зря говорят: доброе слово и кошке приятно. Человеку и подавно.

Но и позволять на шею садиться тоже нельзя. Строгая справедливость, знание дела, — и тогда не бояться и ненавидеть станут, а уважать.

Старший прапорщик И. САМОХИН.

ТОЛЬКО НА ВЫ

Слышал не раз, что в других зонах — беспредел: осужденных притесняют, оскорбляют, даже бьют. Но только слышал об этом, так как в нашей колонии всего этого нет.

Выдержка, культура обращения (только на вы), терпение — все это о наших контролерах, о прапорщиках Терехине, Митиже и их товарищах. Думаю, если бы такие были везде, никто бы из осужденных худого слова об ИТК не сказал.

Осужденный В. ФИШЕРИС.

ОТ РЕДАКЦИИ. Далеко не все мнения авторов (при определенной необычности их состава) писем о гуманизации режима содержания бесспорны, но тем они и интересны. И пусть проблема не нова, от этого она не перестает быть проблемой.

Что включает в себя понятие «гуманизация» применительно к деятельности ИТУ! Какую роль призваны сыграть здесь военнослужащие, в частности контролеры! Вопросов немало. Мы приглашаем к разговору всех, кому не безразличны интересы службы.

ОСУЖДЕННЫЙ: ПИСЬМА ПО ПОВОДУ

РВБ: какой ей быть?

Случается, знакомые офицеры спрашивают полушутливо-полусерьезно: когда же ремонтно-восстановительную базу (РВБ) переведут на хозрасчет? Дескать, и деньги у вас появятся, и возможности расширятся, и... Да мало ли их, преимуществ хозрасчета? Шутки парируем, а о модели хозрасчетной РВБ и сами подумываем: почему бы и нет? Правда, дело это достаточно мудреное (тут не только техническая, но и экономическая подготовка нужна), и не столько завтрашнего дня, сколько перспективного плана. Но ведь есть и другие резервы дальнейшего развития и совершенствования РВБ, реализации которых уже сегодня значительно повысила бы эффективность и качество нашей работы. Что я имею в виду? А вот что.

Напомню: основная задача РВБ — проведение среднего и капитального ремонта технических средств охраны. Соответственно функциональному назначению базы должна была сложиться стройная система, своеобразный конвейер, на котором в идеале каждое изделие своевременно проходило бы плановый ремонт. Но это в идеале. Жизнь властно вносит свои коррективы, постоянно напоминая об обстоятельствах, не позволяющих теории и практике шагать в ногу.

Во-первых, с момента исключения изделия из эксплуатации для направления его на базовый ремонт и до ввода его в строй после ремонта проходит в среднем три месяца. А это немало. Во-вторых, в ремонт войсковая часть в состоянии отправить лишь столько изделий, сколько позволяет ее резерв. А он невелик.

И, наконец, в-третьих: существующий штат техников РВБ, непосредственно участвующих в ремонте, ниже требуемого, что подтверждают простейшие расчеты. И это при том, что ежегодно почти две трети техников в течение полутора месяцев участвуют в проведении регламентных работ по планам переходных периодов. Добавлю, что и агрегатный способ ремонта при малом объеме поставок готовых плат существенного выигрыша не дает. А автоматизации процесс ремонта тоже пока не поддается. Где же выход?

Разумным представляется широкое привлечение к производству плановых ремонтов подвижных войсковых мастерских (ПВМ) частей. Это не только «разгрузит» базы, но и повысит качество эксплуатации технических средств охраны. И прежде всего потому, что появится возможность осуществлять регулярный ремонт строго в установленные сроки, прямо на местах эксплуатации, ибо отпадает необходимость в транспортировке ТСО на базу. Ведь только на дорогу уходит около месяца в квартал, так как дорога — это не только рельсы и асфальт, но и различные бюрократические инстанции.

Еще один плюс — совершенствование практических навыков техников и мастеров ИТО подразделений, обучение их грамотному проведению текущего ремонта при сложных неисправностях.

Организовать средний и капитальный ремонт многих изделий в условиях подвижных войсковых мастерских — задача не столь уж сложная. Ее выполнение не потребует каких-либо узкоспециальных знаний, дефи-

цитных приборов и оборудования. И штат ПВМ вполне позволяет произвести солидный объем работ, что доказывают опять же расчеты. Если принять действительный фонд рабочего времени (ДФРВ) одного военнослужащего ПВМ за 1240 человеко-часов в год (что соответствует ДФРВ одного техника РВБ), то четверо военнослужащих в течение года смогут произвести ремонт общей трудоемкостью 4960 человеко-часов. А этого достаточно для капитального ремонта, к примеру, 90 комплектов изделий «Пион-Т».

Не стоит опасаться того, что ПВМ постоянно будет занята якобы только ремонтом. Практически нереальна такая ситуация, когда столь большое число технических средств сразу требует капитального ремонта.

Понятно, что РВБ не останется в стороне. Ей будет принадлежать основная роль в насыщении ПВМ контрольно-измерительными стендами, технологической оснасткой и инструкциями, снабжении электрорадиоэлементами, ЗИПом, а также в подготовке специалистов ИТО. Коренной вопрос — с чего начать (то есть с какой части)? — решается, исходя из местных условий. Ясно одно: создание такой системы проведения планового ремонта позволит в полную силу работать всем ремонтным органам.

Предвижу и другой вопрос: когда и какими силами РВБ изготовит все необходимое для обеспечения ПВМ? На мой взгляд, есть несколько путей решения этой проблемы. И наиболее радикальный — создание отдельной группы (участка)

за счет техников, «снятых» с плана. А что? Любое новое дело требует определенных затрат, тем более, что они оправданы. Конечно, не стоит сразу же освобождать всю группу. На начальной стадии «мозговой центр» из двух-трех человек произведет подготовительные работы, а уж потом постепенно подключатся остальные. Большую помощь в экономии времени на разработку стенов может оказать ЦИТО ВВ МВД СССР, имеющий необходимую конструкторскую документацию.

В пользу приведенных аргументов свидетельствует и следующее обстоятельство: участок регламентных работ (кстати, название это не очень соответствует его повседневной деятельности) можно было бы безболезненно реорганизовать, например, в участок по изготовлению нестандартного оборудования. Действительный фонд рабочего времени шести техников такого участка равнялся бы почти 7,5 тысячи человеко-часов, что позволило бы РВБ кроме ремонта ТСО заниматься изготовлением контрольно-измерительных и испытательных стенов, технологической оснастки для себя и ПВМ частей, простых пробников и приставок, столь необходимых для специалистов ИТО, «стандартного» оборудования в караульных помещениях, комнаты дежурных служб и на КПП, где до сих пор господствует кустарщина; оборудования, облегчающего монтаж и эксплуатацию ТСО (безопасные горелки для пропайки антенных устройств, устройства сращивания жил кабеля и т. д.).

Спрос в войсках на подобные изделия неизменно высок, а их промышленные образцы, очевидно, появятся еще не скоро. РВБ, имея еще относительно развитой парк станочного оборудования и измерительных приборов, квалифицированные кадры и современную элементарную базу, силами этого участка смогла бы в определенной степени удовлетворить эту потребность.

Майор В. МОШАРЕВ,
старший инженер РВБ.

УВВ по Дальнему Востоку и Восточной Сибири.

В КАРАУЛАХ И ВОЙСКОВЫХ НАРЯДАХ

**НАПАДЕНИЕ
В СПЕЦВАГОНЕ**

...Эти двое мало чем отличались от других подследственных. Ехали спокойно, изредка перебрасываясь короткими фразами. Кто знал, что их отрешенность и безразличие — маска, что еще накануне они обговорили замысел нападения на караул в целях побега?! Как им казалось, продумали все до мелочей, мысленно прошли по всей цепочке предстоящих действий: просьба к часовому вывести их в туалет — нападение на охрану, завладение оружием и...

Охраняемых сопроводили к камере. Ефрейтор А. Цыпкин открыл дверь и посторонился, давая возможность рядовому Б. Аметову провести подследственного.

Резкий и сильный удар в лицо злоумышленник нанес Цыпкину неожиданно. В тот же миг его сообщник бросил горсть табака в глаза часовым и, схватив рядового Аметова за куртку, рванул на себя, намереваясь сбить с ног и завладеть пистолетом. Завязалась схватка. Аметов, применив прием, утихомирив налетчика. Второго «привели в чувство» ефрейтор Цыпкин и подоспевший на помощь начальник караула прапорщик В. Дмитренко. Преступники продолжили путь уже в наручниках, в отдельных камерах.

Личный состав караула поощрен старшим начальником.

Подполковник Ю. ДЗЮБА.

УВВ по Украинской ССР и Молдавской ССР.

СЛУЖБА ТАКАЯ

Служба по охране общественного порядка в Тбилиси была действительно боевой. Так, неподалеку от политехнического института большая группа людей вела себя дерзко, не подчинялась справедливым требованиям сотрудников милиции. К хулиганствующим молодчикам с просьбой мирно разойтись обратился офицер В. Васильев. Он не видел, как открылись окна здания института и оттуда в него полетели бутылки с зажигательной смесью и песком. Зато рядовые С. Кравчук и С. Овчинников заметили это вовремя, потому и кинулись на помощь офицеру, прикрыв его щитами.

Этот пример взаимовыручки — не единичный. Сержант А. Елисеев прикрыв щитом от увесистого булыжника лейтенанта И. Попова, а лейтенант В. Шерстобитов — рядового Ю. Осипова. Не растерялся в критическую минуту и рядовой Р. Мандриченко. Увидев, что на рядового А. Юркова, не сбавляя скорости, мчится автомашина, он подскочил и оттолкнул товарища в сторону. Поистине боевая спайка.

В поединок один на один с хулиганом, вооруженным ножом, вышел рядовой Д. Новичек и одержал верх.

Какие бы испытания ни подстерегали солдат правопорядка на патрульных маршрутах, они оставались на высоте положения. Водители автобусов, саботируя, отказались перевозить военнослужащих. Тогда за руль сели сержант С. Шавкунов, рядовые С. Мордачев и А. Юрков. Полтора суток не вылезали из кабин, но с задачей справились успешно. Служба такая...

Капитан В. ФЕДОРОВ.

ДУМЫ ПОЛКОВОДЦА

Владимир
МИХАНОВСКИЙ

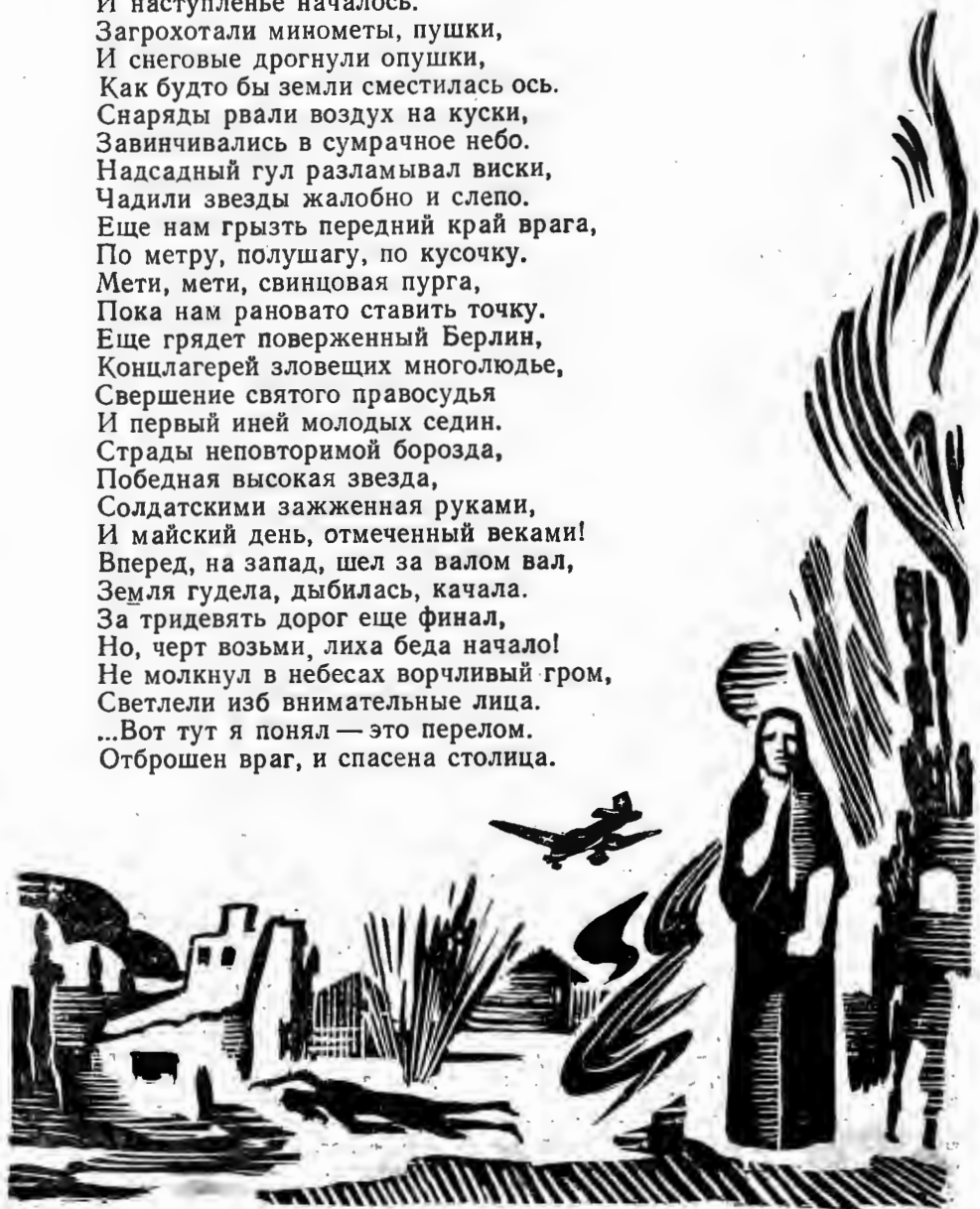
ИЗ ПОЭМЫ «МАРШАЛ ЖУКОВ»

Как смысл твой обозначить верным словом,
Великая народная война?
Ты горечи немислимой полна,
И смертью смрадной, и огнем багровым.
Единый вектор сотен тысяч волей,
Разбуженная недругом стихия...
Там, за окном, — не спит моя Россия,
Болит моя недремлющая боль.
Я чувю, как Отчизны сердце бьется,
И в том, наверно, вера полководца.
Отец для сына ищет средь путей
Едиственный, чтоб верным был в основе.
А у меня миллионы сыновей,
Чья жизнь и смерть — в моем едином слове!
Ответственность нелегкую свою
Я понимаю и готовлюсь к бою.
Наедине с Отчизной и судьбою
Над картой испещренною стою.
Час ночи... Вдруг привиделась Медынь,
Кленовых листьев медное круженье,
Осеннего светила наваждение,
Бредущая по улицам полынью.
Враг только что закончил артналет,
А перед этим «юнкеры» бомбили...
Глядел вокруг я, гнев сдержать не в силе:
Когда такая рана заживет?
Живых не видно, но из глубины,
Где высятся обугленные печи,
Старуха, как сама печаль войны,
Шагнула отрешенно мне навстречу.
— Поможешь мне найти внучат моих? —
Очнувшись, еле слышно прошептала.
— Их сколько?
— Две надежды молодых, —
Она сказала и запричитала:
— Я по воду пошла позавчера,
А внук и внучка дома оставались,

576
597

Колодец — вот он, посреди двора,
 И времени ушло на это малость.
 Вдруг слышу — самолет над головой,
 Прерывистый, с души воротит, вой.
 Спустился он и полоснул огнем.
 Упала. И не помню, что потом...
 — А где твой дом? — старуху я спросил.
 Она вздохнула из последних сил:
 — Да вот он, дом!
 Руины предо мной
 Еще курились дымкою седой.
 Не медли, время... Скоро три часа.
 Доносятся снаружи голоса.
 Я вышел. Воздух холоден и мглист.
 Бомбить Москву мою летел фашист...
 — Пора!..
 И наступленье началось.
 Загрохотали минометы, пушки,
 И снеговые дрогнули опушки,
 Как будто бы земли сместилась ось.
 Снаряды рвали воздух на куски,
 Завинчивались в сумрачное небо.
 Надсадный гул разламывал виски,
 Чадили звезды жалобно и слепо.
 Еще нам грызть передний край врага,
 По метру, полушагу, по кусочку.
 Мети, мети, свинцовая пурга,
 Пока нам рановато ставить точку.
 Еще грядет поверженный Берлин,
 Концлагерей зловещих многолюдье,
 Свершение святого правосудья
 И первый иней молодых седин.
 Страды неповторимой борозда,
 Победная высокая звезда,
 Солдатскими зажженная руками,
 И майский день, отмеченный веками!
 Вперед, на запад, шел за валом вал,
 Земля гудела, дыбилась, качала.
 За тридцать дорог еще финал,
 Но, черт возьми, лиха беда начало!
 Не молкнул в небесах ворчливый гром,
 Светлели изб внимательные лица.
 ...Вот тут я понял — это перелом.
 Отброшен враг, и спасена столица.

**ЗНАКОМЬТЕСЬ:
ПОЛКОВНИК ВНУТРЕННЕЙ СЛУЖБЫ
ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ ТАРАН**

НАЧАЛЬНИК КОЛОНИИ

— Владимир Александрович, вчера к нам в колонию американцы приезжали! Какие американцы? Самые настоящие, из Штатов, журналисты. Разрешение они получили в ГУИДе, сам начальник подписал. Так что скоро фотоснимки и материал о нас появятся в журнале «Национальная география».

Такими словами полковник внутренней службы начальник исправительно-трудовой колонии В. Таран был встречен в своей приемной. Его заместитель по режиму и оперативной работе подполковник внутренней службы Б. Гроник, едва успев поздороваться, с понятным оживлением рассказывал о непривычных визитерах: обошли жилую и производственную зоны, побывали в столовой, общеобразовательной школе, спальных помещениях, фотографировали уклад жизни осужденных, брали у них интервью. «Даже наколки снимали», — уточнил Гроник.

Выслушав Бориса Леонтьевича до конца, Таран спокойно заметил: «В этом месяце обещают прислать к нам итальянцев и французов. Надо привыкать к таким гостям, не суетиться — нам есть что показать».

Вторая же новость, кажется, больше взволновала его: едва привезли в подсобное хозяйство племенного бычка, как он околел.

— По чьей вине? — последовал сухой вопрос Тарана.

— Виноваты поставщики. Ветеринарная комиссия подтвердила это после вскрытия бычка. А еще...

— Достаточно, Борис Леонтьевич, — не повышая голоса, остановил его Таран. — Вы видите, — он показал на свой модный гражданский костюм, — я в отпуске. И если бы не журналист, — здесь последовал кивок в мою сторону, — то на работу не приехал бы... В общем, считайте, что меня здесь нет.

Каюсь, отнял я у Владимира Александровича один из его отпускных дней. Не могу сказать, с легким ли сердцем он прервал свой отпуск — его подчеркнутая тактичность в разговорах с людьми не

выдавала его чувств, зато сам впишу тот день в число наиболее удачных. О Таране мало сказать, что он интересный человек — это человек особой закваски, с твердыми принципами, от которых никогда не отступает. В этом я убедился, знакомясь с «хозяйством» полковника, его подчиненными, офицерами воинского подразделения, охраняющего объекты колонии. И сейчас, по возвращении в редакцию, очень легко вспоминается его неторопливая, с мягкой украинской интонацией речь, вспоминаются его чуть усталые, светлые глаза, в которых нет-нет да всплескивались чертенята — особенно когда разговор касался щекотливых, не совсем привычных для печати тем.

Разумеется, в наших беседах слово «принцип» специально не отыскивалось — они, принципы, будто сами собой выстроились из уст Владимира Александровича. И перескажу я их его же словами, так, как мне послышалось и запомнилось.

УВАЖАЙ И ЦЕНИ ПОДЧИНЕННОГО. В сороковом году меня призвали в танковые войска. В поселке Золочев, что подо Львовом, учился в школе младших командиров. До сих пор помню, как офицеры наставляли нас: команды подавай громко, а с бойцом разговаривай спокойно. Непросто такая наука прививалась, зато великую пользу мне принесла. Не хочу говорить о войне, много я тогда насмотрелся — и когда отступал от Львова до Сталинграда, и когда наступал от Волги до Берлина. Войну закончил командиром взвода, младшим лейтенантом. Все, думаю, хватит людьми командовать — уж больно трудное это дело, да старшие товарищи по-иному посчитали, ты, говорят, коммунист, вот и переводись в органы НКВД. Около 10 лет работал старшим оперуполномоченным, а с пятьдесят шестого — начальником колонии. Здесь, в последней моей ИТК, я уже семнадцать лет.

Людей разных перевидал. К каждому нужен свой подход. Однако ни у плохого, ни

547
548

у хорошего работника стараюсь не подавлять инициативу. А если будешь опекать человека, тем более говорить с ним начальствующим тоном, — жди от него работы из-под палки. Давая свободу действий подчиненному, не забывай спрашивать его за окончательный результат.

Я, наверное, не потянул бы свое хозяйство, если бы не дельные помощники. Дело человеком славится — будь оно большое или маленькое, незаметное. За примером далеко не пойдут. Майор внутренней службы Груничев служил заместителем начальника следственного изолятора по хозяйству. Проводили Сергея Кузьмича на пенсию и забыли о нем. Как же так! Он фронтвик — значит, бескорыстен и честен. Он опытный хозяйственник — значит, профессионал в своем деле. Пригласили его к себе возглавить подсобное хозяйство и не ошиблись. Если прежде эти вопросы отнимали у меня около двадцати процентов рабочего времени, то после прихода Груничева — раза в два меньше.

Вот сейчас вы познакомились с моим заместителем Гроником. Много лет к нему присматриваюсь — он начинал с низов. Нынче считаю, что он готов к должности начальника учреждения.

НЕ УСТАВАЙ БОРЬТСЯ С ИЖДИВЕНЧЕСТВОМ. Есть, однако, у нас и такие, которые привыкли, чтобы блага им подносили на блюдечке. Скажем, с ворчаньем ждут, когда решится продовольственная проблема. А чего ждать, если у тебя есть руки и голова? Таких можно убедить только примером. И мы убедили: лет десять колония не берет у государства мясо — им обеспечивает наше подсобное хозяйство. В нем тысяча двести свиней, коровы, бычки. Где берем корма? Да, с ними в Сибири плохо. Но мы нашли выход — заключили договор с областным хлебоприемным пунктом на ремонт их мешков. В сутки ремонтируем двадцать — тридцать тысяч. А предварительно сжатым воздухом, на циклонах, выбираем из порожних мешков остатки муки. Так, по граммам, собираем нужное количество кормов. И разве плохо, что обеспечиваем солдат свежим мясом, от пяти до восьми килограммов ежемесячно можем продать по госцене каждому нашему сотруднику? Конечно, не плохо!

Или взять жилье. Если ждать, пока вручат ключи от новых квартир райисполком, УИД или подрядная организация, люди от тебя разбегутся. Вот мы и не ждем, сами осваиваем свои средства. Сейчас все офицеры и прапорщики батальона обеспечены или квартирами, или семейными общежитиями. Не забываем, разумеется, и своих сотрудников. Не случайно у нас практически нет текучести кадров. Подчеркиваю: «практически», потому что лентяям и иждивенцам у нас не прижиться.

В последнее время присматриваюсь к кооператорам. Если подыщем солидных партнеров, заключим с ними договор на строительство жилья. А почему бы не заключить — накопления нельзя держать мертвым грузом, деньги вводят оборот.

УЧИСЬ БЫТЬ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕМ. Основной наш плановый объем работ приходится на строительство — тут и городская ТЭЦ, и валяльная фабрика, и городские овощные склады, и расширение деревообрабатывающего комбината, выпускающего продукцию для села, и многое другое. Но план — это тот же госзаказ, а мы хотим иметь дополнительные средства, чтобы оперативно ими распоряжаться. Потому-то колония организовала ремонт автомашин всех марок. Берем заказы от госучреждений и от частных лиц. В год восстанавливаем около трехсот шестидесяти автомобилей.

Создали плотницко-столярную бригаду. Она занимается благоустройством детских площадок города. Разные домики-избушки, деревянные фигуры зверей — все это дело рук осужденных.

Иногда, когда не хватает своей рабочей силы, обращаемся за помощью к командованию батальона. Нынешним летом солдаты помогли нам отремонтировать ограждение вокруг колонии. На заработанные ими деньги мы купили для них цветной телевизор.

Хм! Ей-богу, смешно и грустно, когда кто-то, тем более из молодых сотрудников, спрашивает меня: «А это по-партийному — все в конце концов сводить к деньгам?» Отвечаю таким: «Суть не в деньгах, а в том, что хочу побольше иметь их для вашего же жилья, для ваших же детишек...» Жаль, что не все понимают, не исключая областного руководства, что прибыль — не для плана. План мы всегда перевыполняем. Суть в том, что дополнительные средства мы пускаем на квартиры, на удовлетворение сотрудников самым необходимым. Ведь чем больше мы имеем прибыли, тем лучше жить людям. Это и есть политика партии.

ОТНОСИСЬ К СОЛДАТУ ПО-ОТЕЧЕСКИ.

Сам я солдат с сорокового года. Потому смотрю на молодых ребят и будто себя вижу — нерасторопного, застенчивого, с наивно-идеализированным кругозором. Ну как я могу спокойно спать, если солдат будет в чем-то ущемлен — пище ли, бытовых ли условиях? Мне не жалко денег, истраченных на новую казарму, баню-сауну, военоторговский магазин, столовую. Знаю, что на добрые дела солдат ответит честной службой — не затянет развод осужденных на работы, не допустит побег.

Не забываем и предостерегать личный состав от опрометчивых шагов. Когда в батальон поступает молодое пополнение, кто-то из руководителей колонии встречается с ним. Рассказываем о своих делах, на примере конкретных личных дел осужденных убеждаем: преступники, содержащиеся на строгом режиме, имеют за собой несколько судимостей (подчас до пятнадцати), и с ними надо ухо держать востро.

Приходим в батальон в праздничные дни, поздравляем воинов, поощряем лучших. Короче, стараемся не только облегчить воинскую службу, но и свой вклад внести в то, чтобы солдат вернулся домой честным, трудолюбивым, воспитанным. Такие

же качества прививаем прапорщикам-контролерам. Да и как депутат районного Совета я держу перед воинами отчет.

И еще одна деталь. Редко сейчас фронтовики надевают свои награды — застойные годы девальвировали многие нравственные ценности. И кому как не молодым солдатам надо напоминать, что их деды воевали! Воевали на совесть. Вот и в День Победы я не стыжусь появиться среди воинов со своими тремя боевыми орденами, медалями.

КАДРЫ — НЕ САНИ, ГОТОВЬ ИХ ПОСТОЯННО. Частенько меня спрашивают, почему плохо срабатывает исправительная система? Причин тому несколько. Первая — кадры сотрудников ИТУ, прежде всего низкого состава. Преступный мир быстро приспосабливается к изменениям в обществе, а младший начсостав не только не успевает перестраиваться в работе, но даже отстает от требований дня. Убежден: следует все средние учебные заведения МВД реорганизовать в высшие. Набор в них желательно производить из людей, имеющих практику работы среди осужденных.

Затем надо менять оценочные критерии. Пока же часто работу сотрудника оценивают количеством прочитанных бесед и лекций, исписанных бумаг. Это формальный подход, он уводит от главного — от перевоспитания осужденных, то есть от конечного результата.

Плох тот начальник, который считает: раз укомплектовал штат, значит, решил кадровые вопросы. Это — заблуждение! Кадры надо учить постоянно, они — как сани, что готовятся задолго до зимы. В работе с кадрами нет мелочей. Взять хотя бы личный пример руководителя. Я, понятно, не заставляю сотрудников перерабатывать по времени. Но когда они видят, что я ежедневно приступаю к делам в восемь сорок пять, заканчиваю после восьми вечера и работаю по субботам, то поневоле задумаются, прежде чем уйти домой: а все ли я сделал сегодня?

Предостерегу вас: не посчитайте, что кроме работы я ничего не вижу. Конечно, с внуком мне уже не поиграть — он учится в институте. А вот что касается Иркутского драмтеатра, то на все его новые спектакли хожу, есть у меня и любимые актеры, и любимые вещи. Успеваю посмотреть и гастролирующие коллективы, как, например, сейчас — приехавший Омский драмтеатр.

ПРОБУЖДАТЬ В ПРЕСТУПНИКЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ. Происходит что-то вроде парадокса: чем больше приобретаешь опыта, тем сложнее работать с осужденными. Но парадокса здесь, увы, нет: сейчас в колониях собрались, можно сказать, «сливки» преступного мира, поскольку остальная часть была амнистирована. Помимо этого возросла образованность осужденных с одновременным дальнейшим падением нравов. Нам скоро в пору хоть школу и ПТУ закрывать: редкий осужденный не имеет среднего или средне-профессионального образования, причем многие получили его в колониях.

Где же, спрашивается, выход? Надо искать и внедрять новые формы работы, которые пробуждали бы в преступнике человеческое. Ведь он не родился преступником, у него есть родственники, семья, о которых он не забывает.

Я уверен, что ограничения в переписке и свиданиях пора отменить — они ужесточают человека, ущемляют его и без того небольшие права. Да и семья начинает забывать отца. В итоге у осужденного усиливается безразличие к жизни, ему все равно, чем заниматься в колонии — работать в полную силу или делать вид, что работаешь.

Выделили мы эту проблему в ключевую и приступили к ее решению. Построили рядом с ИТК благоустроенную гостиницу для родственников осужденных (собирается подчас до сотни человек). Мы рассказываем об условиях отбывания наказания, правах и обязанностях осужденных. Затем проводим родственников в жилую зону, показываем, где спать, проводят свободное время, учатся преступившие закон. Предлагаем также снять пробу пищи, чтобы люди убедились: здесь нет никакой показухи, продукты у нас доброкачественные, свежие. Ведем в ларек, где ассортимент не хуже, чем в городском магазине, и где можно ежемесячно делать покупки до двадцати пяти рублей. Замечу, что после этого какой-нибудь детина постесняется написать старушке матери слезливое письмо с просьбой оказать ему, «бедствующему», помощь.

После осужденные рассаживаются вместе со своими близкими в клубе и смотрят небольшой концерт художественной самодеятельности. Трудно смотреть в такие минуты на растроганных, плачущих людей.

В заключение встречи мы рассказываем, кто из осужденных как трудится, как ведет себя. И вот — прощание на плачу.

Не один осужденный после такой встречи станет чаще вспоминать семью, задумываться о своей судьбе.

ТРУД НЕЛЬЗЯ ОТДЕЛИТЬ ОТ ВОСПИТАНИЯ. Это аксиома. Однако почему-то время от времени ее пытаются переиначить. Разве у нас еще мало приказов и инструкций, где эта гармония раздирается по пунктам, определяется, какая ее часть верховенствует? В результате политработники и производственники разделяются на два ведомства: с одних спрашивают за перевоспитание, со вторых — за выполнение плана. В нашей колонии мы всячески стараемся не проводить подобного деления, за оба показателя, равно как и за поддержание режима, спрашиваем со всех сотрудников в одинаковой степени. Нельзя же в конце концов предавать забвению педагогические принципы А. С. Макаренко — он не проводил грани между трудом и воспитанием.

Полагаю, как раз в силу того, что мы стараемся воспитывать осужденных через хорошо организованный труд, наше учреждение около трех пятилеток удерживает переходящее Красное знамя Иркутского УИИ. Хотя год от года побеждать в соревновании становится труднее.

НЕ МИРИСЬ СО ЗЛОМ. Всю жизнь участвую в воспитании осужденных. Как ни горько признать, наша исправительная политика часто дает сбой, пробуксовывает. И больше всего тревожат рецидивы преступности. Ведь даже те люди, кто впервые отбывают наказание, поневоле сталкиваются если не с «академией», то по крайней мере со «школой» преступности. И не всякий находит в себе силу воли отречься от их уроков. Почему же живучи воровские традиции? Прежде всего потому, что их оберегают воры в законе — элита преступного мира, доморожденная мафия.

Давно изучаю историю возникновения воров в законе, способы борьбы с ними. В конце пятидесятих годов руководство МВД собрало в Москве людей, имеющих кое-какой опыт такой работы. Среди двух десятков с небольшим человек оказался и я. Дали нам по стопке бумаги и определили несколько дней, чтобы мы изложили свои мысли относительно ликвидации воров в законе. Пытели-корпели мы над бумагой, кое-что, кажется, получилось. Затем каждый в конце совещания выступил со своими записями, стенографистки это зафиксировали.

Вернулся я из Москвы. Через несколько дней приходит циркуляр: предложить вора в законе на собрания заключенных отказаться от своих убеждений, стать «мужиками» и подтвердить это письменно. Тех же, кто не сделает этого шага, направить в такой-то лагерь под Красноярском... Как я и думал, отказались от своих привилегий единицы.

На какое-то время стали забывать о ворах в законе. А они постепенно вновь рассеялись по стране, и о них в застойные годы предпочитали не вспоминать. Зато сейчас мы пожинаем плоды: воры окрепли, по-прежнему в колониях собирают деньги на «общак», пересылают по ИТК свои ксивы («малаяки») — словом, снова крепко встали во главе преступного мира.

Начальники исправительно-трудовых учреждений по-разному относятся к ним. Одни их «игнорируют», то есть не желают их замечать. Вторые опираются на них — точно так, как некоторые ваши командиры на «дедов». Не стоит много говорить о негодности обеих позиций. Понять таких горе-руководителей могу — ведь даже временная изоляция вора в ШИЗО или ПКТ вызывает волнения в колонии, но почувствовать им не хочу. Вор в законе — большое зло, рассадник бед. С ним нельзя мириться ни на один час. В то же время, признаюсь, работать с ворами в законе мне интересно — сталкиваются как бы два профессионала.

Не так давно к нам как раз привезли одного такого — в других колониях администрация его не «замечала». Вызываю его к себе (клички называть не буду, чтобы лишней раз не сыграть на его «авторитет», скажу одно: в Москве он, пожалуй, проходит за второе лицо преступного мира), говорю: «Вам работать запрещают ваши законы, а я как начальник колонии обязан вас трудоустроить. Что будем делать?» Он молчит (кстати, фамилия его Иванов, 1942 года рождения). Я ему напрямую:

«Мне ваши услуги не нужны, а будете режим нарушать — накажу». На том и расстались. Мне показалось, что он не поверил, будто я действительно решаю наказать его. После я убедился: так оно и было.

Однажды мне докладывают: Иванов не вышел на проверку. Я посадил его в ШИЗО на 15 суток. Конечно, наших работников, контролеров проинструктировал, чтобы внимательнее изучали настроения осужденных. Вскоре он снова оказался в ШИЗО, затем в ПКТ — отказывался выходить на работы, не подчинялся сотрудникам. В общей сложности набрал он сто восемьдесят суток ареста. Оформили мы дело, направили в суд. Кое-кто предложил провести судебное заседание в колонии, но я решительно отказался — зачем играть с огнем, и без того мы дали понять и Иванову, и всем осужденным, что не отступим от своего. Вызываю как-то Иванова к себе, он вошел и... попытался дать обратный ход — увидел вооруженный конвой. Но было поздно. Посадили его в спецмашину и отвезли в следственный изолятор. Там состоялся суд, определивший меру наказания — три года тюремного режима.

Я не случайно заостряю внимание на ворах в законе. Пока они есть — а их в Союзе около пятисот, — будут жить преступные традиции — центральный корень рецидивности. Как его отрубить? Только решительно. Иначе с организованной преступностью не покончить, а, напротив, она обретет большую силу. Заметьте: тот же Иванов через своих «шестерок», «торпед» (связников) делился планами отмыть кровь со своих денег через... кооперацию. Мол, даже цветочки, что продаются в столице, должны проходить через наши руки... Не-е-т, медлить нам нельзя. Что бы я предложил в качестве первой меры? Без промедления всех воров в законе, что находятся в местах лишения свободы, собрать в одно учреждение, наглухо изолировать и от остальных осужденных, и от внешнего мира. Понятно, что за ними надо оставить права на переписку, получение передач, свиданий и т. д. Но поставить над всем этим строжайший контроль, направить в учреждение опытных сотрудников... Можно предложить и другие меры, однако, по моему твердому убеждению, нужно сначала изолировать воров в законе в одном месте.

...Нынешней весной мне довелось быть в Москве на всесоюзном совещании — его проводило наше министерство. Сидел в президиуме, смотрел в зал — искал знакомые лица. Грустно на минуту стало: здорово поредели старые кадры. А с трибуны сыпали тревожными цифрами и фактами: преступность растет, молодеет, становится организованнее, срощивается с управленческим аппаратом... Невольно подумалось — справимся ли? И сам себе ответил: справимся. **НАДО ТОЛЬКО ОЧЕНЬ СИЛЬНО ЗАХОТЕТЬ И НЕ ОТСТУПАТЬ ОТ СВОЕЙ ЦЕЛИ.**

Полковник В. УСКОВ.

Тиски дефицита и инфляции

Один из самых острых экономических вопросов сегодня — сложное финансовое положение в стране. Растущая инфляция, стремительное обесценивание рубля, огромный дефицит госбюджета. Об этих проблемах и неотложных мерах по экономической стабилизации размышляет Анатолий ДЕРЯБИН, заведующий сектором института экономики АН СССР, доктор экономических наук, профессор.

В докладе Н. И. Рыжкова на Съезде народных депутатов СССР отмечалось, что доходы населения за три года превысили запланированные на 20 млрд. рублей, причем почти весь прирост пришелся на 1988 год. Только рост зарплаты оказался на 14,5 млрд. рублей выше, чем намечалось.

Народное хозяйство не было готово увеличить производство товаров и услуг, компенсирующее такой взрыв доходов. В результате создалось крайне обостренное положение на потребительском рынке, особенно в 1988-м и начале 1989 года. Это подтолкнуло инфляционные процессы.

Устранение столь надоевшего всем дефицита является условием нормальной работы нового хозяйственного механизма, формирования социалистического рынка. Только при полном удовлетворении спроса могут эффективно действовать экономические рычаги, стимулы и нормативы. При дефиците не может быть реализован принцип социальной справедливости.

В 1986 году неудовлетворенный спрос на товары народного потребления был равен примерно 15 млрд. руб., в 1987-м он увеличился примерно до 34 млрд. руб. Рост неудовлетворенного спроса продолжается и в текущем году. Все большее число товаров переходит в разряд дефицитных. В 1987 году из 880 товарных позиций условия торговли ухудшились по 270. В 1988-м еще десятки товарных позиций перешли в разряд дефицитных. Аналогично положение и с удовлетворением потребностей предприятий, организаций, колхозов и совхозов в средствах производства, подавляющее большинство которых также дефицитно.

В этих условиях объективно, то есть совершенно независимо от нашего желания и даже воли, происходит рост цен, в том числе, конечно, и розничных. По сообщению газеты «Социалистическая индустрия», от рубля 1960 года (в современном масштабе) к 1987 году осталось только 42 коп.

В последние годы, по словам министра финансов СССР, цены растут на 2—4 процента ежегодно.

Академик А. Аганбегян утверждает, что примерно с 1978 года прекратился рост реальных доходов, а у отдельных групп населения началось даже их снижение. Ясно, что в эти группы прежде всего входят те, у кого заработки имеют форму твердо фиксированных окладов с минимальными (до 6 процентов от годовой зарплаты) премиями или вообще без каких-либо дополнительных выплат. Почему-то об этих группах населения редко когда упоминают. Речь все больше ведут о колхозниках да рабочих. Но они-то имеют хотя бы возможность (правда, иногда только теоретическую) лучше поработать и больше заработать. Между тем общая численность тех, кто при любом трудовом напряжении не может рассчитывать на увеличение своих доходов, но чей труд исключительно важен, не так уж и мала. Скорее, даже наоборот: их число достаточно велико. Сюда входят работники здравоохранения, народного образования, культуры и т. д. и, конечно же, военнослужащие — всего никак не менее 10 млн. человек. И все они прямо и непосредственно находятся во все более сжимающихся тисках инфляции и дефицита.

По официальным данным, прожиточный минимум составляет около 75 руб. в месяц на одного человека. Но надо заметить, что этот минимум исчислялся по преysкурантным ценам. Между тем реальная стоимость покупок может достаточно резко отличаться от этих цен по целому ряду причин. Так, в результате усиленного вымывания дешевого ассортимента уже десятилетиями не производится, а следовательно, отсутствуют и в продаже ситцы и сатины по цене в 50—70 коп. за метр. Хлопчатобумажных тканей дешевле 1—1,1 руб. за метр просто нет, хотя, конечно, цены в 30, 40, 50, 70 коп. в преysкурантах имеются.

Не всегда и не везде есть в продаже, например, небезызвестный геркулес и т. п. Поэтому прожиточный минимум несколько выше.

Но даже если брать и этот официальный минимум, то для семьи из четырех человек (два ребенка и неработающая жена; что весьма характерно для семей военнослужащих) нужно иметь денежный доход в 300 руб. А примерно такой доход как раз и имеет младший офицерский состав (от лейтенанта до капитана). Только у старшего офицерского состава он несколько выше.

Все это говорится в той связи, что проблема инфляции, дефицита, рост цен особенно касается тех, у кого доходы не только фиксированные, но и сравнительно небольшие.

Некоторые экономисты полагают, что при наличии неудовлетворенного спроса неизбежно повышение цен. Причем такое, которое не должно сопровождаться компенсациями, во всяком случае компенсациями работающим гражданам. Ведь ясно, что если цены повышены, скажем, на 70 млрд. руб. и в том же размере будут выданы компенсации, то дефицит не исчезнет.

Но соглашаясь с тем, что открытая умеренная инфляция лучше скрытой, которая у нас сейчас есть, нельзя не заметить, что умеренность и управляемость открытой инфляции остаются в высшей степени сомнительными. Нельзя управлять инфляцией, не воздействуя на ее причины.

В Югославии сейчас инфляцию называют «врагом номер один». В последние годы в этой стране гиперинфляция, то есть рост цен, измеряемый двухзначной цифрой, переросла уже в какую-то сверхгиперинфляцию, обозначающую трехзначным числом. Страдают от такой инфляции в первую очередь малообеспеченные слои населения — пенсионеры, студенты, неквалифицированные рабочие и служащие. Но если кто-то теряет, то кто-то и приобретает. В Югославии быстро происходит социальное расслоение. Богатеют «частники».

Можно указать и еще на одно важнейшее обстоятельство. Дело в том, что некомпенсируемое повышение цен реально снижает потребительский спрос, но одновременно увеличивает доходы государства и предприятий. А они, конечно, не будут сидеть на сундуках или сейфах с деньгами. Дополнительные доходы по мере их поступления будут немедленно направляться на финансирование развития производственной либо непроизводственной сферы народного хозяйства. Иными словами, при сокращении потребительского спроса тотчас же возрастает спрос производительный — на машины, материалы и т. п. Но ведь при их создании нужно расходовать живой труд, то есть зарплату. Поэтому через очень непродолжительное время дополнительный доход государства и предприятий, который становится их дополнительным расходом, превращается опять в дополнительный же доход населения через

рост фонда оплаты. Диспропорция, то есть превышение спроса над предложением, восстанавливается. Все идет по новому кругу.

Именно об этом свидетельствует опыт Китая, Венгрии, Польши и Югославии. Так, с 1970 года розничные цены в Китае возросли к 1988 году примерно в 1,5 раза, Венгрии — 2,5, Польше — в 8,5, а в Югославии — в 191 раз. За 1988 год цены в Югославии поднялись еще в 3 раза, а за первый квартал 1989 года — в 5 раз. В конечном счете сейчас они выше цен 1970 года уже без малого в 3 тыс. раз.

Эти цифры мы привели, исходя из того, что у нас пока нет решительно никаких механизмов или хотя бы просто соображений, использование которых могло бы исключить подобное и в нашей стране, если бы встали на путь инфляции, поощряемой повышением цен.

Что же выдвигается взамен того?

Для преодоления дефицита уже сейчас делается много. Так, в 1989—1990 гг. в соответствии с постановлением Совета Министров СССР производство товаров народного потребления увеличится сверх плана пятилетки на 24 млрд. руб. Для этого перепрофилируется на производство товаров народного потребления полностью или частично около 260 промышленных предприятий. Дополнительно будет произведено 78 млн. пар обуви, 180 млн. женских и 30 млн. детских колготок, почти в 1,5 раза возрастает производство боев и т. д. Группе оборонных министерств поручено создать в ближайшие годы мощности на выпуск 2 млн. холодильников. Минчермет СССР намерен создать мощности еще на 1 млн. холодильников.

Принимаются и меры чрезвычайного характера. Сокращаются объемы строительства за счет госбюджета, а стройматериалы направляются на продажу населению. Уменьшаются расходы по содержанию управленческого аппарата и т. д. Все это в сумме, с одной стороны, увеличивает предложение товаров и услуг на несколько десятков млрд. руб., а с другой — сократит расходы государства.

Одновременно с этими неотложными мерами можно и нужно проводить мероприятия более долгосрочного действия.

Во-первых, вести самую решительную борьбу за снижение затрат всех видов. Много говорят об убыточности для государства производства и реализации мяса и мясопродуктов, молочных и иных товаров. Розничные цены не покрывают затрат. Но каковы же эти затраты, чтобы их покрывать более высокими ценами? Ведь потери тех же мясопродуктов огромны. Так, за два с половиной года (1986—1987 и I полугодие 1988 гг.) только на 29 мясокомбинатах и в розничной торговле браковалось от 3 до 58 процентов мясопродуктов. В целом же потери мяса достигают 10 и более процентов. Не меньше, а в ряде случаев значительно больше потери других продуктов: овощей, фруктов, зерна, хлеба и т. д.

«Посоветуйте, Иван Маркович!...»

Во-вторых, — отказаться от экономической «подкормки» убыточных и неэффективных хозяйств. В стране насчитывается 6,5 тыс. колхозов и совхозов, работающих с убытками. У многих хозяйств оплата труда превышает валовой доход. А это означает, что коллективы таких колхозов и совхозов больше потребляют, чем производят. Они, в сущности, являются государственными иждивенцами, которых содержат те, кто лучше работает.

Надо ли держать десятилетиями убыточные хозяйства? Но финансовая и ценовая поддержка их увеличивает дотации и обостряет дефицит. Ведь они практически только потребляют, но ничего не дают обществу. А повышение цен опять легализует положение таких хозяйств.

Все это приводит к выводу о том, что следует сократить доходы тех, кто плохо работает, кто допускает бесхозяйственность и потери, гонит брак и выпускает морально устаревшую продукцию. Для этого нужно, конечно, иметь волю и желание вести борьбу, спорить и доказывать, так как никто без боя не сдаст своих позиций. Но это жизненно необходимо. Только повышая эффективность производства, можно решать проблемы распределения.

Есть ли резервы и возможности для уменьшения затрат уже сейчас, без каких-либо дополнительных капитальных вложений в новую технику, технологию и т. д.? Без сомнения, они есть и в огромных размерах. Так, по расчетам, ликвидация только 2—3 процентов самых отсталых предприятий приведет к сокращению расходов в народном хозяйстве на 10—12 процентов не только без уменьшения объема производства, но даже при его увеличении. Ведь передача от отсталых передовым предприятиям сырья, материалов, энергии, трудовых ресурсов позволит увеличить выпуск продукции. Но не обязательно закрывать предприятия. Иногда их нужно просто передавать в собственность коллективам.

Третье важное направление ликвидации дефицита — всемерное поощрение первоочередного развития производства высокодоходных товаров, которые, как это ни парадоксально, довольно часто относят к числу дефицитных. Так обстоит, например, дело с женскими колготками, продукцией полиграфической промышленности, бытовой радиотехникой и т. д.

Четвертое направление — решительное сокращение расходов государственного бюджета на финансирование различного рода «строек века», экономическая эффективность которых весьма сомнительна, а реальная отдача будет ощутима лишь через 15—25 лет.

В ходе дискуссий, развернувшихся на Съезде народных депутатов СССР, получена хорошая основа для выработки дальнейших шагов по исправлению положения дел в экономике как на данном этапе развития народного хозяйства, так и на перспективу. А это вселяет уверенность в том, что тиски дефицита и инфляции будут разрушены.

Четыре года назад товарищи проводили на заслуженный отдых генерал-лейтенанта И. Ганнусенко. Сорок шесть из прожитых лет отдал ветеран службе во внутренних войсках. Начиная в тревожном тридцать девятом курсантом школы младшего начсостава, закончил — начальником внутренних войск МВД СССР по Украинской ССР и Молдавской ССР.

Проводы на заслуженный отдых — событие не только грустное. С ними приходит время, о котором в запарке ратных будней мечтает каждый военный человек, — скинув груз ответственности, отдохнуть по-настоящему, без вызовов по служебной необходимости в редкие выходные дни, без непрестанных переживаний о деле. Но не привык и, видимо, никогда не привыкнет Иван Маркович к такой беззаботной, для кого-то желанной жизни. Душа требует, сердце зовет быть в гуще событий, принести пользу людям, Родине, родным внутренним войскам. Член совета военно-научного общества при окружном Доме офицеров, он глубоко убежден: сегодня у нас есть немало проблем, от решения которых зависит и положение дел в воинских коллективах. Иван Маркович проявляет завидную активность в военно-патриотческом воспитании молодежи. Всегда с интересом слушают ребята рассказы ветерана о том, как в тяжелое для страны время участвовал он в операции по вывозу из Москвы «золотого запаса», о том, как весной сорок второго конвоировал на восток пленных.

Встречаясь с молодежью, Ганнусенко не устает повторять, что Родина и сейчас нуждается в надежных защитниках. Стать таким — непросто.

Ветерану везде рады — и в школах, и на заводах, и в ПТУ. Но самый желанный гость Ганнусенко в воинских коллективах. Да и гость ли? Редко какая встреча проходит без того, чтобы кто-то из военных не обратился к нему с просьбой: «Посоветуйте, Иван Маркович!..»

Люди знают, у кого просить совета. Житейского, служебного опыта бывшему начальнику войск не занимать. Во время Великой Отечественной войны он — командир взвода снайперов, командир роты, охранявшей плененного фельдмаршала Паулюса. В разные годы командовал полком, военным училищем, был начальником штаба соединения. И это далеко не все должности, которые прошел Ганнусенко.

...Извечный вопрос, в чем счастье жизни, Иван Маркович для себя решил давно и бесповоротно — в служении Родине. В этом году генерал-лейтенанту в отставке И. М. Ганнусенко семьдесят лет. Наш товарищ бодр, жизнерадостен, полон желаний и дальше трудиться на благо общества. И в семьдесят ветеран остается в строю.

Полковник в отставке Н. ЗАЗУЛИН.

550
551

Атака

*Марш и дорожные знаки...
Ветер упруг и свеж,
Ждал нас рубеж атаки,
Этот заветный рубеж.
Нервы спаялись в накипь,
Крики: «В атаку, вперед!»
Этот рубеж атаки
Сделал из взвода Взвод.
Мы возмущались: враки,
Шли, друг над другом смеясь.
Где он, рубеж атаки —
Мишустые кочки да грязь?
Крыл, как и все, буераки —
Было мне невдомек:
Этот рубеж атаки
В сердце моем пролег.*

Фото В. СЛАВЯНОВА.

«ДЕДОВЩИНА»... Неуставные взаимоотношения... Нездоровый нравственный климат в коллективе... Ворвавшись на волнах гласности в наш повседневный обиход, на страницы печати, в эфир, эти словесные клише заронили в души тревогу, страх у юношей перед военным строем, падение привлекательности и престижа армии.

Теоретики и практики военного дела, философы и психологи, журналисты и мастера искусств ищут и вне армейской среды, и внутри ее корни уродливых явлений, пытаются изобрести спасительные средства лечения и избавления от них.

Ни на какую оригинальную рецептуру претендовать я, разумеется, не рискую. Оставляя в стороне (вовсе не из-за малозначимости!) объективные и субъективные обстоятельства, порожденные инерцией застоя, господством командно-административной системы, сопровождавшиеся перерождением части кадров, разлагающей души коррупцией, скепсисом, цинизмом и апатией, хочу поговорить о том, что во власти сегодняшних офицеров. Опираясь на собственный служебный опыт, педагогическую практику, упорно продолжаю провозглашать те постулаты, которые всегда считал незыблемыми, и когда работал в роте заместителем политрука, а потом в комсомоле, и когда возглавлял политорганы полка и дивизии, и когда, будучи одним из руководителей Политуправления войск, в командировках облезил самые дальние гарнизоны: решающим и непременным условием крепости и здоровья солдатского коллектива является близость офицера к личному составу, его любовь к людям.

Никаких Америк я не открываю. Да и едва ли найдется человек, который бы с этим спорил, сам не произносил многократные к тому призывы. Только вот в реальной жизни все, увы, не так удачно.

Да, до настоящей, искренней, непоказной близости, смею утверждать, далеко не единицам и не десяткам вечно критикуемых командиров и политработников. Больше того, по моим наблюдениям, дистанция между ними и подчиненными, как ни прискорбно, отнюдь не сокращается. Многие сегодняшние выпускники высших военных училищ, приступая к командованию взводами, политработе в ротах, не только не становятся к солдатам и сержантам ближе, чем их предшественники, скажем, лет 20—25 назад, а, напротив, все больше отдаляются, обособляются, сторонятся подчиненных, словно бы боятся их. Хотя на поверхностный взгляд это подчас и не столь заметно.

...Беседую не так давно с командиром роты, где стряслась беда. Налицо архиникудышное знание подчиненных, невнимание к их внутреннему миру, пренебрежение элементарными нуждами. Офицер же клянется, что он все силы отдает, ничего для дела не жалеет: «Дома почти не ночую, койка стоит в канцелярии, тут часто и сплю...» Таким вот неотразимым аргументом пытается он парировать упреки. Что ж, можно, наверное, и 24 часа в сутки быть в казарме, сидеть и даже спать в канцелярии и притом ничего не знать о происходящем за ее дверью. А можно спокойно отдыхать дома, с семьей, и жить одной жизнью с солдатами — так думал и внушал офицеру я. И в этой связи вспомнилась история с рядовым Клеткиным. По времени она хоть и давняя, но больно уж поучительная.

БЫЛО ЭТО в одном из наших лесных гарнизонов. Ротой командовал капитан А. Юркин. Дела в ней шли хуже некуда. Не успевала одна комиссия миновать шлагбаум, как следовала другая. Изрядно издерганный неудачами и бесконечными проверками, многократно наказанный-перенаказанный, забывший о выходных и семье, командир бился словно рыба об лед, а признаков улучшения — никаких.

Возглавляя очередную группу, прибывшую в часть уже из Москвы, не удержался и я, наведаясь к Юркину. И сразу же спросил офицера, чем бы могли быть мы ему полезными: ворошить все сызнова просто ни к чему.

— Помогите осудить рядового Клеткина, — буквально взмолился он. — Не к первому к вам обращаюсь. Прокурор опять заволокнул дело.

Одна-единственная просьба эта прозвучала даже для меня, выдавшего вида, несколько обескураживающе. Готов был услышать о желании перевестись по службе в другой регион, о бытовых неурядицах, об отвратительной торговле в поселке, о чем-то еще, а тут...

— Чем же так досадил вам солдат? В чем проштрафился?

— Никакой управы на него нет. Не повинуется демонстративно, ведет себя нахально, грозит расправиться с сержантами и старшиной... Наконец, отказался от несения службы...

Перечень провинностей и тяжких проступлений Клеткина показался чуточку подозрительным: не многовато ли у одного-то, не наговаривает ли командир? Позднее я убедился, что офицер был недалеко от истины, а некоторые преувеличения относились к эмоциональной окраске проступков: солдат ему воистину насолил.

— Ну и что же вы делали с Клеткиным до сих пор?

Капитан залпом, как затверженный урок, перечислил все примененные средства воздействия, среди которых и бесчисленное количество индивидуальных бесед, и собрания личного состава. «Гауптвахта для него дом родной. Дважды проводилось дознание».

Что ж, думал, слушая Юркина, может, он и прав. Случается, что и один человек даже в хорошем коллективе не поддается влиянию, гнет свое. Здесь же, насколько мне было известно, нарушителям дисциплины жилось вольготно.

Встреча с Клеткиным состоялась на следующий день. В дерзком взгляде солдата я прочел открытый вызов: ну вот еще один начальник удостоил своим вниманием. И в тон ему задал вопрос:

— Часто с вами, видимо, беседуют офицеры?

— Да уж, как говорится, не обижают, — сыронизировал он и посмотрел на меня отчужденно и насмешливо. Затем добавил: — Вы тоже, надеюсь, не побрезгуете лично доставить меня на «губу»?

На мое недоумение Клеткин не без самодовольства и бравады ответил, что уже два начальника в больших чинах свою индивидуальную работу с ним завершили именно таким образом: арестовали «на всю катушку» и лично препроводили в ядро части для отбытия наказания. И еще, заметил он, не скупилась пугать трибуналом. «Ну что ж, я к этому давно готов...»

«Благотворные» плоды такого устрашающего воспитания видны были и незрячему. Беседовали мы, уединившись в ленинской комнате, долго. Узнал о его детстве, житье-бытье до призыва, незадачливой службе в трех уже подразделениях, откуда его без сожаления переводили «на довоспитание» к соседу.

Под конец спросил Клеткина, что он думает о своем теперешнем командире роты. Может, тот в чем-то неправ, требуя дисциплины и послушания? Может, несправедлив?

— Нет, что вы, Анатолий Иванович командир правильный и человек хороший. Земляк мой, курский. Требуется он по уставу, о подчиненных тоже заботится, сам работает дни и ночи, как каторжный. Нет, о нем ничего худого сказать нельзя. Что до меня, так я уж сам, видно, непутевый. Есть, конечно, и неправота: вот наш стар-

шина, он ведь на солдат как на аргаоз смотрит, считает их хуже зеков, орет, оскорбляет.

Услышать из уст Клеткина разумный, благожелательный отзыв о своем командире было приятно. Стоял за его словами, хотя и изрядно испорченный, но неглупый солдат. И я не мог не посмотреть на него с уважением. Им-то Клеткин явно не был избалован. Подумалось мне также, что, угоди он в хорошие командирские руки, ну, скажем, к знакомому мне Николаю Михайловичу Гаврилову (о нем речь пойдет дальше), быть бы Клеткину отменным бойцом, вожаком комсомольским или еще кем-то в этом роде. Только на начальников, у которых есть подлинное человеческое чутье, запас терпения и ресурс сердечности, своему равному солдату, увы, не везло. В эту роту Клеткин прибыл с клеймом неисправимого, бесспорного кандидата в подсудимые. По-иному никто и не попытался на него посмотреть: ярлык перевесил.

Многие сегодняшние выпускники военных училищ не только не становятся ближе к солдату, чем их предшественники 20—25 лет назад, а, к сожалению, напротив, все больше отдаляются, сторонятся подчиненных, словно боятся их.

Своими раздумьями о Клеткине в тот же вечер я подробно поделился с офицерами роты. К моим наблюдениям они отнеслись далеко не восторженно, скептически. Тогда я полюбопытствовал, что же им известно об этом солдате, как они сами его представляют. Три офицера — командир роты, его заместитель по политчасти и командир взвода — твердо знали о солдате всего-навсего две вещи: что Клеткин есть Клеткин — раз и что он разгильдяй — два. Ни имени, ни отчества, ни рода занятий до призыва, ни откуда он родом — ровным счетом ничего больше. И были пристыжены, поняв, как нескладно получается: солдат о командире осведомлен куда больше и думает о нем куда лучше.

Присутствовать на беседах Юркина, других офицеров роты с подчиненными мне не пришлось. Можно лишь догадываться, что это была за индивидуальная работа, если у Клеткина после нее остался лишь осадок неприязни и даже, ~~отвращения~~, которые при встрече с ним я не мог не ощутить на себе. Вызов к командиру был для него просто неприятным времяпро-

вождением. У самого же у него за все восемь месяцев службы в данной роте (не сомневаюсь, что не лучше было и в других) ни разу не возникло желания добровольно — по душевному ли зову, служебной ли надобности — постучать в командирскую дверь. «Канцелярия» — холодное, отталкивающее слово, особенно если за ним стоят люди с казенной душой, безразличные к судьбе подчиненных.

Уважить слезную мольбу Юркина мне не захотелось, но и помочь Клеткину уйти от трибунала не удалось: маховик следствия был уже раскручен, солдата вскоре осудили.

Вот тогда-то и пришли на память имя и дела другого офицера — Николая Михайловича Гаврилова. Его и попытался поставить в пример моим вечерним собеседникам.

ЭТО БЫЛ любимец солдат, их кумир, начальник, за которым подчиненные готовы идти, что называется, в огонь и в воду. Они и звали себя гордо и вызывающе — «гавриловцами». А офицер ласково называл своих солдат «ореликами»: «мои орелики».

Впервые мы познакомились с ним на стрельбище, где сдавала проверку его четвертая рота. Приехав туда в разгар дня как председатель комиссии, инспектировавшей часть, удивился тому, что солдаты и сержанты выходят на огневой рубеж, выполняют упражнение, а командир сидит на валуне в тылу и о чем-то безмятежно беседует с теми, кто уже освобожден.

«Канцелярия» — холодное, отталкивающее слово, особенно если за ним стоят люди с казенной душой, безразличные к судьбе подчиненных.

Капитан спокойно, с достоинством разъяснил, что на огневом рубеже ему делать нечего, что это будет только излишне волновать подчиненных. Он и замполит В. Еремеев, отстрелявшись первыми, все остальное вверили командирам взводов и отделений. «В своих людях я не сомневаюсь, отличная оценка будет». Заявление такое показало мне чересчур уж самоуверенным, поскольку накануне лишь на тройку стреляла рота, находящаяся в лучших условиях (ее непосредливый командир суетился, бегал от солдата к солдату и каждому, вдохновляя, даже что-то шептал на ухо). Но результаты дня действительно ока-

зались замечательными: до 90 процентов пятерок! Даже наш «огневик» — инспектирующий поразился, ибо с подобным итогом доселе не встречался.

Круг вопросов политической учебы, воспитательной работы, дисциплины в роте проверял подполковник М. Беглецов, офицер, известный суровой требовательностью и подчас даже чрезмерной дотошностью и неуступчивостью. С восхищением сообщил он, что и самую лучшую роту дивизии имени Ф. Дзержинского, где он долго служил сам, такие показатели могли бы укрывать.

Я решил поближе познакомиться с офицером. Знакомство наше продолжалось пять лет, до самой безвременной кончины Николая Михайловича. Мы переписывались, не раз встречались в его роте, затем в батальоне, развернутом на ее базе, а когда он в Кремле получал орден Красной Звезды, — в Москве.

О замечательном этом человеке и о подразделении, в которое всякого, однажды побывавшего там, властно потянет, мог бы рассказывать до бесконечности. В рамках избранной темы воспроизвожу лишь то, о чем я по контрасту и в назидание поведал в тот осенний вечер Юркину и его сослуживцам.

Гаврилову чаще, чем кому-либо, подбрасывали на до- и перевоспитание «неудобных» солдат. Он хоть, понятно, и без энтузиазма, но честно нес этот крест. Возмущала та легкость, с какой его коллеги сбывали с глаз долой тех, кого скоропалительно аттестовали как неисправимых и неуправляемых: без них, слов нет, жить легче. Принимая очередного такого солдата, знакомясь с ним, Гаврилов избегал напоминаний о былых прегрешениях, словно ничего этого не было и жизнь его в роте начинается с чистого листа. И командирам взводов запрещал напоминать о прошлом солдат. Повторять же всякие «штучки», из-за которых от них избавлялись, «неудобным» в 4-й удавалось редко: не тот климат. Но именно их, этих «гавриков», становившихся «гавриловцами», дольше всех и лучше всех помнил Николай Михайлович, именно от них после увольнения шли ему благодарственные и поздравительные письма и телеграммы, приглашения на свадьбы и крестины — много писем: стопки их лежали на столе и в шкафу, читались то как поэма, то как детектив.

Сам он знал, помнил всех людей, которые у него служили, охотно, с юмором рассказывал о том, как с ними возился, как радовался самой маленькой победе, как не спал ночами при неудачах и срывах.

— Мне удивительно везло на находки и редкости, — вспоминал Николай Михайлович. — Каких только сюрпризов не преподносили некоторые призывы! И наркоманы попадались, и сектант, отказывавшийся брать оружие.

Вот одна из множества известных мне историй, подтверждающая его неистребимую веру в человека, в то доброе, что есть в

каждом, подчас глубоко запрятанное и сокрытое, тлеющее под пеплом мальчишеского озорства, дурных, а то и криминогенных наклонностей. Гаврилов не побоялся взять ответственность за судьбу «трудного», не позволил себе ни малейшей перестраховки, ни грана трусливого укрывательства за какими-то «упреждающими параграфами». Ибо всю сложность воспитания в них уложить невозможно.

...С УЧЕБНОГО пункта в роту прибыл молодой парень. Назовем его Щениковым. Оказался он довольно хитрым и упрямым симулянтом. Поставив цель уволиться любой ценой, Щеников методично, изо дня в день внушал всем окружающим, что он болен, физические нагрузки ему противопоказаны, службу нести он не может. Уклонялся от физзарядки, от строевых занятий, а на классных сидел с кислой миной, морщился и вздыхал, инсценируя страдания. Шли недели, месяцы. Многочисленные медицинские осмотры, обследования и освидетельствования не подтверждали жалоб. Выносились заключения: практически здоров, службу нести может. Щеников меж тем не сдавался, придумывал все новые и новые болячки. Усовестить его тоже не удавалось. Беседовали бесчисленное множество раз — командир, и товарищи, и даже кадровый рабочий с шефствующего комбината. Оставался, казалось, один выход — трибунал. Следовательно прокуратуры, пригласив к себе Щеникова, разъяснил ему, как советские законы карают за уклонение от службы, рекомендовал подумать. Тот твердил: «Если есть такой закон — судить больного и не верить человеку — я готов сесть на скамью подсудимых».

И вот командир полка приказывает провести дознание и материал направить в военную прокуратуру. Гаврилов едет к командиру части: «Товарищ полковник, прошу повременить с дознанием хоть еще немного. Не было при мне, чтобы из четвертой люди шли под суд». При всем уважении к офицеру, командир полка неохотно согласился ждать еще месяц.

Да, Гаврилов был убежден, что Щеников ловчит. Долго ломал он голову над тем, как же поступить: неужели здоровые силы роты спасуют, не одолеют, и только трибунал разрешит проблему?

В первое весеннее солнечное воскресенье в роте проходили состязания на личное первенство и первенство взводов по преодолению полосы препятствий. Открывал их, выстроившись на старте, взвод, в списках которого значился Щеников. Капитан Гаврилов, выслушав доклад о готовности взвода, поздоровался с «орелками», пожелал отличных успехов и указал на торт, что красовался на тумбочке рядом с судейским столиком. То был приз победителю. Веселая шутка командира подняла у людей и без того приподнятое настроение.

В стороне, прислонившись к столбу, на котором был укреплен радиодинамик, стоял Щеников, безучастный к тревогам и волнениям товарищей. Гаврилов бросил на него мимоластный взгляд и продолжил:

— Порядок у нас заведен давно: первым идет командир взвода, за ним — его заместитель, потом командир первого отделения. Ну, а сегодня открою соревнования я, попробую по-стариковски, вне конкурса.

Вооружившись учебным карабином, Гаврилов рванулся к препятствию. Пробегая мимо Щеникова, схватил его за руку, увлек за собой и уже на бегу как-то незаметно сунул в руку солдату карабин, а сам отстал.

О дальнейшем рассказывал сержант, заместитель командира взвода:

— Глазам своим не верим: видим, Щеников бежит, пытается как-то одолеть элементы полосы — нескладно, конечно, неумело, плохо. Еще бы, он и близко к препятствиям не подходил, а не то что тренировался...

И лишь пройдя чуть не всю полосу, солдат, точно очнувшись от гипноза, вдруг повернул обратно и, понурив голову, поплелся к столу. А Гаврилов махнул рукой музыкантам ротного самодеятельного оркестрика, и те сыграли туш. Затем кто-то вслух предложил вручить Щеникову торт. «Правильно!» — воскликнул командир роты, и все зааплодировали.

Разрешиw командиру взвода продолжать соревнования своим чередом, Гаврилов взял под руку Щеникова и удалился с ним в сторону. Тут солдат и объявил о саморазоблачении: «Все, товарищ капитан! Дурака валять больше ни к чему. Сам не пойму, как влип сегодня...»

К концу года, когда я оказался в подразделении, Гаврилов, довольный, улыбающийся, показал Щеникова, стоявшего как раз дневальным:

— Вот он, мой крестничек. Не отличник, понятно, но служит нормально.

...ДАВНО замечено, бездарь и посредственность, завидуя таланту, не прочь принизить его, а то и ошельмовать. Непререкаемый авторитет Гаврилова, чья рота семь лет подряд неизменно была отличной и лучшей в части, подорвать не удалось. И все же, помню, когда я, беседуя с офицерами, в деталях разбирал эту историю, даже инструктор политотдела недвусмысленно выразился о вредном, дескать, «коклетничанье» офицера, его, как он сострил, «демократических играх». Пришлось посетовать, что как же мало у нас подобного рода «коклетничанье», что чаще рубим сплеча да плодим клеткиных.

Большая офицерская семья наша, понятно, неоднородна и разнолика. И, бесспорно, было бы безнадёжно наивным утверждать, что в ней многие под стать Гаврилову, хотя есть и немало по-настоящему талантливых воспитателей. Основной же массе полезно перенять лучшее из опыта таких, как он, хотя, может, и не удастся большинству встать вровень с признанными маяками, и строить иллюзии, упрощать тут незачем: в работе с людьми немало сложностей.

Как-то, уже в гражданских условиях, довелось мне на одном солидном педагогическом симпозиуме слышать этакий го-

рячий призыв к учителям: работать, как Сухомлинский! Казалось бы, правильный, смелый этот «лбовой» клич у меня вызвал сомнение. Ведь для того, чтобы работать, как этот великий педагог современности, мало просто усвоить из лекций и методичек, даже из первоисточников — чудесных книг и статей самого Василия Александровича — истины его педагогической веры, понять взгляды и попытаться подражать ему. Для этого надо быть Сухомлинским — человеком и столь же беззаветно, как он, любить детей, отдавать им сердце. Вот и у Гаврилова можно и нужно многому научиться, не претендуя на полное сходство с ним.

Дело прежде всего в моральном, а не в должностном авторитете командира, поллитрабработника. Причем авторитет этот — не то же самое, что опыт воспитателя. Опыт может быть и невелик.

Представим себе двадцатидвухлетнего лейтенанта, делающего первые самостоятельные шаги на командирском поприще. Житейский багаж его скромнен, знания академичны и затеоретизированы. Возрастно-преимущества перед подчиненными тоже почти нет. Так что же, значит, и не пытаться ему всерьез братья за воспитание людей? Отказаться от самой мысли, что он может предостеречь солдата, сержанта от ошибок, поставить на верный путь? Ждать седина? Ничего подобного! Все зависит от него самого, отзыскательности к себе, от подхода к людям, с самого начала верно избранного тона. Он может ошибаться, но должен, непременно должен искать верное решение, трезво оценивая всякий собственный шаг. Он во что бы то ни стало обязан завоевать у подчиненных то самое абсолютное доверие к себе, о котором писал В. И. Ленин.

Об одном командире взвода мой следующий сюжет.

НА ПЛАЦУ несколько взводов занимались строевой подготовкой. Вот стихли команды, объявлен перерыв. Солдаты и сержанты группируются в разных углах плаца: одни курят, другие затевают возню, третьи о чем-то оживленно разговаривают. Среди всех выделяется большая группа воинов. Тишину, когда слышен лишь голос рассказчика, взрывает дружный да такой заразительный смех, что веселая компания обрастает все новыми людьми. В кругу солдат — старший лейтенант Евгений Шаповалов, командир взвода.

Не стоило бы, пожалуй, специально подчеркивать это (что тут необычного — офицер в минуты отдыха в гуще солдат?), если бы на том же плацу, в то же самое время чуть поодаль не уединились молодые лейтенанты: один из них, сидя на скамейке в одиночестве дымит сигаретой, двое беседуют. У них тоже есть подчиненные, только нет их возле своих командиров, и это сразу бросается в глаза. А вот к Шаповалову люди тянутся, буквально льнут. Отчего? В чем секрет такого магнетизма? В близости, ненарочитой, постоянной близости офицера к солдатам, в его

простоте, доступности. Евгению не приходится прибегать к каким-то особым педагогическим приемам или психологическим поискам — ему достаточно быть самим собой: общительным, душевным, отзывчивым. Кому-то скажем, вроде упомянутого уже политотдельского инструктора, эта доступность тоже покажется подозрительной, граничащей с панибратством. Но разве она чужда требовательности и строгости? Быть самим собой для Шаповалова отнюдь не значит быть добрым дядюшкой. Солдаты знают, что командир не терпит разгильдяйства, от него они слышат не только похвалу. Если надо, он накажет, взыщет, но справедливо, не споряча, взвесив все обстоятельства проступка.

— Командуя взводом, — говорил мне старший лейтенант, — я убедился, что у нынешнего солдата чрезвычайно развито чувство собственного достоинства. Он прекрасно понимает, что такое дисциплина, где начинается строгость, а где несправедливость. Меньше всего нуждается он в дешевой «дипломатии», заигрывании, сюсюканье, больше того, считает это унижительным.

Офицер резонно заметил, что на солдата не надо смотреть свысока, но не годится и подстраиваться к его «росту». Снисклонительность к отступлениям от суровых армейских норм, потакание нехорошим поступкам, ошибкам подчиненных — это ведь тоже своего рода равнодушие к людям. И, наоборот, разумная, основанная на уважении человеческого достоинства требовательность — верный показатель командирской, отеческой заботы.

Да, действительно сюсюканье вредно. А вот теплота, чуткость, внимание в цене. И идут подчиненные к своему командиру со всем, что радует и печалит их, делаясь вещами из дому, от родных и любимых. Сколько же различных житейских историй на памяти командира взвода!

— Отчего у солдата падает вера в своего командира? — спрашивает Шаповалов. И сам же отвечает: — Много разных поводов к тому, но нет хуже, если ты не хозяин своему слову. Иной раз подчиненный с пустячной просьбой к тебе, а ты, пообещав, забыл ее за делами. И веры тебе поубавилось. И еще равнодушие...

РАБОТА с людьми — это нечто такое, что нельзя измерить: отсюда — досюда и ни миллиметра больше. Не раз и не два случалось наблюдать картину: взвод направляется на занятия или возвращается с них, над солдатским строем несется походная песня, а офицер отчужденно шагает по обочине. Идти с солдатами вместе, в голове строя да еще петь с ними он считает то ли неудобным, то ли неприличным. Как будто песней можно унижить офицерское достоинство.

Разумеется, научить любить людей не в состоянии никакий самый высококлассный вуз, никакие мудрые профессора. Чужой опыт — штука, бесспорно, хорошая, но, как говорил упоминавшийся уже В. Сухомлинский, нельзя пересадить куст цветущих

553
559

роз. И тем не менее учить искусству воспитания человека следует лучше, в том числе и в наших училищах. Начинать этот процесс надо бы с абитуриентов. Каждый завтрашний курсант должен четко представлять себе, что впереди его ждут не бумаги в тихих канцеляриях, не механизмы, агрегаты и технические охранные системы, а живые люди, что их воспитание и обучение составляет главное и самое трудное в деятельности любого командира, полнотрабника, специалиста. Конечно, знавал я офицеров, которые ухитрялись от ротного писаря до полковника просидеть за конторским столом в кабинетах разного размера, совсем не вкусив черствого хлеба ответственности за людей. Их миновали беды, боли, ЧП. Но ведь таких «везунчиков» единицы.

Особое место в подготовке профессионалов «человековедения» принадлежит Высшему политическому училищу, к созданию которого я непосредственно причастен. В свое время как председателю государственной экзаменационной комиссии пришлось благословлять несколько его первых выпусков. Принимал экзамены по курсу партийно-политической работы — хотелось убедиться, как молодые политработники мыслят свое призвание, как готовь к нему. Судили-рядили потом об этом на кафедре. Пришел к не очень утешительному выводу, что воспитывать личный состав учили мы все же неважно (не уверен, что и позднее произойдут какие-то радикальные перемены к лучшему), что политическая работа воспринимается курсантами (да и некоторыми преподавателями тоже) как не очень популярный учебный предмет, по которому надо отчитаться за знание форм, методов, приемов политического, воинского, нравственного воспитания воинов. Учим, как проводить политзанятия, различные пропагандистские массовые мероприятия, оформлять наглядную агитацию, обеспечивать идеологически боевую службу, боевую подготовку и т. д. и т. п. И, приходя в роту, молодой политработник смотрит на свою роль сквозь призму этого арсенала, не замечая человека, планируя и осуществляя небогатый ассортимент «дежурных» мероприятий, от которых, по выражению поэта, «от зевоты скулы разворачивает аж». Солдат или сержант для него лишь «объект воздействия», который обязан слушать, записывать, заучивать, отвечать и проч. Да еще объект так называемой индивидуальной работы — на тот обычно случай, когда с ним произойдет что-то неординарное, выходящее, так сказать, за рамки. Потому-то политико-воспитательная работа иногда представляется (пусть простится мне некоторое упрощение, а может, и резкость) бездушной и даже безлюдной, хотя и массовой. И тут я снова вынужден вернуться в ВПУ.

После долгого перерыва оказался я там весной 1988 года. Гостеприимные хозяева помимо всего прочего показали мне фильм об училище — рекламный, красочный, сделанный добротой, профессионально. Когда

в аудитории вспыхнул свет, попросили дать отзыв. И как ни жаль мне было огорчать товарищей, сказал, что у хорошей картины есть, по-моему, один существенный изъян — безлюдность и безличность. «Как? — удивились мои собеседники. — В каждом кадре масса курсантов, офицеров, митинги, парад выпускников, торжественный марш на Дворцовой площади, полевые учения, занятия в классах, спортивные состязания». «Людей-то вроде и много, да человека нет, — упорствовал я. — Ни об одном наставнике-педагоге, ни об одном курсанте, ни об одном питомце, который прекрасно трудится в войсках, — ни слова...»

У нынешнего солдата чрезвычайно развито чувство собственного достоинства. Меньше всего он нуждается в дешевой дипломатии, заигрывании, сюсюканье, считает это унижительным.

Не так ли, толпообразно, учатся видеть мир и будущие политработники? А разве не это, собственно, нацеливает их делать потом и многочисленная армия проверяющих, инспектирующих, изучающих, обобщающих, анализирующих? Склонившись над планами, отчетами, учетами, протоколами и прочими документами, сплошь и рядом взвешивают они, чего не хватает, о чем мало сказали или забыли сказать, включить в повестку дня, в тематику устных выступлений, написать и вывесить на стене. Часто ли перед командиром, политработником в упор ставятся вопросы: близок ли он к подчиненным? Хорошо ли их знает, любит ли людей? Как воспитывает конкретного Иванова, Петрова, Сидорова, и не в связи с чем-то случившимся, а в обычном, будничном порядке, каждый день, постоянно?

Равнодушные к людям, с психологией постороннего, солдафонскими претензиями и старым багажом офицеры — это кадры даже не вчерашнего дня. Для перестройки они балласт. Нужно новое мышление, новые подходы. Когда-то Ф. Энгельс писал: «Если мы хотим чем-то помочь какому-нибудь делу, оно должно сперва стать нашим собственным, эгоистическим делом...» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. — Т. 27. — С. 11—12). Пусть же таким собственным делом станет большая, как у Гаврилова, Шаповалова, забота каждого офицера о людях, внимание к ним, любовь к каждому человеку.

И. БЕЛИКОВ,
генерал-майор в отставке.

Лицо воина, твоего современника... То веселое, даже лукавое — новичка разыграли, то ненадолго печальное — курносая девчонка из соседнего двора обещала писать и не пишет, выдерживает проверочную паузу, то усталое, пыльное, с отблеском надежды в глазах — тридцать верст марша отмахали, осталось застрявшую технику вытащить и — привал. Красивое лицо, лицо твоего современника, воина...

Фото старшего лейтенанта С. ЛЕЦКО.

134
555

ЛЮБОВЬ... ПО ПРЕЙСКУРАНТУ

ЧТО ПИТАЕТ ПРОСТИТУЦИЮ У НАС СЕГОДНЯ

Как-то знакомый политработник рассказывал. Вернулись из увольнения два друга-сержанта, а на них, как говорится, лица нет. Чем-то возмущены, кем-то обижены. Оказалось, познакомились они на танцах с девушками, молодыми, симпатичными, одетыми по последней моде. Танцевали, веселились сержанты, а потом предложили проводить новых знакомых. Те не возражали, даже показались, обрадовались: дома и ужин готов, и вино есть(!), и магнитофончик. А когда подошли к подъезду, одна из подруг, неожиданно посерьезнев, спросила: «А денег-то, служивые, хватит рассчитаться за удовольствие!» Сначала друзья попытались истолковать это как шутку, но девушка шутить не собралась, разъяснив им, что «любовь» сегодня в цене...

Вот такая история: попали незадачливые ухажеры на представительниц «древнейшей» из профессий. Официальные постулаты с 30-х годов убеждали нас, что она «ликвидирована, так как исчезли условия, порождающие и питающие ее». Между тем всем нам было хорошо известно: проституция не перестала существовать в нашем обществе только потому, что так записано в Большой Советской Энциклопедии. Но одно дело — знать, что такое явление существует, другое — столкнуться с ним лицом к лицу, к тому же людям молодым, не умудренным житейским опытом. Как поведут они себя! В большинстве, конечно, среагируют адекватно нашим нравственным установкам, но ведь кто-то получит и моральную травму!

Приведенный выше случай вспомнился при встрече с кандидатом педагогических наук Александром Меликитесяном, который сегодня, пожалуй, единственный в системе Академии педнаук СССР, кто серьезно занимается проблемой проституции, изучает социально-психологические и педагогические условия, питающие ее. Об этом и была наша беседа.

— Александр Сергеевич, давайте начнем с главного: почему все-таки наше социалистическое общество не избежало этого, как мы говорили раньше, «проклятого пережитка капитализма»!

— Если в двух словах, виною всему — общественный темперамент. Само общество порочно. Нам, к сожалению, не удалось избавиться ни от двойной морали, ни от обещаний, за которыми лишь ложь да обман. Это привело к кризису общественного сознания. И выйти из него можно только тогда, когда открыто скажем о всех своих проблемах.

Конечно, есть сегодня люди, для которых существование у нас проституции и официальное признание этого вызвало просто растерянность. Но страсти-то разгорелись по поводу бичевания, искоренения, законокарания жриц любви. К сожалению. А ведь прежде чем кидать камни в несчастных (в подавляющем большинстве с психическими отклонениями) женщин, задумываемся ли мы, что только спрос рождает предложение? Это во-первых. Во-вторых, размышляли ли когда, как назвать торговлю мозгами, совестью, убеждениями, достоинством, честью? А брак по расчету, а предательство впавших в немилость друзей? Если помните, В. И. Ленин оценил поступок Каменева и Зиновьева, предавших интересы партии накануне вооруженного восстания, как политическую проституцию. Правда, в последнее время об этом предпочитают не вспоминать, вознося их на пьедестал...

— Как я понимаю, вы не сторонник бичевания проституции. Но ведь нельзя же спокойно смотреть, как снижается шкала морали, падают нравы...

— Я действительно против сенсационного шума вокруг этого явления. Тем более против обличительных публикаций, смысл которых сводится к одному: торговать своим телом плохо, аморально, но ведь это и так всем ясно. Борьба с проституцией, как и борьба с религией, — бесполез-

НА ТЕМЫ МОРАЛИ

на! Это все равно что бить гвоздь по шляпке: чем больше бьешь, тем глубже входит.

— Что же вы предлагаете!

— Прежде всего заняться историческим анализом явления, исследованием корней и причин, изучением современной структуры общества, ее влияния на психологию людей. Первостепенное значение имеют половое воспитание подростков и прогнозирование стабильности браков.

По проблемам проституции написано огромное количество научных трудов, в том числе и у нас в стране. Правда, все они относятся к 20-м годам. В начале же 30-х, дабы продемонстрировать успехи социализма, было заявлено, что проституции, как и организованной преступности, у нас уже нет. Исследования были свернуты. Сейчас все практически приходится начинать с нуля.

— Исследование, прогнозирование, воспитание — все это, будем надеяться, даст эффект, но в будущем. Что же делать сегодня!

— Действительно, решить проблему можно, лишь углубленно ее изучив, а на это необходимо время. Бороться за нравственность нужно и сегодня, но не такими драконовскими методами, как это делается. Кто у нас борется с проституцией? Милиция, уголовный розыск: отлавливают и облагают штрафами. Вот и все. Это вместо того, чтобы заниматься преступниками. От такой борьбы толку мало. Единственно, кого она устраивает, — это проститутку. Нужна специальная милиция, милиция нравов. И бороться она должна не только с горизонтальной коммерцией, а со всем, что действительно аморально, противоречит нашим понятиям о нравственности (и, разумеется, не имеет уголовных оттенков).

— Мы тут с вами все о борьбе говорили, а один из мудрейших как-то изрек: все действительное разумно. А поскольку, несмотря ни на что, проституция действительно, значит, в чем-то и разумна!

— Конечно, иначе бы мы не называли ее первой из древнейших профессий. Как говорят в народе, к нечистому источнику толкает не только вина, но и беда. Действительно, зачем умным, красивым, удачливым мужчинам платить деньги за то, что при нынешнем состоянии нравов они легко могут получить бесплатно, проявив свои личные качества? Но что же делать робким, невежущим, косноязычным, некрасивым, закомплексованным и к тому же страдающим от одиночества (ибо одинок не тот, кто одинок, а кто страдает от одиночества)? Рассчитывать на женское внимание им трудно. А ведь помимо конституционных прав мужчины и женщины имеют право друг на друга. Кое-кому это право приходится оплачивать, но ведь иначе порой и нельзя.

— Проституция, получается, в какой-то степени является пусть извращенным, но все же видом социальной помощи! Во Франции, например, у проститутки есть свой профсоюз. Его члены активно участвуют в общественной жизни и даже про-

водят забастовки и манифестации. Ведь каждый человек волен выбирать себе образ жизни и в соответствии с этим, разумеется, нести свой крест.

— В последнее время все чаще раздаются призывы не бороться с проституцией, а регламентировать ее. Как дамоклов меч, висит над нами угроза широкого распространения эпидемии СПИДа. Поэтому некоторые считают, что разумнее легализовать подпольные заведения с общедоступными дамами, поставив их под правовой и медицинский контроль. Кстати, некоторые считают, что это помогло бы укреплению брака и семьи, препятствовало распространению сексуальных извращений в молодежной среде. Я лично с этим согласиться не могу.

Жизненность проституции не только в том, что, как вы выразились, она является хоть и извращенным, но видом социальной помощи. Есть и другие грани. Красота женского тела дается природой, как и талант, ни за что, бесплатно. Некоторые обладательницы такого «дара божьего» быстро соображают, что, не работая, можно обеспечить безбедную жизнь горизонтальным промыслом. Другие же просто не могут заявить о себе или проявить свой талант иначе. Так что мы не должны быть категоричны, не должны всем проституткам наклеивать одинаковые ярлыки. Ведь они живые, наши советские люди. А проституция — беда всего нашего общества. Куприн и Толстой, Вуйин и Достоевский, называя проститутку падшими, серьезно размышляли об их судьбах, призывали общество не отвергать, но спастись их. Я полностью согласен с мнением ученых А. Габриани и М. Мануильского, высказанным в журнале «Социологические исследования»: «...Корни проституции... прежде всего в нарушении принципов социальной справедливости, в деформации ценностных ориентаций и потребительских установок некоторых групп населения. Проституция — это следствие расхождения между реальным положением женщин и их притязаниями и возможностями самоутверждения и самореализации...»

— Наверное, если бы были известные пути, по которым вчерашняя благообразная школьница приходит в профессиональную проституцию, можно было бы хотя бы стагнировать ее рост!

— Пути-то известны: алчность, недостаток полового воспитания, психические отклонения. Последнее, пожалуй, доминирует. Еще Ломброзо почти сто лет назад говорил, что нормальный человек не может торговать собой. Даже если причина прихода в профессиональную проституцию другая, ущербность психики все равно неизбежна. Однако в процентном соотношении сделать выводы сложно. Нет данных. Никаких. Отсутствует диагностика. Медицина этим не занимается. Научные исследования единичны. Действительно, пути известны, но сократить рост профессиональной проституции пока никак не удается.

— Есть ли какие данные по социальному положению и возрасту наших профессионалок!

— И здесь точные данные отсутствуют, но, судя по выборочным исследованиям, среди «ночных бабочек» есть студентки и рабочие, домохозяйки и кандидаты наук, представители многих других профессий и социальных групп. Что касается возраста: от 12 лет до... даже сказать трудно (были случаи, когда отдельным жрицам были уже переваливало за шестьдесят). Больше всего тревожит, что проституция сегодня помолодела, и значительно.

— Не этим ли объясняется то, что вы, Александр Сергеевич, старший научный сотрудник научно-исследовательского института физиологии детей и подростков Академии педагогических наук СССР, занимаетесь проблемой проституции?

— Именно. Недавно мы закончили первый этап исследования социально-педагогических аспектов аморального и противоправного поведения несовершеннолетних Ленинского района г. Москвы. Его результаты многих повергли в шоковое состояние. К сожалению, это почти единственная научная работа подобного рода.

— Видимо, соединение в объекте исследования аморального и противоправного поведения не случайно!

— Разумеется. Проституцию, особенно среди несовершеннолетних, просто невозможно отделить от таких проблем, как алкоголизм, наркомания, самоубийства, преступления. Но самое интересное, что ни педагоги, ни родители не представляют себе, чем реально живут их дети. Почти ни один из руководителей школ и ПТУ района не мог припомнить более или менее тревожного факта поведения несовершеннолетних. А ведь еще два года назад коллегия бывшего Министерства просвещения СССР приняла решение, касающееся проблем борьбы с проституцией некоторой части школьников.

— Что же стало объектом исследования? Где и как удалось собрать необходимый материал!

— Помимо 18 школ района, где было проведено специальное анкетирование, мы взяли комиссию по делам несовершеннолетних кожно-венерологический и наркологический диспансеры, РУВД, роно, женскую консультацию, ПТУ, прокуратуру, родильный дом, загс, собирали статистические данные за ряд лет, проводили интервьюирование. Ленинский район столицы выбран был нами не случайно. За год здесь бываю десятки миллионов горожан и приезжих: Лужники, часть арбатских переулков, Красная площадь. На территории района расположены высшие государственные и правительственные органы страны: Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР, ряд других центральных организаций. Район в наибольшей степени связан с выполнением Москвой функций всесоюзного центра науки, высшего образования, культуры, искусства и спорта.

— Наша система образования давно тревожит общество. И каких-либо сдвигов в лучшем, как ни прискорбно, не предвидится. Несмотря на многочисленные эксперименты, проводимые сегодня в школах и ПТУ, педагоги все чаще опускают руки,

ссылаясь на неуправляемость своих подопечных. Если так пойдет и дальше, кто же тогда будет бороться с апатией и разгильдяйством, инфантилизмом и аморальностью в среде наших детей?

— Однажды на ученом совете НИИ общих проблем воспитания АПН СССР я выразил крамольную мысль, что наша педагогика консервативна, потому что нормативна, а жизнь стремительно летит вперед. Наша педагогика напоминает мне того Иванушку-дурачка, который пытается схватить за хвост жар-птицу и постоянно остается с пером в руке. Психологический климат застоя, самым пагубным образом сказался на формировании мировоззрения, а следовательно, и поведения нашей молодежи. В результате этого педагогические проблемы перестали быть чисто педагогическими. Они «породнились» с социальными, идейными, экономическими и прочими. По моему убеждению, решить проблему воспитания достойных граждан нашей страны только педагогическими методами уже нельзя. Но это не означает, что педагогическая наука и общественность должны сложить руки и ждать, пока за дело возьмутся социологи, экономисты, медики или кто-то еще. Педагогические и педагогические практики не имеют права откладывать изучение аморального поведения несовершеннолетних и поиски действенных методов воспитания до «лучших времен». Мы уже стоим перед таким прискорбным фактом, что детские дома в стране заполнены в основном детьми, имеющими живых родителей. А проституцией занимаются сегодня уже даже не девушки, а девочки 12—13 лет.

— И все-таки, видимо, не климат застоя вывел сегодня на панель школьников, ведь лет пять назад многие из них были еще детсадовскими несмышленишками!

— Прежде всего хочу сказать, что очень многие и родители, и педагоги делают подобную ошибку, считая дошкольников несмышленишками. Они как раз очень остро чувствуют обстановку в семье, отношения между взрослыми. К тому же уже научно обоснована необходимость целостной системы полового воспитания, начиная именно с дошкольного возраста.

Да, конечно, общественно-психологический климат застоя, наверное, и не влиял напрямую на сегодняшних школьников, но зато долгое время создавал ту атмосферу, которая и сейчас царит во многих средних учебных заведениях. Что касается тех из них, в которых проводилось наше исследование, можно привести такие характеристики. По наблюдению за образом жизни, интересами, увлечениями некоторых учащихся без труда можно выделить группы подростков 14—15 лет, ведущую раннюю половую жизнь. Директор одной из школ отмечал, что половина учениц 8-х классов живет половой жизнью. Почти во всех школах отмечены случаи употребления спиртных напитков при взаимоотношениях между юношами и девушками, начиная с 13 лет. В этом же возрасте силен интерес к порнографии, который к восьмому классу уже угасает. Год от года снижается возраст вступления в половую связь.

В качестве повода для этого учащиеся называют: «порыв любви», «из любопытства», «физиологическая потребность», «опьянение». 47,7 процента ребят познакомилось с первым половым партнером «на танцах» или «на улице». Отмечены случаи развратных поступков взрослых в отношении несовершеннолетних (попытки совратить девочек 4—5 классов).

Устойчивая тенденция к росту сохраняется и по количеству аборт среди несовершеннолетних. Так, в 1985 году в лечебных учреждениях им было сделано 1408 аборт (4 аборт — девочкам до 14 лет), вне лечебного учреждения — 183.

Все большее распространение в школах получают венерические заболевания. В ответах на вопросы анонимной анкеты такие случаи указывались редко, но в медицинских учреждениях нам сообщили, что с 1982 по 1986 год в Москве среди школьников и учащихся ПТУ количество подобных болезней утроилось.

И подобных тревожных данных немало. А вывод напрашивается прежде всего такой: налицо крайнее неблагополучие в сфере полового воспитания, что является, как мы уже говорили, одной из причин сохранения и распространения проституции.

— Можно ли по результатам вашего исследования судить о распространенности проституции среди несовершеннолетних?

— Изучая виды отклоняющегося поведения, мы стремились выйти на количественные характеристики. Так вот, 44,4 процента девушек считает, что проституция свойственна большинству (или многим) их сверстниц. Среди «престижных», «доходных» профессий многие школьники наряду с торговлей и кооперацией назвали проституцию. Для них ведь тоже не являются сегодня секретом данные правоохранительных органов о том, что валютные профессионалки зарабатывают в месяц более десяти тысяч рублей.

— Что же можно предпринять, чтобы не допустить распространения проституции несовершеннолетних?

— Наверное, нельзя, думая о будущем эффекте в борьбе с проституцией, делить

проститутку на совершеннолетних и подростков. Ведь взрослая жрица любви тоже когда-то была школьницей, пионеркой, комсомолкой.

Мы рассматриваем проблему полового воспитания и профилактики аморального и противоправного поведения несовершеннолетних не только как педагогическую, но и как социальную. В решении каждого вопроса необходимо учитывать реальное положение дел, представление о котором может дать совместная исследовательская и профилактическая работа РОНО, Академии педнаук, учреждений здравоохранения, правоохранительных органов, родительских и общественных организаций.

В связи с этим было бы целесообразно восстановить в структуре одного из институтов АПН СССР лабораторию полового воспитания, которая могла бы стать объединяющим звеном в работе всех заинтересованных инстанций. И это, мне кажется, одна из важнейших задач. Дело в том, что такая лаборатория уже была и довольно плодотворно работала, но в начале 70-х годов ее разогнали под предлогом того, что половое воспитание, дескать, проблема комплексная и ею должны заниматься все понемногу. И вот сегодня мы пожинаем горькие плоды того непродуманного решения. Полового воспитания у нас в стране сегодня нет. Есть половое просвещение. А это далеко не одно и то же.

Считаем также необходимым введение в штат школ специалиста по социальной педагогике, который бы занимался изучением причин отклонений в поведении подростков. Нужно создать систему внешкольных консультационных пунктов, где бы опытные сексологи и психологи могли давать молодежи интересующую ее информацию.

— Над чем работаете сейчас?

— Прежде всего над созданием комплексной системы полового воспитания. На эту проблему нужно смотреть сквозь призму исторических, экономических, физиологических, психологических, национальных и эτικο-эстетических аспектов. Однако даже самая совершенная система не сможет справиться с проблемой проституции, пока мы не вылечим наше общество.

Оспаривать позицию ученого, подкрепленную вескими аргументами, не берусь. Бесспорно, нужна и глубоко продуманная система полового воспитания, начиная с самого раннего возраста, необходимо и решение социальных проблем, и борьба за высокие нравственные принципы, и так далее. Но что посоветовать командирам и политработникам, чтобы смогли они сегодня уберечь наших солдат и сержантов от разлагающего влияния жриц любви?

Как известно, срочная служба не предусматривает времени на частые и продолжительные увольнения, то есть возможности у военнослужащих для знакомства и основательной дружбы с девушками попросту нет. А молодых, здоровых парней, конечно же, тянет к противоположному полу. Это один аспект. Другой напрямую

связан с выполнением личным составом своих служебных обязанностей. Ведь специалисты единокруны: рано или поздно проститутки попадают на скамью подсудимых, а затем становятся подопечными наших солдат. Известен случай, когда караул, конвоируя подсудимую, за оказанные ею «услуги» отпустил ее из-под охраны!

Все это, думается, должно побудить к серьезным раздумьям о необходимости и полового просвещения, и полового воспитания наших военнослужащих. И включиться в эту работу должны, наверное, не только войсковые командиры, но и все обладающие жизненным опытом офицеры: уберечь солдата от нравственной деградации, помочь ему укрепить свой моральный дух.

Майор О. ВОЛКОВ.

„ДЕМОКРАТИЮ? РАЗРЕШАЮ!“

Демократия... Демократичный... Привычными стали в последнее время эти слова. Порой бросаемся ими направо и налево, не задумываясь об истинном значении сказанного. Удалось провести вечер отдыха — демократия. Проголосовали за очередность увольнения военнослужащих в запас — высшая степень демократии...

Еще незабвенный Козьма Прутков говорил: «бросая в воду камешки, смотри на круги, ими образуемые, иначе такое бросание будет пустой забавою». Так последуем его совету и понаблюдаем немного за тем морем фактов, событий, мыслей, которое расплескалось у порогов комсомольских организаций благодаря, как сейчас принято говорить, ветру перемен.

ВОСПОМИНАНИЕ С ВОПРОСОМ

Началом нового витка в деятельности каждой комсомольской организации, безусловно, являются отчеты и выборы. В ходе их проводится анализ сделанного, уточняются ориентиры, вскрываются болевые точки, наконец, выходят на авансцену новые лидеры. Так было всегда, правда, с различными итогами в разных коллективах. Ну а отчетно-выборные кампании, состоявшиеся после XX съезда ВЛКСМ, который провозгласил курс на демократизацию комсомола, чем-нибудь отличались от предыдущих?

— Конечно, — однозначно отвечает комсомольский работник капитан А. Молев и останавливается на важнейших, по его мнению, моментах.

— Во-первых, обошлось без указующих бумаг, директивности, то есть без бюрократического налета, проявлявшегося раньше очень выпукло. Во-вторых, значительный шаг был сделан в развитии гласности. О таких острых, принципиальных и даже

злых выступлениях комсомольцев на собраниях до этого никто и не помышлял. И, в-третьих, появилась возможность выдвигать нескольких кандидатов. А ведь именно по выборам следует судить об утверждении демократии.

Что же, хоть и кратко, но достаточно убедительно. Мне и самому довелось присутствовать на собраниях, где ярко проявлялось то, о чем сказал офицер, слушать мнения товарищей о радостных переменах, появившихся в ходе отчетов и выборов. Один, к примеру, не жалея красок, описывал, в какой острой борьбе с еще двумя кандидатами «отстояла» свой секретарский пост рядовой Т. Алешкина, другой восторженно говорил о том, как комсомольцы «дали жару» своим командирам, третий... А вот тут происходит заминочка. Потому что, как ни стараюсь, не могу больше вспомнить неординарных примеров, подкрепляющих мысль о новизне отчетно-выборной кампании. Да, кое-где шуму было больше, чем обычно. Но так ведь и в былые годы не на всех комсомольских собраниях стоял полный штиль. Кипели страсти, лились обличительные речи. Да, во многих организациях ВЛКСМ отошли от единодушной поддержки одной-единственной кандидатуры на пост секретаря, рекомендованной командиром или замполитом подразделения («мы тут посоветались и решили предложить...»). Не было и бумаги сверху, обязывающей выдвигать нескольких кандидатов.

Действительно, указаний не было. Однако без рекомендаций, по признанию комсомольских работников, с кем мне довелось беседовать, не обошлось. Знаете, как это обычно бывает? Раздается звонок, и после обязательных в таких случаях фраз из трубки начинает звучать: «Мы, конечно же, вашей инициативы не сковываем, ничем вас не регламентируем — перестройка ведь. Так что делайте все сами, как посчитаете нужным. Но вот только хотелось, чтобы... Нет, нет, не подумайте, что это обязателька». Или что-нибудь в том же роде.

ДЕЛА И ЗАБОТЫ КОМСОМОЛЬСКИЕ

Как отнестись к такому разговору? Забыть — невозможно. Помнить, но гнуть свою линию? Как на это посмотрит начальство, которому «хочется, чтобы...»? Вот и думай, соображай. Уж лучше последовать «совету» начальства.

И звонит уже телефон в кабинете должностного лица рангом пониже. Дальнейший ход событий нетрудно представить. Вот и получалось в большинстве мест «демократичное» соперничество за право называться лидером между двумя, а то и тремя, как в случае с Т. Алешкиной, кандидатурами, где победы одерживались за явным преимуществом. Впрочем, можно ли назвать победу победой, если она одержана без борьбы?

Мне могут возразить, что подобное могло иметь место лишь при избрании секретарей ротных комсомольских организаций, а на более высоком уровне все проходило как положено. Тогда приведу еще пример. В одной из наших частей три офицера претендовали на должность секретаря комитета комсомола. Победил старший лейтенант А. Осипов — человек, которого я хорошо знаю, глубоко уважаю за работоспособность, умение быстро находить контакт с людьми.

Время показало, что на новом месте он пришелся ко двору. Но, несмотря на это, никак не могу избавиться от некоторых сомнений. Как и его конкуренты, старший лейтенант А. Осипов представил программу предстоящей деятельности. Такой ли уж крепкой она оказалась? Ведь офицер служил в другой части, значит, не мог досконально знать проблем, волновавших комсомольцев коллектива, в котором он решил «прописаться». Выходит, все опять ограничилось общими посылками, расплывчатыми формулировками, и из нескольких, мягко говоря, сырых программ была выбрана лучшая. Неужели комсомольцев части это устроило? Или, может быть, над ними опять довлел авторитет человека, рекомендованного сверху? Как бы там ни было, и в этой ситуации до истинной демократии далеко.

«КРИЗИС ДОВЕРИЯ»

Трудно определить, когда он начался, но то, что «кризис доверия» ВЛКСМ продолжается и не известно, скоро ли минует, — это безусловно. Вот мнение одного из комсомольцев — рядового П. Кархуту:

— Комсомол, на мой взгляд, раздроблен на множество не связанных между собой организаций. Если в одних молодежная жизнь кипит идеями и интересными делами, то в других — полный застой. А где-то рядом эксплуатируется энтузиазм нескольких активных людей для создания видимости работы. Между тем и те, и другие, и третьи называются одним словом — комсомольцы.

В чем разница между комсомольцами 20-х и 80-х годов? Мне кажется, она во многом — в утрате веры и идеалов последними. Их подменили официальные лозунги. Лозунги, которые только подчеркивали дисгармонию жизни, порождая цинизм прежде всего у молодежи. Она видела, что под призывами «усилим», «добьемся», «завершим» спокойно можно бездельничать, а Моральный кодекс строителя коммунизма — его в былые времена вывешивали даже в магазинах — не сделал общество более нравственным. Нас призывали верить, но отучали думать.

Что же сегодня можно предложить рядовому П. Кархуту, другим комсомольцам взамен «груза» прошлого? Самостоятельность, демократию? Но ведь молодежи хочется свободы мыслей, поступков не только, так сказать, в масштабе коллектива, но и для каждого человека в отдельности. На стыке этих понятий и возникает противоречие. Комсомолу, как говорится, до всего есть дело. А раз так — регламентация останется: нужно брать за все и — подчеркиваю — в обязательном порядке. «Почему ты не участвуешь в организации мероприятия? Какие такие «другие дела», когда все трудятся? Ты плохой комсомолец!» Я, возможно, утрирую, но не слишком и пока не замечаю, чтобы комсомол откасался от такого стиля работы. Происходит подавление личности, подгонка ее под стандарт.

Почему так получается? Не потому ли, что долгие годы наш молодежный союз находится во втором эшелоне, придерживаясь бодрого лозунга: «Комсомол ответил: «Есть!» За это время успела сформироваться психология исполнителя и лишь укрепились амбиции единоначалия: зачем придумывать что-то еще, когда все-все объемлет комсомол?!

И это, между прочим, нравится тем, кто видит в организации ВЛКСМ лишь какой-то придаток. Взять хотя бы укрепление дисциплины в подразделениях. Комсомольским организациям отводится здесь в основном карающая роль. Допустил воин проступок — меры общественного воздействия последуют незамедлительно. Причем обсуждение персонального дела на заседании бюро ВЛКСМ состоит в обязательном присутствии командира или замполита, чье слово окажется решающим. Ну у кого найдется смелость оспаривать мнение начальника? На комсомольском собрании «выработанная» точка зрения по инерции трансформируется в коллективную. Нам ведь с детства внушают: коллектив — это мы. Не «я», не «он», а — «мы». Поэтому любое мнение, отличающееся от общепринятого, рассматривается чаще всего как противопоставление коллективу.

Почему после некоторого подъема активности в жизни комсомольских организаций стал наблюдаться заметный спад? Даже в таком вопросе, как выступления на собраниях. Секретарь бюро ВЛКСМ сержант В. Краснов считает, что причиной тому вовсе не то, что комсомольцам нечего сказать, а боязнь нежелательных последствий. Ведь после комсомольского собрания

все, как говорится, возвращается на свои места. Офицеры и сержанты становятся командирами, солдаты — подчиненными. И чаще всего прав оказывается тот, у кого больше прав.

— Приведу такой пример, — говорит активист. — На собрании слова попросил один из комсомольцев. Речь он вел об учебе и дисциплине. Хорошо выступал, толково. Причем не побоялся покритиковать и наших офицеров. И что же? Командир роты «нашелся» сразу. «Вот вы говорите об успеваемости, — сказал он солдату, — а сами!..»

Конечно, комсомолец стушевался... и зарекся выступать на собраниях. Да и только ли он? Ведь, наблюдая эту сцену, определенные выводы сделали все присутствующие. Можно ли после этого говорить о гласности и демократии?

Но есть и другая причина, почему комсомольцы предпочитают инициативу не проявлять. Нет у них уверенности в том, что их предложения, замечания, мысли и пожелания будут услышаны «наверху» и реализованы в жизни... Загорелись комсомольцы провести вечер отдыха. Кажется, ничто не мешало им, а вот мероприятие «пробить» не удастся. Не пошел навстречу командир роты, рассудив, что продержат личный состав воскресным вечером в казарме спокойнее будет. Сколько подобных примеров можно привести — и не счесть.

Не хочу сказать, что командиры всегда вставляют молодежи палки в колеса, стараются, конечно, и помочь. Но все же зачастую ограничиваются лишь обещаниями. Так, спрашивается, зачем «толочь воду в ступе», к чему предложения, инициативы, если они не реализуются на деле? Дилемма — добиваться чего-либо, а значит, портить отношения с командирами или тихо, мирно существовать — обычно решается в пользу последнего. Так рождается пассивность, неверие в свои силы.

КОМСОМОЛ НАЧИНАЕТ И...

И все же было бы неверным говорить о комсомоле только в мрачных тонах. Сделано уже немало, идут активные поиски путей выхода из уже упоминавшегося «кризиса доверия». Сегодняшний этап в жизни организации ВЛКСМ я бы назвал восстановительным. Вот бы помочь молодежи, а вернее, прислушаться к ее голосу, понять ее...

К примеру, серьезнейший, прогрессивный шаг был сделан, когда принимали решение об оставлении пятидесяти процентов членских взносов в первичной организации ВЛКСМ. Финансовая самостоятельность, безусловно, мощный рычаг для поднятия активности комсомольцев. Но это только по идее, а на деле имеющиеся возможности, увы, реализуются очень слабо. Мешает страх... перед самостоятельностью, к которой еще не привыкли, не на-

учились пользоваться «завоеванными» правами: а вдруг по рукам дадут. Это — в первых.

А во-вторых, свое берет административная машина. Я беседовал со многими секретарями ротных комсомольских организаций. И все они оказались в полном неведении о порядке расходования денежных средств.

Например, в части, где служит офицер А. Полозов, «комсомольский бюджет» используется при проведении мероприятий, организованных командованием и политотделом. Может быть, это и оправдано. Но почему-то никто не захотел посоветоваться с комсомольцами. Решили, и все тут, а демократию нечего разводить. Вот и задумайтесь: станут ли эти пятьдесят процентов действительно комсомольскими?

Следующее. Принят новый Устав ВЛКСМ. Изменения, что были внесены в него, существенны. Правда, полностью учесть динамичность запросов молодежи они, конечно, не могут. Нельзя регламентировать все и вся. А что имеем мы? До сих пор в столах у комсомольских работников лежит Инструкция организациям ВЛКСМ в Советской Армии и Военно-Морском Флоте 70-х годов. Она устарела, безнадежно отстала от жизни. Более того, некоторые ее положения противоречат уставным требованиям. Но вот парадокс, эта Инструкция до сих пор не отменена, а коль так, то она остается одним из основных документов для армейского комсомола.

Что еще мешает работать? Ответ довольно четок — текучка. Хотя и значительно упростилось ведение комсомольской документации, но все же времени она отнимает массу. Никак мы не можем определить разумный предел бумагам. Очень часто они занимают главенствующее место, загромождают собой все остальное. Происходит это еще и потому, что за комсомольскую работу в подразделениях отвечают (в буквальном смысле) не столько бюро ВЛКСМ, сколько замполит и командир. Если какая-нибудь комиссия вскрыет недостатки, то с комсомольским секретарем лишь побеседуют, укажут на ошибки, а вот руководители могут и взыскания схлопотать. Такая система приводит к тому, что командиры, политработники начинают взваливать все на себя, отказывают молодежи в доверии. Уж лучше перестраховаться, чем потом получать нагоняй! Что это, как не искажение принципов партийного руководства комсомолом?!

И еще. Во всех комсомольских организациях, которые имеют сложную структуру, проводятся совещания. Признаем, что совещаниями они никогда не были, ибо обмениваться мнениями на них никто не собирался. Раньше это было формой наказания, проработки виновных в чем-то и т. д. Сейчас предпринимается попытка превратить заскорузлую форму в содержательную. Но уж очень они робки.

— Вместе с тем вот что любопытно, — делится мнением капитан А. Скрипка. — Когда на совещаниях ругали, заставляли, всячески применяли командные методы руководства, исполнительная дисциплина у комсомольских активистов была куда вы-

ше, чем сейчас. Теперь же почему-то очень многие понимают демократию как свободу ничего не делать и не держать слово.

Интересную мысль высказал сержант А. Востриков: по его мнению, молодежный союз во многом утратил свое политическое лицо. В Мироненко говорил, что комсомол — это молодежный фронт в борьбе за перестройку. То есть по идее, сила политическая. А мы стенгазеты клеим да выходы в цирк организуем. Значит, комсомолу надо выработать свою политическую программу. Предполагаемый вопрос: «Что значит свою?» Есть политика партии. Коммунистический Союз Молодежи и призван проводить ее через комсомольцев. Так было, а теперь, выходит, понадобилась «отдельная политика»?

И потом, нельзя превращать комсомол из общественно-политической организации в культурно-массовую. Хотя, впрочем, и тут войсковому комсомолу далеко еще до самостоятельности. Ведь нередко он записывает в свой актив то, к чему не имеет никакого отношения, примазывается, грубо говоря, к чужому (имеется в виду работа политработников, коммунистов, в отчетах проходящая как комсомольская инициатива). Точнее будет сказано, «примазываются» не комсомол, а выборные комсомольские органы или отдельные комсомольские работники — те самые, которые должны быть впереди именно в проявлении инициативы, поиске новых решений.

О ЛИДЕРЕ

Давайте представим комсомольского секретаря в роли этакого буфера. Чье давление сильнее: сверху, административно-командное, или снизу — от комсомольцев? Чьи интересы будет выражать секретарь? Большинству этот вопрос покажется наивным. Конечно, административные. Ведь секретарь до последнего времени выступал в роли просителя и в задачу его, между прочим, входило... нравиться. Вы много встречали секретарей, которые бы конфликтовали с командирами? Вот и получается, что так называемая общественная работа лидера в подразделении — продолжение административной системы. Те же самые цели, те же самые формы. Разница лишь в том, что солдат руководит солдатом. До смешного доходит. «Подойди к секретарю бюро ВЛКСМ батальона ефрейтору Ф. Хафизову, — говорит старший прапорщик И. Болдин, — попробуй с ним побеседовать, попроси посмотреть комсомольское хозяйство. Так он отошел тебя к замполиту или даже в политотдел за «санкцией». Иначе и рта не раскроет».

Ясно, что такое положение надо менять. Но как? Хорошо, когда лидер активен, когда он хочет работать. Но он должен еще и знать, как это делается. А о какой грамотности, о какой культуре может идти речь, если многие секретари не умеют

толком вести собрания, оформлять протоколы, если каждый второй не в состоянии квалифицированно написать характеристику. И таких «если» наберется великое множество.

Предвижу возражения. Считается, что копание в бумажках, регулярное повторение пройденного несет угрозу «бюрократизации» комсомольской работы. Однако, как показывают опыт, иной буквоед, до тошноты следящий за исполнением решений, приносит куда больше пользы, чем восторженный говорун, влюбленный в лозунг «Даешь!». Каждому секретарю не грех бы почаще заглядывать в тетради, где зафиксированы уже принятые решения.

Конечно, выработка стиля, сочетающего в себе четкость, конкретность с экспромтом, творчеством, требует времени. А что получается у нас? Секретарем, как правило, избирают человека, прослужившего минимум полгода. Пока идет «раскачка», проходит несколько месяцев. Затем учеба, познание нюансов комсомольской работы, налаживание контактов с людьми — тоже срок немалый. Словом, когда лидер накапливает определенный опыт, знания, выработывает нужные качества, подходит время очередных выборов. А на второй срок редко кого оставляют, ведь скоро увольнение в запас. Пришедшему на смену многое приходится осваивать заново.

Эта ситуация в той или иной мере повторяется на различных уровнях. Ведь и секретарям комитетов комсомола на передачу дел дается мизерное время. Где уж здесь говорить о преемственности стиля руководства. Может быть, поэтому и высыхают «русла» иных хороших инициатив. Работать с людьми — на это нужны способности, подготовка. А у нас очень много просто исполнителей.

Очевидно, сейчас одна из самых актуальных задач комсомольских организаций — обучение и подготовка своего нового «командного состава», грамотного, не боящегося будничной, черновой работы, умеющего каждый интересный почин превратить не в яркий фейерверк, а в ровное, сильное горение.

Не кажется ли вам, что те преобразования, что идут в комсомоле, сбиваются подчас на знакомый путь кампанейщины? И всяк по-своему понимает перестройку? Кому-то видится некая физическая масса — ее качнули, она тронулась с места, приняла ускорение, будет катиться сама собой.

Вокруг многих, даже весьма робких, идей возникает такой бум, такая всеобщая взволнованность, что и не описать. Бывает, причина волнений — благозвучное новшество — уже давно сгинула где-нибудь под очередным крестом или галочкой в отчете, а на поверхности все еще шумно, все еще гуляет волна... Нет, такая демократия нам не нужна.

Личная причастность каждого к созидательным переменам, уверенность, что искра твоей, даже маленькой, инициативы не будет грубо задушена административным окриком, а к тебе прислушаются (не ради галочки) — неужели это далекая перспектива?

Калкитан В. КРУГЛЯНИН.

ПЕРЕСТРОЙКА: КТО ЕСТЬ КТО?

В обновлении советского общества активную роль играют, как отмечается в постановлении ЦК КПСС «О некоторых вопросах перестройки центральной партийной печати», средства массовой информации. Утверждая гласность, открытость, правдивость, развивая критику и самокритику, они помогают партии, всему народу объективно осмысливать прошлое и настоящее, выявлять и устранять причины застоя и тсрможения, побуждают людей к созидательной работе.

Все это, конечно, не может не радовать нас. Будем, однако, откровенны: такого удара, который наносят некоторые органы печати по общественному сознанию, мы, кажется, не испытывали никогда. Нас бьют порой «под дых», по голове, в живот и ниже... На свет извлекаются такие чудовищные истории и факты, что уже ничему не приходится удивляться, и мы постепенно утрачиваем веру в изначальное понятие добра и справедливости.

Нам говорят: что поделаешь — гласность... На «чрезмерные дозировки» гласности тоже нет смысла сетовать — это плата за долгие годы молчания. Одна только беда: как «не свихнуться» в этом бурном океане информации. Как, наконец, правильно ориентироваться, уметь отличить правдивое слово от злонамеренного и наоборот.

Гласность — ведь это не только право на правду, считает русский писатель Николай Кузьмин, настоящая гласность — это обязанность говорить правду, но полную правду. Любая полуправда хуже самой гнусной лжи. Хватит нам лжи! Надоело!

Мы открываем новую рубрику с одной-единственной целью — «зажечь в бушующем информационном океане маячки», которые помогли бы нам всем сохранить хоть какие-то ориентиры, а главное — не потерять цели, ради чего все делается. Возможно, для этого нам придется открыть и другие рубрики — «По вашей просьбе», «У нас в гостях», например. Напишите, какие проблемы вас волнуют, что вы хотели бы почитать. Мы намерены пригласить на страницы нашего журнала публицистов, ученых и даже редакции популярных в народе журналов, которые в нелегких условиях настойчиво отстаивают и «право», и «обязанность» говорить полную правду, и — честную правду. Мы надеемся, что вы — наши читатели — поддержите нас в этом начинании.

«...а Евтушенко — псевдоним»

Моя фамилия — Россия,
а Евтушенко — псевдоним.

(Евг. Евтушенко. «Просека»).

НЕ ЗНАЮ, как насчет псевдонима. Возможно, это и так. Не имеем точных данных. Насчет фамилии же сказано не совсем скромно, но архипатриотично. Оговорюсь сразу. Этот фельетон адресован не Евтушенко, скорее всего он его и не прочтет. Автор данного материала выступает против конъюнктуры, которой подвержены отдельные литераторы, и Евгений Александрович в частности. Сегодня Евтушенко, к примеру, ищет популярности на «антиафганской» ниве, обвиняя и интернационалистов, и тех, «кто их туда послал», во всех смертных грехах. Однако напо-

ним, что в те годы, когда рождались будущие «афганцы», одной из самых популярных поэм в нашей стране была «Братская ГЭС», до краев наполненная пафосом коммунистического строительства. Евтушенко прославляет в главе «Коммунары не будут рабами» нашего мужественного солдата, готового сражаться за справедливость не только «во имя России», но и во имя «дальних гренад». Вполне понятно, что речь идет о нашей военной помощи республиканской Испании. Это «афганский» вариант 1936 года. Такая вот метаморфоза произошла с Евгением Александровичем за четверть века.

Не появились стихи Евтушенко, оскорбляющие живых и погибших «афганцев», не было бы и этого материала. Афганская война стала, возможно, самой тяжелой ошибкой эпохи застоя. Не знаю. Пусть выводы сделают специалисты. Но в чем повинны наши солдаты, молодые наши сограждане, которые заплатили кровавую дань времени за все послевоенные поколения? Они нуждаются не в поэтических нравоучениях (как это недавно сделал Евтушенко в своем «Письме афганцу»), а в сострадании. Стихи Евгения Александровича об «афганцах» — не что иное, как талантливо зарифмованная, жуткая по цинизму бюрократическая фраза «Я вас в Афганистан не посылал».

Впрочем, дорогие читатели, судите сами. Брось плечистый, нечистый афганец кулаки над ученым трясью.

На войне одинокой израненый, он хотел твои ноги спасти...

Ну, конечно, речь тут идет (для тех, кто не знает) о «совести нашей страны» — академика А. Д. Сахарове.

Стаду вечно быть хочется кликой.

И опять поднимается вой над наивной чуть-чуть, но великой одуванчиковой головой.

Но как прикажете понять действия «великой одуванчиковой головы», которая в 1976 году в знак протеста против сурового приговора группе армянского террориста С. Затикяна, взорвавшей три мины в Москве, в результате чего пострадало 46 ни в чем не повинных людей — женщин, детей, стариков, объявила... голодовку? Может, Е. Евтушенко не знает об этом?

Эх, афганец, обманутый малый, не тряс кулаком, припади к этой вдавленной, а не впалой всю эпоху вместившей груди.

И хотелось бы припасть к «вдавленной стариковской груди», прижать «одуванчиковую» голову, но трудно, ох как трудно это сделать. Ведь свежи еще в памяти его обвинения в адрес воинов, которые и сейчас, рискуя порой жизнью, защищают от обнаглевших экстремистов жизнь наших матерей, братьев и сестричек.

ОДНАКО, как говорили древние, вернемся к нашим... то бишь к конъюнктуршине в литературе. После хрущевского одностороннего сокращения армии и флота, когда страна находилась на волне пацифизма, Евгений Александрович пишет хорошие стихи, которым суждено было стать знаменитой песней «Хотят ли русские войны». К слову сказать, будущие «афганцы» в пионерских лагерях с кристальной детской искренностью пели:

Не только за свою страну солдаты гибли в ту войну, а чтобы люди всей Земли спокойно ночью спать могли.

В Афганистане они, видимо, вспоминали вдохновенные строки поэта. Так когда же был искренен Евгений Александрович, в 1961 году или сейчас, публикуя в «Письме афганцу» раздраженную отповедь воинам-интернационалистам? Чем же все-таки рассердил Евтушенко в своем выступлении на Съезде народных депутатов СССР «афганец»

депутат С. Червонопиский? Возможно, поэт таким оригинальным образом решил защитить академика А. Д. Сахарова? Но ведь его надо было защищать в годы застоя. Тогда почему-то стихи Евтушенко в пользу опального академика не появились даже в «самиздате». Немодно это было, да и опасно. Может, Евгений Александрович обиделся на другого «афганца» депутата П. Шетко, который прямо сказал: «И то, что у нас сегодня мелькает в газетах, нам не дает покоя. Это и стихи Евтушенко «Колдунчик», «Афганский муравей» и другие». Вряд ли и это могло рассердить поэта. Ведь Евгений Александрович не из обидчивых, он не ответил даже на злобную пародию на свои стихи Александру Иванову, о ней будет идти речь ниже. А вдруг разгневала заключительная часть выступления «афганца» Червонопиского, где он говорит: «Я убежденный противник лозунгов и показухи. Но три слова, за которые, я считаю, всем миром надо бороться, я сегодня назову: это — Держава, Родина, Коммунизм».

Не могло и такое высказывание рассердить. Ведь в годы застоя Евтушенко был сам коммунистическим агитатором, но, может, он только хотел казаться таковым? Примечательна в этом отношении поэма Евтушенко «Просека» о героях стройки коммунизма БАМа. (Правда, стройку в наши дни охаяла почти вся литературно-журналистская братия, как никчемную и где-то даже вредную экологически, назвав ее «самым длинным памятником эпохи застоя»). Примечательна она тем, что здесь Евгений Александрович выступает застрельщиком и проповедником коммунистических идей на международной арене. Не верится, да? Но, находясь в Лондоне, видимо, по делам семейным, Евтушенко в разговоре с местным издателем безапелляционно заявил: «Вы в нашем споре давно проспорили». А через несколько абзацев, как говорят на флоте, резко поставил незадачливого англичанина к борту и отчитал:

Вы нас учили свободе,
учили.

Но вот вам урок!
неопрровержим:
На горле моих товарищей
в Чили

Лежачим камнем
фашистский режим.

Там есть еще и о трагедии Ольстера, и о многих других капиталистических язвах, о преимуществах нашего строя. Видите, мысли, прямо противоположные тем, которые высказывает Евгений Александрович сегодня.

Позже, как и в былые годы, Евгения Александровича привела на «антиафганскую» ниву за сбором урожая, славы и популярности все та же распрямляющая конъюнктура. Хулители «афганцев» в некоторых кругах сегодня почитаются как супердемократы и правофланговые перестройки.

Но как мог «поэт с мировым именем», побывавший, как оказалось, в 98 странах мира — больше, чем папа римский, десятка на два, но не пожелавший хоть раз

навестить наших ребят в Афганистане, — не подать свой «весомый голос» протеста против того, чтобы они там бессмысленно гибли?! Куда, однако, проще и безопаснее клеймить их теперь «афганскими муравьями». Он поспешил вынести свой суд и над теми воинами, которые встали на пути экстремистов в Тбилиси. И даже тогда, когда закрубились пожарами Ферганская долина, когда над городами ее поднялся стон и плач детей и женщин, он вместе с себе подобными продолжал требовать роспуска внутренних войск, а по существу продолжал осуждать тех, кто, рискуя жизнью, защищал женщин и детей от негодяев и садистов.

ПРЕДВИЖУ главное возражение читателей. Дескать, в эпоху безгласности, да чего греха таить, и сейчас многие литераторы приспособивались. За что же ругать одного Евтушенко? Верно, конъюнктурщиками в годы застоя были многие. Но они сегодня не особо высовываются, не называют себя его жертвами.

С Евгением Александровичем дело обстоит иначе. Сошлюсь на мнение и доводы известного и авторитетного в стране критика Владимира Бондаренко, высказанные в полемических заметках «Очерки литературных нравов» (Москва, 1987, № 12): «Чем примечательна фреска четырех избранных на обложке «Огонька» и интервью с ними о времени перестройки? Евгений Евтушенко рядится в тогу мученика брежневского застойного периода и тут же общается, что именно за эти годы посетил... мы уже знаем, сколько стран. Мучениками изображают себя Андрей Вознесенский, и Булат Окуджава, и даже Роберт Рождественский... Оказывается, все они страдали, боролись и подвергались гонениям... В 70-х, в тот самый период застоя, наша четверка попала в разряд так называемой «избирательной демократии», которая позволяла ей ездить по всему миру, выступать за рубежом, порой и с сомнительными идеями, печататься в сомнительных изданиях. Своеобразная демонстрация для всего мира нашей свободы творчества?! Такие запрограммированные официальные «левые».

О том, что жизнь у Евгения Александровича в годы застоя была далеко не безбедной, нам известно. Евтушенко как-то опрометчиво заметил, что жизнь поэта в России обречена на прозябание и муки, на что возмущенный до глубины души Александр Иванов ответил убийственной пародией. Помните?

Почему я не гол, не раним,
не увечен,
Почему так трагически всем
обеспечен?..

И далее:
Да и дача моя под Сухуми,
бунгало,

На застенок сырой
не похожа нимало.

И наконец:
Горблю спину
я над раззолоченным
корытом.

Почему? Но вопрос остается открытым. И вдруг узнаем (кстати, от самого поэта), что он «бедствовал» раньше, «бедст-

вует» и теперь. Не может быть! — воскликнет наивный человек. Еще как может. Как тут не обратиться к известному критику Владимиру Бушину, поведавшему о «бедах» поэта — не без сарказма, естественно. Оказывается, ему — Е. Евтушенко — «за все время ни разу не было звонка из какого-либо издательства с предложением издать книгу! Никогда!»

«Чтобы читатель глубже осознал, — пишет критик (Молодая гвардия, 1989, № 7), — значение этих пламенных слов, надо привести и другое признание стихотворца: «Я считаю в издательском смысле счастливым человеком. Казалось бы, мне грех жаловаться. Я издал гораздо больше книг (и большими тиражами), чем большинство наших поэтов, но...». Но он жалуется. Издал больше, гораздо больше, чем другие, понимает, что жаловаться стыдно, неприлично, — и все-таки жалуется! Да, издают, переиздают, выпускают, но вот если бы все это делалось без малейших моих усилий, кабы издательские галушки сами прыгали в honorarium сметану, а потом — мне в рот... Но не прыгают же, антисемитски проклятые!..

Помните ли вы, читатель, эти бессмертные строки: «Пацюк разинул рот, поглядел на вареники и еще сильнее разинул рот. В это время вареник выплеснул из миски, шлепнулся в сметану, перевернулся на другую сторону, подскочил вверх и как раз попал ему в рот. Пацюк съел и снова разинул рот, и вареник таким же порядком отправился снова. На себя только принимал он труд жевать и проглатывать...» Если какому-то безвестному Пацюку, не имевшему ни орденов, ни литературной премии, ни орденов в Лужниках, это можно было, то почему же нельзя Евтушенко? Он разевает рот, еще сильнее разевает... А вареники и галушки не прыгают!.. Ах, как тяжело и больно!..»

НЕПРОСТО автору было писать этот материал. В 1967 году, когда страна готовилась отметить 50-летие Октября, на зональном смотре художественной самодеятельности творческих коллективов России в Краснодаре я получил диплом лауреата за чтение отрывка из поэмы «Братская ГЭС». Двадцать лет с разных сцен, в газетных материалах пропагандировал поэзию Евтушенко. И вот в канун 70-летия Великого Октября читаю в «Литературной газете» подборку стихов Евтушенко. Как же нужно презирать своих сограждан, чтобы написать такое:

Виной твой заспанный
характер,
Мой дорогой согражданин...
Ты от Авроры не проснулся,
ты — в допетровском
столбняке...
И так далее в том же ключе.

Закончу тем, с чего начал. Возможно, Евтушенко и псевдоним. Не знаю. Но фамилия никак не Россия.

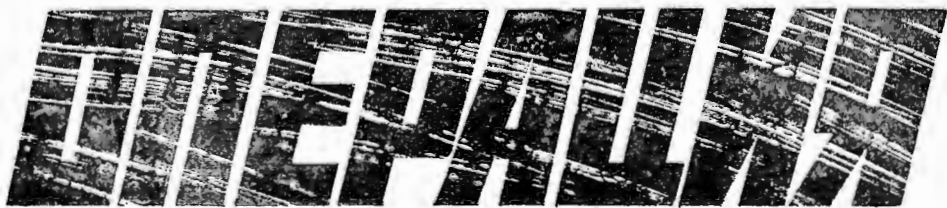
Капитан 2 ранга Н. ГОРМАЛЕВ.

1. ПОБЕГ

Виктор ЛОСЕВ

ПОВЕСТЬ

...Солдат оказался сильным, живучим. И столько в нем было дикого, отчаянного стремления жить, что он, даже с пробитой головой, с переломанной ключицей, казалось, одолеет Ворону. Ворона уже готов был расцепить стиснутые на шею солдата свои пальцы и броситься назад, в лес, когда прогремел раскатистый и резкий выстрел. Солдат тяжело дернулся и сполз в мох.

— Все, конечно дело, — откуда-то изда-лека скрипуче пробасил Лелька.

У Вороны свело икры, ноги не держали, крупная дрожь колотила колени, и он опустился прямо на обмякшую спину лежавшего под ним человека.

— Что, перетрухал, хмырь? — заскрипел над ним Лелька. — Сидишь! А ну, хапай автомат, че-е-сать отседа надо, быстро!

Это растреснутое «че-е-сать» вошло в сознание, подстегнуло.

Ворона торопливо и послушно выдернул из-под тела солдата автомат, липкий от крови. Несколько раз протянул прикладом по траве, оттирая, и все-таки было ужасно противно касаться мокрого и теплого цевья.

— Документы прихвати, пригодятся, — прикрикнул Лелька, и Ворона снова, как во сне, подчинился, с трудом повернул тело, нащупывая внутренний карман куртки, и это вызвало приступ тошноты и головокружение. Он почувствовал, как сосны вокруг завертелись, стали падать прямо на него, и испуганно присел на корточки, вцепился в мох, закрыл глаза. Холодный пот враз оросил лицо, пополз между лопатками, по груди.

— Быстрее, падло, — завопил над ним Лелька и пнул его ногой в бок. Несильно пнул, но достаточно, чтобы Ворона при-шел в себя.

«Подожди, гад, я с тобой потом посчитаюсь», — озлобился тот и дрожащими пальцами стал неловко выворачивать карман, наконец, нащупал целлофановый сверток, пристегнутый английской булавкой, рванул его к себе и торопливо сунул за пазуху. Тяжело поднялся, скоро-скоро пошел в лес.

— Стой, куда попер?! — осадил его Лелька, и Ворона остановился, обернулся.

Лелька, нагруженный автоматом и вещмешком, стоял у сосны и щурил на него злые глаза, словно прицеливаясь.

— Вон куда, — процедил он, кивнув в сторону просеки. — Шевелись, если жить хочешь!

Ворона уловил неприкрытую угрозу в го-лосе этого, как ему еще недавно казалось, близкого человека, с которым они так долго мечтали о чаше, когда вот так, распра-

560
561

вившись с конвоем, станут наконец свободными. С каким трепетом предвкушал он этот миг! Но никакой радости сейчас он не испытывал, его мутило, и это унижительное состояние сломило волю, он послушно побрел, натываясь на сухостой и молодые елки, жадно вдыхая влажный и прохладный воздух глухого леса. Он шел, не разбирая пути, не думая ни о чем, изредка останавливаясь, чтобы сплюнуть липкую соленую слюну, и тут же ощущал толчок в спину острым стволом Лелькиного автомата.

«Гад, как на расстрел ведет», — слезливо заскулил Ворона про себя, но сил воспротивиться не было. Так шли они, не оборачиваясь, пока Ворона не упал, выворачиваемый давно подступившей рвотой.

Лелька, отвернувшись, прислонился к лиственнице, пережидая, пока корчится Ворона, не делая ни одного жеста, намекающего на участие. Уже потом, когда Ворона отплевался и отдышался, Лелька треснувшим голосом пробурчал: «Иди надо», и Ворона не уловил ни капли жалости к себе, одно раздражение, приглушенное усталостью и равнодушием. Но теперь это уже не задело его, он опять послушно встал и молча пристроился за спиной Лельки. Тот шагал неторопливо, но широко, словно наверняка знал, куда идти. Ворона плелся следом. Он ненавидел сейчас пни и цепкие травы, и бессильного себя, и уходящего вперед, уверенного в себе и равнодушного к нему Лельку. Несколько раз он приостанавливался, подмываемый желанием сорвать с плеча автомат и разрядить магазин в спину этого человека, но не решался. Потому что мерзко было подумать о новой смерти, потому что только один Лелька теперь мог спасти их обоих, потому что без него Ворона эти три года в колонии вообще не знал, как себя вести.

Солнце, иногда пробивавшееся сквозь кроны, ослепляло Ворону, и он опускал голову, пряча глаза от острых лучей. Они шли точно по солнцу, пока оно не затерялось за стволами, и лес стал сумрачным и неприветливо глухим.

Вороне казалось, что его хватит еще не больше, чем на несколько шагов. Он замечал то одну, то другую лесину, мимо которых проходил Лелька, и обещал себе, что остановится около них и не сдвинется с места, но каждый раз все-таки проходил этот намеченный для себя последний рубеж и покорно шел вперед, кляня и ненавидя себя за эту покорность. Он уже не помнил времени, когда они вышли к неширокому темному и молчаливому ручью, петлявшему среди вековых деревьев. Лелька распластался у берега и пил, вытянув враз обросшую рыжей щетиной шею. Ворона упал рядом, вода показалась теплой, он брезгливо отряхнул ладонь, заметил, как скрапывают на землю мутные капли отмокшей от руки чужой крови, и поспешно опустил обе руки по локоть в ручей. Долго полоскал их, вода по мягкому донному илу, и со страхом глядел на муть, поднятую со дна, пугаясь ее красноты. Потом

отполз выше по течению и окунул голову в струю, глотнув несколько раз торопливо, в полный рот.

— Ночевать не будем, чуток отдохнем и пойдем, — сказал Лелька. — Вверх по ручью пойдем. Внизу они нас ждать будут, а мы вверх, в тайгу, там никто не встретит. Сейчас оторваться надо. В часобе затеяемся. — Говорил он громко, и Ворона понял, что успокаивает он не его, а больше себя.

План их был прост: высидеть в тайге недельку, а когда первая, самая напряженная пора погони пройдет, проскользнуть в Европу, где у Лельки были свои люди и деньги, запрятанные еще с воли, когда он грабанул инкассатора. Шесть тысяч, замурованных в цоколе соседского дома, позволяли ему надеяться на хорошую жизнь на некоторое время, а там будет видно, дальше обычно никто из них не загадывал. Правда, теперь, когда охраны вокруг не было, Лелька считал, что Ворона ему уже ни к чему, одна помеха, и здесь, в тайге, и там, на воле, — нахлебник, с которым можно очень просто влипнуть, и лучше было бы как-нибудь освободиться, избавиться от него. Но эти расчеты он оставил на потом, пока нужно выйти из тайги, где вдвоем, он знал, сподручнее. Лелька все-таки не утаил неприязни и, встретившись с обеспокоенным взглядом Ворона, криво и нагло усмехнулся.

2. ПЕРШИН, КОМАНДИР РОТЫ

Старший лейтенант Николай Першин положил телефонную трубку на стол, сдвинул на затылок фуражку и пригладил на лбу враз ставшие потными короткие льняные волосы. Некоторое время он ни о чем не думал, прислушиваясь к усиливающемуся звону в ушах. Приближающаяся в тридцать лет гипертония — следствие бессонных ночей и постоянного нервного напряжения — давала о себе знать. Звонок о победе, о гибели солдат застал его врасплох, хотя все это время он был постоянно готов к самым худшим известиям и жил только надеждой, что этого не должно случиться у него. Но вот случилось, и теперь раскрутится машина расследований и проверок, которая надломит, подомнет его.

Полгода он не щадил себя, вникая во всякую мелочь службы, мотаясь из караула в караул, появляясь на постах днем и ночью. Но в нем все росло и росло чувство, что за мелочами он где-то упускает главное, и все идет не так, неуправляемо, независимо от его воли.

Копилось раздражение на подчиненных офицеров, менее ответственных, как он считал, за дело и потому равнодушных к его тревогам, инертных, не разделявших его беспокойства за то, что происходило в роте. И это постоянное ожидание известий из караулов сделало его раздраженным, замкнутым и, как говорили его подчиненные, даже черствым.

И вот — дождался... Как только он осознал всю тяжесть происшедшего и меру своей ответственности за него, как только равнодушно скользнула мысль, что теперь снимут с должности и обещанное капитанское звание отодвинется на неопределенный срок, а с ним и все надежды выбраться когда-нибудь из этого леса в более обжитые места, Першин успокоился.

Нужно было принимать меры, и эта острая необходимость сразу отодвинула все личные переживания и мотивы. Он пока командир роты, и от него зависит многое. Но тотчас найти дельное решение он не мог из-за недостатка информации. Рядовой Левкин, третий из караула, оставшийся в живых, дрожащим голосом промямлил, что начальник караула и Семенов убиты осужденными, которые скрылись, захватив оружие. Больше он ничего не мог сказать.

Першин заглушил в себе поднимающийся гнев против этого хлипкого солдата, раздумывал, с чего начать. Розыск. Оповещение. Доклад. Он потянулся к кнопке под панелью стола, и в коридоре резко задребезжал звонок. Застучали сапоги, в канцелярию заглянул дежурный по роте.

— Побег! Строить всех. Посыльных — к офицерам и прапорщикам. Вызвать свободных от службы, — обычным своим спокойным тоном распорядился он, не поднимая головы.

Через две минуты Першин вышел в коридор, где, переминаясь, стояли человек пятнадцать — весь его резерв. Лица солдат равнодушные и любопытные. Равнодушные — у старичков, ожидавших очередную тренировку без особого энтузиазма; любопытные — у молодых, которым такие встряски, организуемые Першиным ежемесячно, пока не надоели.

— Товарищи, два наших сослуживца погибли на посту, — начал он чуть глухим голосом и откашлялся, чтобы скрыть волнение. — Осужденные, захватив оружие, бежали.

Теперь он говорил, как всегда, неторопливо, негромко, словно речь шла о самом обычном и никто не должен удивиться сообщению, но что-то уже совершилось в строю, он заметил, как на полувдохе открывається и застывает раскрытым рот у стоявшего перед ним солдата, и это почему-то задело его, словно он должен был оправдываться перед ними за свою вину. И вправду, именно этим — никем не объявленной и недоказуемой виной перед ними — больше всего казнили теперь Першин. И хотя знал, что никто из них ни в чем не может его обвинить, даже в малости, он все-таки заторопился:

— Нам надлежит перекрыть пути вероятного движения бежавших и задержать их или ликвидировать, ясно?

— Так точно, ясно, — глухо ответили из строя.

Теперь предстояло сообщить о случившемся в часть, в колонию, в милицию. Пока Першин названивал, повторяя слово в слово суть события, прибыли офицеры и прапорщики. Проверив их экипировку до мелочей, Першин отправил наряды. И только тогда, вопреки инструкции, отправился в радиорубку, чтобы сообщить в часть. Это он, как самое неприятное, оставил напоследок.

Он знал, что сейчас же получит выговор за то, что личности бежавших еще не установлены, что нет никаких подробностей, и в его решении на розыск отыщутся десятки изъянов, о чем ему тут же сообщат. Но медлить он не имел права, потому что в части тоже должны были принять меры, и чем скорее, тем эффективнее они могут быть.

К микрофону, как и опасался Першин, подошел начальник штаба. Выслушав доклад командира роты, он забросал его десятком вопросов, на которые Першин отвечал двумя словами: «уточняю», «выясняю», так что в конце концов телефон у него на ушах затрещал и, казалось, забрызгал слюной говорившего:

— Я давно говорил, что вы не командир роты, а тряпка! — Першин слышал об этом первый раз, но не удивился и не обиделся. — Немедленно к месту происшествия. Самому, лично возглавить поисковую группу, преследовать по следам до задержания!

— На кого ж я брошу роту? — пытался возразить Першин.

— Вы ее бросили в тот день, как вас назначили ротным, — отрезал начальник штаба. — Оставьте за себя замполита. Пусть держит связь с нами непрерывно, ясно? Я буду у вас к вечеру, все.

Першин не ожидал более легкого и вежливого разговора, и все-таки язвительные и несправедливые замечания подполковника больно укололи его. «Черт, — думал он, — кто же командовал ротой полгода? Да я здесь дневал и ночевал, и вот — благодарности».

Впрочем, он не имел права обижаться. Об офицере судят не по тому, сколько времени и сил тратит он на службу, а по тому, как у него обстоит дело. Этот незыблемый неписаный закон службы Першин уяснил с первых дней и считал справедливым, руководствовался им сам и по нему судил о подчиненных.

Но с некоторых пор в глубине души уверовал, что здесь есть прямая пропорциональность: чем больше ты в роте, тем лучше дела. И то, что больше бывать в роте он уже просто не мог, а дела шли не так гладко, как он хотел бы, он относил отчасти за счет своей мягкотелости, отчасти за счет равнодушия к службе своих офицеров.

Его замполит, которому он теперь передавал бразды правления, был другого мнения и не скрывал этого. Он был твердо уверен, что всей работы не переделаешь, и брался только за то, без чего обойтись нельзя, и был всегда довольтворен, поскольку все, что бы он ни запланировал для себя, выполнял без напряжения и в срок. Першин же считал, что планировал тот мало и делал нерасторопно, но пока все шло удовлетворительно, мирился с этим, решив при первом же серьезном промахе своего заместителя поставить его на место, заставить идти в ногу, работать в полную силу.

Но случай, который произошел теперь, слишком серьезен, чтобы этого не понял и замполит. И поздно ему, Першину, жалеть о том, что время упущено, меры не приняты. Тут на место всех, в первую очередь его, командира роты, будут ставить старшие начальники.

561

562

А пока он взял с собой двух солдат с рацией, прапорщика Еркина с розыскной собакой, забегая домой переобуться и захватить на всякий случай денег. Он присел к столу, набросал на листке что-то утешительное жене — она была на работе. Осмотрелся. Просторная холодная комната с остывшей громоздкой печью в углу, неуклюжая, как все здесь, мебель, самодельные книжные полки и сдвинутые рядом солдатские железные койки, аккуратно, не пока- зарменному накрытые покрывалами — скучная, надоевшая ему чуждая обстановка показалась вдруг такой уютной, успокаивающей, родной, что сердце защемило, словно он расставался с ней навсегда. Сколько раз он завидовал тем сослуживцам, кто остался где-нибудь на Украине и живет в благоустроенной, современно обставленной квартире, в комфорте. Невольно сравнивал их жизнь со своей и мечтал о том дне, когда осядет вот так же где-нибудь надолго, основательно. Сколько раз задумывался над несправедливостью служивой судьбы: все было одинаково в училище, получили одинаковые должности, одно и то же денежное содержание, а судьбы стали такими несхожими.

Особенно это раздражало жену, считавшую его чересчур шепетильным и несовременно идейным, не умеющим постоять за себя, излишне преданным службе, которая, в общем-то, мало что дает ему.

— Вот видишь, Ременного Васю орденом наградили! — на днях объявила она ему торжественным голосом. — И где он служит? В столице! А ты тут в лесу уже третье взыскание получил!

— Ну, так у него рота отличная, — возразил Першин.

— Можно подумать, что там такие же условия, как у тебя, — все удобства на ветру! — съязвила она.

Ох уж эти офицерские жены: их не обманешь. Знают они точно цену мужнего хлеба, умеют за них считать, что и как, могут дать точную характеристику всем подчиненным и начальникам мужа, готовы броситься в рукопашную за него хоть с самим начальником войск, но ничем не проявляют себя, только иногда, задетые чьей-нибудь, незаслуженной, на их взгляд, удачей, или обманутые — который раз — в своих надеждах, выскажут в запале своим мужьям все накипевшее, а потом мучатся из-за своей невыдержанности и бабьей вздорности: зачем, дескать, добавила соли на кровотокающую душу ротного офицера, и без того ему тошно. Жена Першина была из этого сорта, и если бы не ее терпение и покорность, он давно бы уже возмутился, пошел по начальству и через пять лет, как положено — или как говорили, что положено, — выбился бы куда-нибудь поужнее. Но ему дали роту, пообещали со временем академию, и он остался снова на неопределенный срок.

Посидев зачем-то на мягкой койке, он еще раз посмотрел, все ли необходимое вложено в командирскую сумку, и захлопнул дверь, не запирая. В поселке посторонних не было, и замков здесь не заводили.

Ехали на грузовой машине. Песчаная дорога, прорытая бульдозером меж холмов, заросших редковатым, уже выбранным лесом, петляла, открывая темную под солнцем, бесконечную тайгу. Спокойные дали, глазу не на чем остановиться. Размеренность и тишина убаюкивали. Все, казалось, здесь оостенело в этой буйной и неодолимой жизни, и Першин никак не мог привыкнуть к мысли, что едут они к смерти.

Еще не добрались до делянки, как на повороте заметили сбившихся в кучку людей в сером. Они жались к обочине, хмуро и недоверчиво следя за приближавшейся машиной. Першин грузно соскочил с высокой подножки, подождал, пока рядовой Левкин, пыля сапогами, строевым шагом подошел к нему и приложил руку к голове без пилотки.

— Товарищ старший лейтенант, за время службы произошло происшествие, — срывающимся тоненьким голосом начал он, и у Першина снова пробудилась неприязнь к этому тшедушному солдату, и опять он подавил ее: что поделаешь с мальчишкой.

— Где оружие? — оборвал он доклад.

Солдат потупился, замолчал, шевеля дрожжащими губами.

— Ну!

— Они с собой унесли.

— Как же ты-то цел остался? — снова борясь с раздражением, бросил Першин.

— Я в лесу ягоды собирал, а автомат оставил Козелкину, он приказал...

Першин сморщился, как при ангине. Ему стало все ясно. Он должен был держать во что бы то ни стало этих молодых и доверчивых парней в напряжении и бдительности, не позволять им ни на минуту отвлекаться, расслабляться. А тут явная осечка. Нет ему прощения за нее.

— Где бригадир? — обратился он к настороженной и молчаливой толпе.

— Здесь я, гражданин начальник, — поделился от нее, но не больше, чем на шаг, хмурый корявый мужик в картузе, надвинутом на самые брови.

— Подойди сюда.

Бригадир, опасно поглядывая на собаку и на угрюмых солдат с автоматами наперевес, торопливо приблизился, снял картуз, обнажая лысую, интеллигентного вида голову.

— Кто ушел?

— Воронин Михаил Алексеевич, статья 117, восемь лет, начало срока не знаю, и Харчин Леонид Иосифович, статья 108, срок десять лет. Они не из моей бригады, приехали, — добавил он, словно оправдываясь. — Им без вывода сидеть, из второй бригады они.

— Не из твоей? Как же ты их взял?

— Ну, пригрозили. Они на самом разводе ко мне пристали, перо под ребра сунули, ну, я и спужался. А у меня двое заболели, не вышли на развод...

Значит, просмотрели еще там, на разводе. Контролеры прорморгали. Черт их возьми! Он все время требовал, чтобы склонных к побегу осужденных знали в лицо, а эти наперняка склонные, да, он помнит их фотографии, а уж контролеры просто не имели права не знать их. Он припомнил, что сегодня на разводе бригад проверял

службу и не заметил особых недостатков. Смотрел, как обыскивают выходящих на лесозаготовительные работы, сажают в машины. Правда, когда выходила эта бригада, он отвлекся как назло — подозвал начальника колонии, был разговор по делу. Они стояли в стороне. Першин через плечо несколько раз посмотрел в сторону площадки, но точно не мог бы сказать, кто выпускал эту бригаду.

Еще одно против Першина: служба надзора не на уровне, сам контролирует ее поверхностно. Он представил себя в роли разбирающего его положение старшего начальника и уже сейчас, не вдаваясь в глубину, в детали, мог бы сделать бесспорный вывод, что командир роты бездельник, нетребовательный офицер, халатно относящийся к своим обязанностям — иначе никак не назовешь всю эту цепь просчетов одного дня. Но Першин подозревал, что это слово «халатный», довольно ходовое в их среде, в данном случае очень легко может быть разукрашено, подкреплено эпитетом «преступно». И тут ничего не объяснишь случайным стечением обстоятельств.

Приказав передать по рации данные на бежавших, он с прапорщиком Ериковым и солдатами направился к месту происшествия. Делянка лесоповала представляла собой квадрат, каждая сторона которого была километровой длины вырубленного на ширину в десяток метров и небрежно расчищенного леса. По этой просеке должны были ходить парные наряды, чтобы осужденные не выскользнули из зоны в тайгу. Кроме того, в зоне постоянно находились два-три контролера, периодически пересчитывающие осужденных в бригаде. Такая система позволяла своевременно заметить отсутствие кого-нибудь на рабочем месте и своевременно принять меры для розыска. Поскольку вокруг на десятки километров нехожена вырубленная тайга, бежать практически невозможно.

Но это — когда работала полная бригада и караул был полноценный. Этот же участок только готовили к разработке, оставалось еще кое-что подчистить, поставить домик для караула, разметить делянки, и сюда вывели девять осужденных, на которых он, Першин, скрепя сердце, назначил в караул всего три человека. Это было рискованно, но к риску Першин давно привык: солдат постоянно не хватало из-за болезней, отпусков, сборов, соревнований, хозяйственных работ и прочего, и прочего, что неизбежно там, где ведется почти натуральное хозяйство, не учитываемое никакими штатами.

Лес, разморенный, заснувший под плавающим, удивительно жарким для этих мест солнцем, пах дурманяще и приторно. Першин молча шел вслед за рядовым Левкиным, изредка поглядывая на его острые лопатки, спящие под курткой, выгоревшей и просоленной, словно Левкин недавно проделал многокилометровый марш с полной выкладкой.

«Черт, дают вот таких сопляков на службу, а здесь не мальчики сидят, преступники,— раздраженно думал Першин.— Как непросто сделать из этих желторотиков настоящих солдат».

Левкин шел не оглядываясь, торопливо, будто опасаясь, что его подтолкнут в спину, спотыкался о пни и прихрамывал на кочках. Першину вдруг стало жалко этого солдата, которого, наверное, придется судить за ротозейство.

Солдат меж тем все замедлял и замедлял шаги и, наконец, остановился вовсе.

— Там, товарищ старший лейтенант, — прошептал он и повел подбородком.

На просеке Першин увидел сначала тлеющие угли костра и чайник над ним, потом повисшую на молодой ели фуражку, и только затем глаз уперся в черную, чуть сбитую справа подметку сапога с запоздало набитой подковкой. Сержант лежал на животе, широко раскинув ноги, словно изготавившись к стрельбе. Першин заметил, что трава и мелкие елочки вокруг него были абсолютно не примяты, словно тот шел и вдруг споткнулся, лег вот так и замер. Но потом различил у головы несколько помятых кустиков и раздавленные ягоды голубики. Значит, кто-то подходил к нему отсюда. Он нагнулся к сержанту, потянул за плечо, переворачивая, что было нелегко, — тяжелым стал Козелкин после смерти. Перевернув его, Першин увидел выпученные мутные глаза на белом, как простыня, лице. «Где же рана, из автомата его, что ли?»

— Они его финки, вот так снизу, — донесся сзади голос Левкина, словно читавшего его мысли.

И тут только Першин разглядел темное пятно на левом боку куртки сержанта. Удар был безжалостный и точный — отретированный.

— Как же ты, дурашка, доверился? — проговорил Першин и обозлился на себя за эту высказанную вслух жалость.—Левкин, Павлов,— обернулся он,— в машину.

Солдаты неумело тыкались, пытаясь поднять еще гнущееся, выскальзывающее из рук тело товарища.

Картину случившегося Першин хорошо представлял. Расправившись с Козелкиным, бандиты из его же автомата пристрелили ничего не подозревавшего, ни к чему не готового второго часового, присматривавшего за костром, и только Левкин, собиравший ягоды, прибежавший на выстрелы, но не решившийся показаться, остался жить благодаря своей врожденной и не преодоленной за три месяца службы трусости. Зарывшись в мох за просекой, он наблюдал, как они собирали провизию и, никем не остановленные, поспешно скрылись в лесу.

— Куда они пошли? — задал Першину последний вопрос Левкину.

— Вот туда, — опять шепотом ответил тот, кивнув головой.

— Еркин, давай собаку, бери след, — проговорил, махнув рукой, Першин и тяжело опустился на срубленную сосну.

Розыск начался.

3. ЧЕРДАНЦЕВ, НАЧАЛЬНИК ШТАБА

Подполковник Черданцев, только что окончивший радиопереговор с Першиным, вышел из радиорубки, засунув руки в карманы брюк и сдвинув козырек фуражки набок. Этот неармейский, нестроевой вид

562
563

старого служаки был нередко поводом для острот младших офицеров части, любивших изображать Черданцева в разговорах о начальстве. Черданцев дослуживал уже не до пенсии — пенсию он давно заработал, — а до случая, страшись порвать с привычным для себя укладом жизни, без которого уже себя не представлял, давно и бесповоротно утвердившись во мнении, что дело, которое он делает, не только доступно единственно ему, но и единственно стоящее. Всю жизнь приспособиваясь к службе и терпя от нее, он в какое-то время уверовал, что без него лично она тоже не может протекать нормально, что без его глаза, вмешательства, распоряжений и команд она просто развалится, и с тех пор вел себя так, чтобы все вокруг приспособивались к нему. К подчиненным относился не то чтобы грубо, но считал большинство из них бездельниками и белоручками и потому называл их «сэрами». Видно, представление о том, что сэры в Англии — поголовно бездельники, сидело в нем с детства. Все по этому поводу пошучивали, но осторожно, ибо Черданцев шуток в свой адрес не любил.

Он вышел на плац, пустынный под лепящим солнцем, повертел головой, ища кого-нибудь, на ком можно было бы сорвать накипевшую досаду, и приметил в углу, в курилке, прапорщиков, весело травивших байки перед тем, как окунуться в работу после перерыва.

До Черданцева долетал хохот молодых ребят, увлеченных декламацией вошедшего в роль прапорщика Батова:

— Не для смеха, не для шутки назначается на сутки на какой-нибудь там сэра, а дежурный офицер. Как появится начальник, он орет во весь оральныйник, что в отсутствии того не случилось ничего!

Раздался здоровый, беспечный хохот ничем не озбоченных людей.

Этот грубоватый армейский юмор — в общем-то, в духе Черданцева — теперь разозлил его.

«У-у, бездельники, без руля и без ветрил! — подумал он. — Им и горя мало!»

— Батов, ко мне! — рявкнул Черданцев.

Прапорщик, застигнутый врасплох и сразу сообразивший, что Черданцев не в духе, бросил сигарету, на миг отвернулся, сунул руку в карман, достал из него галстук, ловко пристегнул его к рубашке и только потом быстро подошел к начальнику штаба, покорно и даже с некоторым интересом ожидая взбучки.

Черданцев подождал, пока Батов опустит после доклада руку от козырька, вылизал глазами его взопревшую физиономию, особо остановившись на галстук.

— Батов, давно я тебя наказать хотел. Но мокрому курицу меч не сечет. Быстро, бегом в финчасть, выпши мне требование на самолет до Голубичного и звони начальнику порта, чтобы самолет туда без меня не отправляли. Я сейчас буду, понял, ни кола, ни двора?

— Так точно, товарищ подполковник, тonya.

Глаза прапорщика излучали влюбленность и готовность ринуться хоть в огонь, хоть в воду, и это смягчило Черданцева.

— Ну, действуй. И чой-то ты такой мокрый, как гусь?

— Жарко, товарищ подполковник.

— От баек, что ли, разогрелся? Гм, доберусь я до тебя, Батов! И это, — ткнул он пальцем в грудь прапорщику, — замени. Не галстук, а вчерашнее меню.

— Так точно!

Черданцев быстро зашагал к штабу и, пока шел по длинному коридору с дверьми налево и направо, громовым голосом выкрикивал фамилии нужных ему офицеров, в абсолютной уверенности, что его прекрасно слышат за каждой из этих плотно закрытых дверей. И действительно через несколько минут в кабинете начальника штаба уже собрались все, кого он вызвал.

— Вахрушев, готовь донесение в дивизию, Семенов — садись на связь, Мингазев — готовь оперативные группы, — говорил он так, словно присутствующим уже давно были известны все подробности происшедшего, и никакой информации им не потребовалось. Черданцев в самом деле не сомневался, что штаб сработает как надо: операция представлялась ему несложной, хотя и требовала много сил. Места вокруг Голубичного он хорошо знал и был уверен, что далеко преступники не уйдут, от него требовались сейчас лишь обычные типовые команды, сотни раз отретепированные на тренировках и учениях.

Не раз он вспоминал в последнее время ушедшие годы, запомнившиеся ему поисками и операциями, каких становилось все меньше, и казалось, что его способности уже просто не находят применения, и ту работу, которую он делает, может исполнять любой молодой «шелкопер» с академическим ромбом, какие попадались теперь в каждом батальоне. И Черданцев тосковал, охал, жаловался, грозил кому-то, что уйдет на пенсию, купит домик на Днестре и будет ловить рыбу, но никто не верил ему, и сам он размышлял об этой неизбежности с отчаянием и внутренней дрожью.

Сегодня, складывая километровку района розыска, он подумал, что это, наверное, его последняя операция, потому что, как бы она ни завершилась, его на месте не оставят — слишком серьезен был провал в организации службы и слишком видны были его личные недоработки в этом. Досадовал он больше всего на себя, а потому и не сдержался, излив свою досаду на командира роты. Потом, уже в машине, успокоился.

— Мы еще им покажем, мы им всем покажем, — сказал неизвестно кому...

4. КОВРОВ И ВИКА

Старшего лейтенанта Коврова сигнал тревоги застал в постели: спал после ночного дежурства. Долго спал, хотя обычно в такие дни он брал в руки книгу — учебник по химии. Твердо решив поступить в академию, он старался не растерять знаний, полученных в школе и училище, но цель была пока далека, и он ловил себя на том,

что мысли блуждают далеко от науки. В мечтах он давно обогнал свой сегодняшний день и легко шагал по ступеням военной карьеры, представляя себя в любой роли, внимательно приглядываясь к старшим офицерам и генералам, незаметно для себя перекиная у них некоторые манеры, чем нередко вызывал насмешки однополчан.

Наметив себе быструю карьеру, он не торопился с женитьбой, мечтал выбрать себе подругу, достойную его будущего, какую именно, он еще не представлял точно, но среди своих знакомых подходящей пары не находил. Высокий, гибкий, с большими черными глазами на светлом никогда не загорающем лице, он без труда привлекал женское внимание и давно понял, что завоевать благосклонность многих из женщин ему не составит хлопот. Ему подошла бы женщина на время, но в поселке, где каждый его шаг был под контролем десятков дружелюбных или осуждающих глаз, он интрижек не заводил, рассчитав, что всякое, пусть даже невинное, увлечение здесь легко обростет сложностями. Для поселковых девушек он был слишком завидным женихом, и они по простоте нравов считали, что поцелуй уже и есть приглашение в загс. Ковров старался держаться от них на отдалении, за что прослыл гордецом и женоненавистником.

На самом деле это было далеко не так. Он едва сдерживался, чтобы не излить свои чувства любой хорошенькой девчонке, с усилием подавляя в себе избыток чувственности и откладывая все до поездок в город, где его никто не знал и он не был ничем связан. Выравшись в командировку, он быстро с кем-нибудь знакомился и в его записной книжке было несколько адресов, где его всегда ждали. Но и здесь, следуя избранной тактике, он остерегался длительных знакомств, обрывал их так же легко, как и заводил.

И все-таки потребность любить, а не только пользоваться любовью, заложенная в каждом здоровом человеке, сработала, и сработала явно не по его плану. Он, кажется, влюбился, и влюбился как раз в ту женщину, которая меньше всего, исходя из его соображений, ему подходила. Это была Вика Тылюк, жена их заместителя начальника штаба. С виду девочка, на десять лет моложе своего мужа, она была из хорошей городской интеллигентной семьи, закончила по настоянию родителей консерваторию. Появившийся вскоре у них по соседству бравый капитан Тылюк, человек незнакомой ей, а потому романтической военной профессии, вмг вскружил Вике голову, и как ни протестовали родители, она тут же согласилась выйти за капитана замуж. Не последнюю роль здесь сыграла надежда вырваться из-под слишком пристального надзора родителей, обрести самостоятельность и жить так, как ей до сих пор запрещали.

Три года совместной жизни промелькнули одним мгновением. Она нашла необременительную работу преподавателя музыки в детском саду, и ее влюбленность в мужа скрадывала все недостатки жизни в тихом городе. Вика была уверена, что он вскоре сделает блестящую карьеру, его переведут куда-нибудь в центр, быть может, в Москву,

где она войдет в круг знакомств достойных и приятных. Однако постепенно начинала понимать, что выбор ее не из лучших. Муж пропадал в командировках, был занят службой так глубоко, что для других интересов у него не оставалось ни времени, ни сил. В несчастные вечера, свободные от дел, он никуда не хотел идти, ничего не читал, не интересовался ее рассуждениями о театре. Но больше удручало его нежелание иметь детей: пока, говорил он, у него все не устроится к лучшему. Но она видела, что это надолго, если не навсегда. А тут еще целая полоса служебных неудач мужа, задержка со званием... Она считала, да и сам он об этом говорил, что дала ему счастье, пожертвовав собой. Она как бы давала ему свою жизнь в долг, ожидая, что он расплатится потом, обеспечив ей Москву или, по крайней мере, крупный областной центр в недалеком будущем.

Все это остудило ее чувства, и Вика чаще смотрела на себя в зеркало, лоя усталость в глазах, намекающиеся морщинки, с ужасом думая, что стареет, так ничего и не изведав в жизни. Муж стал находить ее задумчивой и тихой, пытался разведать, что происходит, но у Вики был редкий дар женской невозмутимости — она ничем не выдавала того, что творится у нее на душе...

Однажды она уехала в отпуск одна, не пожертвовав летом ради мужа, как было вот уже три года подряд: у него из-за служебных дел отпуск выпадал на зимние месяцы. А тут она сослалась на горящую путевку, усталость, желание погреться на солнце и отправилась к Черному морю. Угрызения совести, поначалу мучавшие ее, заглохли тем, что он сам настаивал на этой поездке, предполагая, что она, привыкшая к его опеке, скоро соскучится, и все к ним вернется. Но у Вики были другие планы на свою вольную жизнь. Уже на третий день она познакомилась с каким-то не то физиком, не то химиком, почти ровесником, кандидатом наук, восходящей звездой, по его словам, и была околдована. Двадцать дней она не помнила себя от счастья, его преданности, клятв в любви, она была потрясена целым миром обожания, ревности и страдания, которым он ошеломил ее. Все это так отличалось от мягкой, бескрылой влюбленности, робкой почтительности, постоянного благоговения перед ней со стороны мужа, что она бездумно покорилась своему физику-химику, каждый день клявшемуся в вечной любви и рычавшему на ее мужа, предлагая тут же отбить ему телеграмму и уехать с ней в Африку, куда его вскоре пошлют, и где они начнут настоящую жизнь; и она почти соглашалась с ним, раздумывая только над тем, как ослабить готовящийся ей удар мужу. Но на двадцать первый день ее избранник исчез. Их общий знакомый — его приятель, который им завидовал и ревновал глупо и открыто, жестоко и холодно объяснил, что у химика-физика двое детей и любимая жена, к которой он и отправился, вполне удовлетворенный отпуском. Она была ошеломлена, а он, питаемый каким-то злым чувством, все спрашивал: «Милая, что ж вы и в самом деле не догадывались об этом? Это ж банально! Ах, это женское

132
164

притворство!» Объяснения происходили в тени пустынного парка, Вика была так потрясена, что не могла найти в себе сил тут же уйти от этого свидетеля ее унижения и глупости, и беспомощно глядела на него своими невинными синими глазами. Весь день она пролежала на постели в санаторной комнате, то плача, то бездумно глядя в пустое небо за окном, потом постепенно успокоилась и со страхом и скорбью возвратилась домой.

С тех пор она стала молчаливой и осторожной с мужем и не рисковала заводить случайных знакомств. Пока не встретила Коврова.

Ковров в тот свой приезд в город был в ударе. Лихо закрутив кончики черных усов — объект яростных атак Черданцева, которые Ковров легко отбивал шутками и покорными «есть», «сбрею», тут же забывая это свое обещание, как чепуху, — он появился перед начальником штаба доложить о прибытии.

— Ну ты наглец, Ковров! Сколько раз я тебе говорил — сбрей усы, а? Трубишь, трубишь во все колокола, а дело с места не клеится — так, кто ли, товарищ лейтенант? — встретил его Черданцев, по обыкновению, путая все пословицы и поговорки.

— Устав не запрещает носить усы, — с располагающей улыбкой парировал Ковров.

— Устав! А найди, где записано, что разрешается? — ярился подполковник. — Забыл, что устав дополняется и изменяется командирами?

— Никак нет, этого в уставе не записано, что изменяется.

— Так запишут!

— Как запишут — в тот же день сбрую, товарищ подполковник!

Разговор шел на грани шутки, и Черданцев не приказывал ничего — нелепых приказов он вообще не отдавал, но ему хотелось заставить этого юнца подчиниться. Он понимал, что можно было «надать на мораль» — осмеять, охаять, но если быть искренним, Ковров ему нравился спокойствием, выдержкой, невозмутимостью в любых самых щекотливых обстоятельствах, умением «принимать удары» начальства без возмущения и обид, с шуткой, и он давно досадовал, что такой офицер еще не ротный, считал, что не Першина, а Коврова нужно было назначить на роту, несмотря на то, что Першин старше и опытней. Назначение это состоялось без него, и поправить Черданцев ничего пока не мог (он только и сказал Коврову: «Эх, ту бы шапку, да не тому Сеньке!»), а отдавать такого офицера в другой полк он не хотел, поэтому и обещал Коврову роту при первой okazji, и обещание свое не забывал. Ковров чувствовал особое расположение к себе начальника штаба и позволял некоторую свободу в отношениях с ним, никогда, впрочем, не выходящую за черту дозволенного субординацией.

— Ладно, я тебе сейчас дам время на парикмахерскую, — все еще ворчал Черданцев. — Бери мою машину и кати. Заодно заедешь к Тылюку — он, видите ли, заболел, пластмассой лежит, — возьми у него ключи от сейфа.

Когда Вика открыла ему на звонок, Ков-

ров почему-то смутился. Он посчитал, что попал не в ту дверь.

— Простите, здесь живет майор Тылюк?

— Да, проходите.

Она пристально и изучающе посмотрела на него и улыбнулась, откинув упавшую на лоб прядь волос.

Ковров неловко потоптался в прихожей, не зная, как ему быть с сапогами, — впереди на полу разметнулся светлый, с длинным ворсом ковер, и ходили в доме, очевидно, в мягкой обуви.

Она заметила его нерешительность.

— О, да вы не смущайтесь. Вот вам шлепанцы мужа.

«Мужа?» — недоумевал Ковров. Он не мог представить, что у неказистого майора может быть такая блистательная и молодая жена. «Везет же людям!» — с внезапной завистью подумал он.

Она принесла ему нерпичьи домашники и, грациозно наклонившись, мягко опустила их на пол. Ковров успел заметить в распахнутом халатике высокую белую-пребелую округлость ничем не стесненной груди и воровато отвел взгляд.

— Вы знаете, — замаялся он, — мне только взять ключи, я не могу остаться.

— Но придется, — снова засмеялась она. — Он в поликлинике, скоро вернется.

— Но...

— Да вы не бойтесь, я вас не стесню.

Ковров маялся по другой причине. Он в сапоги не носил носков, предпочитал портянки, и теперь каялся — было неловко показывать свои голые ноги. Но деваться было некуда, он, краснея и злясь на самого себя, стянул сапоги и сунул розовые ступни в мех тапочек.

Она усадила его в кресло и вышла на кухню, а он рассеянно листал «Огонек», оглядывал квартиру, где все было уютно-красиво и ничего лишнего. Диван, два кресла у журнального столика около окна, пианино, несколько картин по стенам, кажется, оригинальных, и ковер на полу, объединяющий всю обстановку, — уютно, чисто... В мечтах именно таким и представлял он свое будущее жилье.

Через некоторое время хозяйка внесла на подносе маленький керамический кофейник с двумя чашечками, осторожно поставила перед ним и села в свободное кресло, подняв на него свои внимательные и не улыбочивые глаза.

— Расскажите мне что-нибудь? — в голосе ее он уловил каприз и приказ, еще более смутивший Коврова.

— Автобиографию?

— Ну, если нет ничего интереснее...

— А вы уже догадываетесь, что будет скучно? — уязвленно бросил он, не скрывая эту уязвленность.

— Нет, я не то хотела сказать, — исправила она свою оплошность мягкой улыбкой.

— Собственно, вы правы. Я жил скучно, и все значительное еще, надеюсь, впереди.

Она еще раз внимательно и серьезно посмотрела на него и проговорила: «Счастливей».

Он молчал, глотая кофе, и ему было мучительно тягостно: он не знал, как с ней обращаться, в голове не было ничего, что

бы подходило для разговора, он вдруг понял, что все его приемы обращения с женщинами не годятся для нее, вся эта его банальность, безошибочно действовавшая на других, так не шла к тому, что он видел перед собой. Его жгла мысль, что вот эта женщина, которая могла бы составить счастье кому угодно и — он боялся признаться — ему, оказалась собственностью такого серенького человека, каким ему представлялся Тылюк. Что она в нем нашла?

«Черт тебя побери, если ты не добьешься ее расположения», — выкрикнул кто-то внутри у него, и он испуганно поднял на нее глаза, опасаясь, не услышала ли она этот безмолвный крик, и смешался, встретив на себе ее упорный, разоблачающий взгляд.

Она несколько мгновений смотрела на него так строго, потом весело засмеялась. У него было впечатление, что он перед ней — как нашкодивший школьник перед проницательной учительницей. Он резко поставил свою чашку на столик и встал.

— Мне, кажется, никогда больше ждать, спасибо за кофе, — сказал, кусая губы.

— Ну что вы, посидите немного, муж скоро будет.

Он почему-то удовлетворенно отметил, что она называет его «муж», и никак не иначе.

— Нет, все равно не могу. Меня машина дожидается.

— Что ж, если так, не смею неволить, — она поднялась с кресла и стала рядом, кокетливо склонив голову.

Он отчетливо ощутил жжение ее плеча и неожиданно для себя наклонился, резко притянул к себе Вику и отыскал губами ее губы. Только когда у нее уже не хватило дыхания, она легко отодвинулась, медленно отвела его ослабевшие руки и вlepнула ему пощечину.

— Вот так, юноша, отвечают на хамство. Вы еще не знали этого? — голос у нее был очень спокойный, даже усталый. — А теперь уходите. Хотя вы заслуживаете большего.

Он пулей выскочил в прихожую, кое-как замотал портянки и, хлопнув дверь, помчался вниз, чуть не сбив медленно поднимавшегося по лестнице Тылюка.

— Вы ко мне? — поднял на него майор сонные глаза.

— Да. Черданцев поручил мне взять ключ.

Пока майор снимал с брелока нужный ключ, он несколько раз взглянул на возбужденного лейтенанта, но ничего не сказал.

...Ковров сел на заднее сиденье машины, посмотрел в зеркальце, ожидая увидеть покрасневшую щеку. Но увидел на своих губах полоску темной помады. Неужели Тылюк заметил?

Он был так расстроен, что на вопрос водителя, куда ехать, выпалил бездумно: «В парикмахерскую».

В парикмахерской он спохватился только тогда, когда ему аккуратно добрили остатки его усов.

Усы скоро отросли, но мучительный стыд от происшедшего с ним в квартире Тылюка возвращался всякий раз, когда он ви-

дел майора. Ковров подозревал, что тот о чем-то догадывался, — неужели она рассказала ему?! — и старался не попадаться Тылюку на глаза.

А Вика Тылюк все не уходила от него. Стоило ему остаться одному, задуматься, как она возникла перед ним, и голос ее звучал рядом...

5. ПО СЛЕДУ

Первым на следы беглецов напал Першин — наткнувшись на избушку смолокуров, в ней все было раскидано и затоптано. Здесь явно побывали чужие. Теперь надо во что бы то ни стало связаться со штабом и передать им эти сведения. Розыск, можно считать, подошел к последней, заключительной стадии: уйти беглецам будет просто невозможно, если штаб сумеет стянуть быстро все силы к этому району.

Но чтобы установить связь, нужно было или всрнуться по нехоженной тайге километров десять-двенадцать, или попытаться взобраться на один из косогоров, поднять рацию на сосну повыше и пробиться в эфир. То и другое было непросто: приближалась ночь, солдаты устали после четырех дней бессонных напряженных блужданий, и все же Першин решил осуществить второй вариант: он казался ему не таким трудным. Чтобы не дать беглецам оторваться от преследования, сообщить в штаб о своем открытии нужно обязательно сегодня.

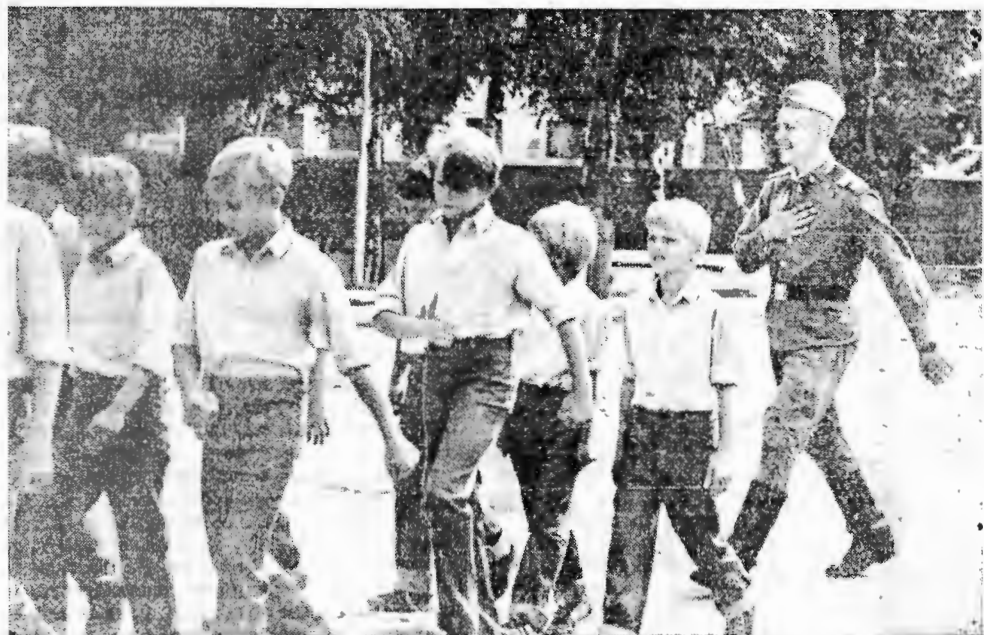
Вместе с радистом он отправил сержанта Напольного и теперь, расставив дозоры боевого охранения, приказал всем спать, а сам присел у избушки, вытянув гудевшие ноги и прислонив к бревнам затекшую, негнущуюся, как при радикулите, спину. Голова была тяжелой, в ушах стоял непрерывный шум, словно он летел в вертолете. Першин смотрел на бледное ночное небо с неяркими, расплывшимися звездами, роящимися в вышине, и ни о чем не думал, коротая время. Он приказал Напольному вернуться через четыре часа, а чтобы они не заблудились, здесь, в низине, на левом фланге, распорядился держать наряд, периодически подававший два долгих сигнала фонарем в сторону, откуда должны были появиться радисты.

Першин то проваливался куда-то в дрему, то приходил в себя от пронизывающего холода: ночью в лесу температура падала до нуля. Он поглядывал на часы и с каждым разом все больше волновался: радист и Напольный не возвращались. Нужно было что-то предпринимать, и он отправился проверить наряды, шел нарочито шумно, поругиваясь вполголоса, когда наткнулся на сучок: солдаты должны были издали понять, что идет свой.

Еще издали заметил свет фонаря, неподвижно освещавшего кусок леса вокруг кромешной темени, и ускорил шаг. Наконец, рассмотрел, что фонарь лежит на пенке и светит сам по себе, а дозорные, свернувшись друг возле друга, спят.

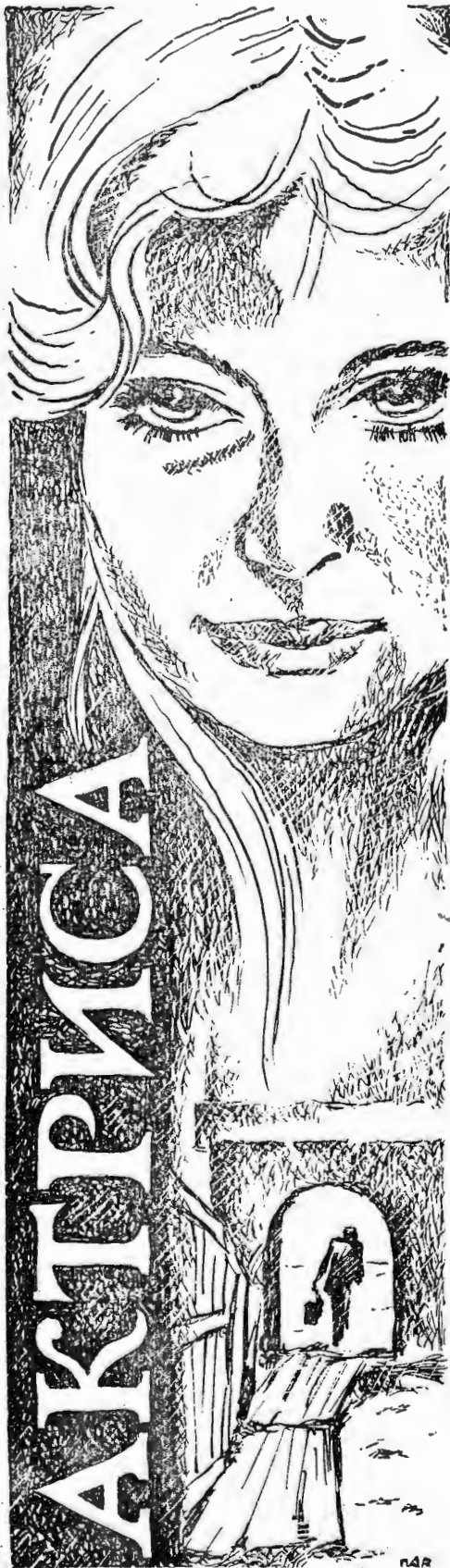
(Окончание следует)

564
565

■ ПУСТЬ ВЫПРАВКИ НЕТ У ОТРЯДА
И В НОГУ НЕПРОСТО ИДТИ,
ЗАТО КОМАНДИР — ТО, ЧТО НАДО,
И СТРОЙ НАСТОЯЩИЙ ПОЧТИ.

«...А САПОГОМ БЛИСТАТЬ ОБЯЗАН!»
Фото капитана И. АКИМОВА.

Станислав ПЫЛЕВ

Владимир САМОВАРЩИКОВ

ИЗ РАССКАЗОВ
ЧЕКИСТА ЖИХАРЕВА

Война, как швея искусная, со мной обходилась. Прощивала и штопала, но оставила-таки жить. Был я, правда, сначала офицером-десантником, да вот схлопотал очередную порцию свинца и сам понял: придется переквалифицироваться...

В один из дней и навел меня в госпитале товарищ, всю мою дальнейшую судьбу определивший. Пришел он в штатском, что непривычно тогда было, сказал, что рассмотрело соответствующее начальство мою кандидатуру на предмет работы в органах, приняло во внимание, что имею я боевой опыт борьбы с разной нечистью.

Ну, я человек военный, а раз начальство решило, то мне только и осталось поинтересоваться, чем конкретно заниматься буду. И услышал в ответ поначалу не очень понятное для меня: «Займетесь уголовно-преступным элементом с уклоном бандитизма».

Занялся. И суть сих слов постигал уже в процессе службы. Что из первых дел запомнилось? Да все. Вот взять хотя бы историю, о которой сейчас и хочу рассказать.

Началась она, как и многие подобные истории, вроде бы из ничего. Как-то осенью — в сорок седьмом дело было — вызывает меня Иван Егорович Задорин, наш начотдела, и говорит:

— Будешь присутствовать при допросе гражданина Воробейчика. Слушай и мотай на ус, пригодится.

В кабинете Задорина полумрак, я сижу в углу возле окна, слушаю показания свидетеля, который в мельчайших подробностях вспоминает о том давнем дне, когда город оставили наши войска. И так, я слушаю и представляю все события, как на киноленте.

...Только город стал ничейным, мародер Воробейчик, проскочив в объятые пламенем окно, затопал сапожищами по коридору. Распахивая поочередно двери, он шарил по служебным кабинетам банка, наталкиваясь каждый раз на пустые сейфы. Поглядывая с опаской на горевшие стены и потолки, готовые вот-вот рухнуть, он нырнул в подвальное помещение и, споткнувшись, растянулся на цементном полу. Не поднимаясь, огляделся и увидел страшную картину: привалившись к распахнутой металлической двери и запрокинув голову, сидел мертвый боец с покрытым засохшей кровью лицом. Левая рука его и половина груди были изрешечены пулями, а правая, опиравшаяся на брезентовый мешок, сжимала пистолет. Возле его ног лежали трое в штатском.

Рис. А. Пономарева.

Преодолев страх, Воробейчик поднялся, подошел к военному и придвинул к себе ногой мешок. Лишившись опоры, мертвец завалился набок, угрожающе нацелился в мародера. Тот вцепился в пистолет, но как ни силился, завладеть им не смог. Тогда он стал поочередно обшаривать карманы штатских, принялся потрошить мешок, в котором, к его огорчению, оказалось всего несколько пачек денег, чистые бланки сберегательных книжек, перевязанные накрест шпагатом, а также штампы и печати.

Сложив добычу снова в мешок, он пошел в хранилище. Убедившись в том, что оно пусто, развернул загодя припасенную матрасную наволочку, сунул туда мешок и, задыхаясь от едкого дыма, выбежал из здания банка. То и дело его перегоняли или спешили навстречу люди с мешками, ящиками, коробками. Воробейчик остановился возле продмага, поправив мешок, нырнул в огромную витрину, разбитое стекло которой ошетинилось острыми, как штыки, осколками. Глотая едкий дым, Воробейчик схватил куль с солью.

Раскалившаяся в пламени черепица на крыше начала рваться с такой силой, что в магазине люди приняли это за артиллерийский обстрел и, бросая продукты, стали выбегать на улицу. Только Воробейчик не растерялся со своей добычей: взял много. Он с разбегу разнес стекло витрины и, осыпаясь градом осколков, повалился на мостовую. Чувствуя, что до дома не дотянет, решил спрятать награбленное в разрушенном здании. Здесь его и настиг некто Генриг Голубовский. Деньги и сберкнижки отобрал, а мешок соли оставил...

Воробейчик рассказывал о жизни в оккупированном фашистами городе и снова упомянул Голубовского. По его словам выходило, что Голубовский совершил крупную аферу в отношении какого-то интендантского ведомства, чем вызвал гнев оккупантов и якобы был ими расстрелян. У капитана Задорина возник резонный вопрос: откуда, мол, тогда выплыли сберкнижки? Не моргнув глазом, Воробейчик сказал: «То дело могла свершить пани Регина». И, отвечая на вопросы Задорина, довольно-таки убедительно аргументировал свои доводы.

Я не знаю, зачем это понадобилось капитану, но в конце допроса он велел Воробейчику еще раз назвать причину, побудившую его прийти к нам. Тот, видимо, к концу допроса преодолел страх и потому отвечал спокойно, уверенно. Как и вначале, повторил все почти слово в слово. Он говорил о том, что узнал от соседа об открывшейся возле рынка сберегательной кассе и, наслышавшись о предстоящей денежной реформе, отправился туда и положил на книжку семьдесят тысяч. А когда услышал, что сберкасса эта оказалась липовой, что орудовали там преступники, побежал в милицию, забыв даже о своих серьезных грехах.

Мы остаемся в кабинете вдвоем с Задорным. Тот дает мне кое-какие пояснения:

— До чего обнаглели, паразиты! Государственное предприятие использовали. Постовой — раззява, даже сам порядок в очереди устанавливал... Представляешь, намазали на киоске вывеску «Гострудсберкасса», номер обозначили. Два дня принимали вклады от населения.

— В голове такое не укладывается.

— Надо, чтоб уложилось, — с укоризной глянул на меня Задорин и вытащил из ящика сберегательную книжку. — Вот один из многих экземпляров. Воробейчик утверждает, что это книжка из банка, из того, который он в войну посещал.

Я долго рассматривал записи, печати, штампы, подписи, а потом сказал:

— Не придержишься. Либо они инструктаж от кого-то толковый получили, либо среди них работник этой сферы.

— Сфера... — насупись Задорин. — Она, эта сфера, не один миллион сварганила. Хорошо, когда местные... А если вдруг залетные? — Задорин сел и, пристально взглянув на меня, спросил: — Армейская форма у тебя в порядке?

— Как перевели к вам, так и пылится второй год на вешалке, — недоумевая, зачем это понадобилось, ответил я.

Задорин снова порылся в ящике стола, достал оттуда офицерское удостоверение личности и, указав куда-то вверх, проговорил:

— С начальством согласовано. Обстановка требует, чтобы ты на время стал прежним гвардейским лейтенантом. Сейчас военная форма самая популярная одежда, — крутнувшись на стуле, открыл тяжелую дверцу сейфа, вытащил кипу папок, найдя нужную, сказал: — Вот отправные данные. Читай, запоминай и пойми, что Регина — пока единственная наша зацепочка, да и та дохленькая. Задача тебе — познакомиться с ней. Есть у тебя в этом опыте, были невесты?

— Была, — ответил я.

— Ну и кто кому от ворот поворот показал?

— Война показала, Иван Егорович. Убили ее фашисты.

— Прости, Жихарев... Но к делу вернемся. Регина нас заинтересовала потому, что была когда-то замешана в подобной махинации, да и возле этой сберкассы не раз вертелась. И потом, она была женой Голубовского, того самого, о котором говорил Воробейчик. Словом, готовься в эту субботу в театр идти, Регина туда билет взяла.

В фойе театра капитан Задорин указал мне еле заметным кивком на жгучую бронежилетку и направился в партер, рассматривая на ходу программу, отпечатанную на плохой серой бумаге...

Вышел я из зала за несколько минут до окончания спектакля и выбрал место для наблюдения. Мне не терпелось проверить себя, узнаю ли я Регину в верхнем платье. Она оказалась в группе последних зрителей.

Сопровождая ее на почтительном расстоянии, я думал о том, что Задорин наверняка

состроит недовольную мину, когда узнает о моей неудаче со знакомством. А между тем до дома Регины оставались буквально считанные метры. И вдруг, откуда ни возьмись, вынырнул военный солидного сложения и взял ее бесцеремонно под руку. Вдвоем они прошмыгнули в подъезд.

Я перешел на противоположную сторону узенькой улочки и стал наблюдать. Спустя несколько минут в квартире первого этажа вспыхнул свет, и по силуэтам, обозначившимся на тонкой шторе, было видно, как они ходили по комнате, а потом уселись возле стола. По силуэтам я определил, что Регина сняла пальто, а военный по-прежнему находился в шинели. Мне подумалось, что он долго задерживаться не будет. А если так, то его надо обязательно установить. В противном случае Задорин такую стружку снимет, что будешь всю жизнь помнить.

Рассуждая сам с собой в таком духе, я вдруг увидел, как мужчина стремительно вскочил и, нависнув над Региной, заслонил ее. Я метнулся к окну и услышал два глухих выстрела. Сломая голову я бросился в подъезд и рванул дверь с такой силой, что крюк со звоном запыргал по цементному полу. Вбежав в комнату, я только было хотел командирским голосом рявкнуть, что, мол, здесь произошло, но почему-то почувствовал, что военный находится сзади. Круто повернулся и оказался под дулом вальтера.

— Шо тебе здесь треба? — зашипел военный, одетый в форму интендантского подполковника.

— Услышав стрельбу, вы, товарищ подполковник, поступили бы так же, — всматриваясь в его обрюзгшее лицо, проговорил я.

— Иде оружие? — не обращая внимания на мои объяснения, спросил он.

— Вы за это ответите, — предупредил я, хотя уже понял, что это за «подполковник».

— Руки за шию! — снова рявкнул он и уперся пистолетом в мой живот.

Глядя на дульный срез вальтера, я с ледяной сердце жутью ожидал выстрела. И еще думал, что если он убил Регину, то не будет церемониться и со мной. Я знал бандитскую повадку стрелять в живот. Но такое оцепенение длилось считанные мгновения. Поднимая руки, я проговорил намеренно робко:

— Пистолет в правом кармане. Берите и разойдемся. Он у меня трофейный, начальство не взыщет. — Сказал и еле заметно отступил назад.

— Не шутковать, быдло! — предупредил бандит и, чуть нагнувшись и подавшись корпусом вперед, полез ко мне в карман, отчего его правая рука, сжимающая вальтер, оказалась где-то возле моего бедра.

Воспользовавшись этим, я ударил сапогом по руке и выбил пистолет. Бандит нацелился головой в живот, но я увернулся, и он грохнулся о ножку стола. Я подскочил к нему и вложил в свой удар всю силу. Бандит что-то прохрипел, обмяк. Наступив ему на ноги, я быстро снял брючный ремень и стал сводить здоровенные руки за спину. Он так сильно крутнул корпусом, что я отлетел к стене. Выхватил браунинг, но за короткие секунды бандит успел вы-

566
567

скокить за порог. Я выстрелил несколько раз в дверной проем, потом выскочил на ночную, тускло освещенную улицу... Уже позже я узнал: он так красиво обвел меня вокруг пальца, что, узнав об этом, я опустил глаза при встрече с капитаном Задорным. Бандит поднялся на второй этаж и затих. Потом, пока я стоял на улице и раздумывал, он вошел в квартиру, под угрозой пистолета приказав хозяевам оставаться на местах, а сам распахнул окно и был таков. А утром в милицию пришла владелица квартиры и рассказала, что ночью к ним зашел офицер (подполковник!), страшал оружием и выпрыгнул в окно. Мы, конечно, приняли меры к розыску, но увы!

...В общем, стою я на улице и не знаю, в какую сторону податься. Смотрю, катится медленно виллис, и оттуда — голос нашего капитана:

— За углом.

Он встретил меня за углом и сердито спросил:

— Что у тебя там произошло? Соседи прибежали в милицию и сообщили, что во второй квартире стреляют. Спасибо, дежурный расторопный, потому и до нас дошло...

— Стреляют, — еле выдавил я.

Капитан психанул.

— Так чего же ты мямлишь, Жихарев? Не попадая зуб на зуб, я доложил, как оказался один на один с бандитом. Капитан велел оставаться на месте, а сам метнулся к виллису. Когда машина, взвывая двигателем, выскочила из переулка, он подошел и уже более спокойно заговорил:

— Ты уверен, что Регина убита? Ты сам видел?

— В том-то и дело, что нет, — выбивая зубами дробь, вяло отвечал я, надеясь, что капитан немедленно отправит меня отдыхать.

Но он упорно не хотел замечать этого.

— Вернешься на место... Действуй по обстановке. Хотя, — капитан зачем-то глянул на фосфоресцирующий циферблат наручных часов. — Сейчас должны прибыть сотрудники, согласно заявлению соседей...

— У меня армейское удостоверение, — напомнил я.

— Хорошо, я подстрахую, — сказал капитан и легонько подтолкнул меня в спину.

Стиснув зубы, я пошел обратно, втолковывая себе, что должен во что бы то ни стало сдерживать расхолодившиеся нервы.

Перешагнув порог незапертой квартиры, я буквально ошел. В тяжелом атласном халате Регина как ни в чем не бывало стояла возле громоздкого буфета и гремела посудой.

— Разве можно так ссориться из-за женщины?! — надув сочные губы, упрекнула она.

Я готов был услышать что угодно, но только не этот хорошо отренетированный хладнокровный упрек. «Позавидуешь такой выдержке, — подумал я. — В нее стрелял бандит, меня чуть не убил, а она хоть бы хны! Предметный урок классической выдержки...»

Видя, что я топчусь в нерешительности, она подошла, сбдав меня терпким запахом косметики, и проговорила:

— Первое, что вам надо сделать, это привести себя в порядок, а потом — крепкий кофе.

Я переложил браунинг в карман бриджей, снял шинель и направился к вешалке. И тут вспомнил, что где-то должен валяться пистолет бандита.

Я восстановил в памяти тот момент, когда выбил у него оружие. Я не ошибся: вальтер лежал среди обуви, выставленной в прихожей. Мне подумалось, что Регина искала его и если бы нашла, то наверняка бы спрятала. Я нарочно уронил шинель и положил в ее боковой карман тяжелый вальтер.

Тем временем Регина вынесла полотенце и распахнула дверь ванной комнаты. Выходя оттуда, я чуть было не столкнулся с сотрудниками милиции. Рослый старший лейтенант подмигнул мне и обратился к Регине. Я понял, что с ним уже говорил капитан Задорин.

— Хозяйка, — весело спросил старший лейтенант, — что тут у вас за шум был? Соседи к нам за помощью прибежали.

Регина глянула на меня и певучим голосом ответила:

— Нет-нет, все хорошо. Вы должны знать, что мужчины иногда проявляют горячность.

— По долгу службы обязан проверить документы. Прошу, — проговорил старший лейтенант.

Регина достала из сумочки паспорт и положила на стол. Я последовал ее примеру:

Старший лейтенант записал что-то в блокнот и, пожелав спокойной ночи, вышел.

— Закройте дверь на щеколду, — сказала мне Регина и погрозила пальчиком. — Представляю, какой вы силач, если такой крошечке вырвали.

Я еще раз убедился, что она все видела и, конечно же, искала пистолет.

Попивая маленькими глотками душистый кофе, я не знал, с чего начать разговор. Слова рождались глупые и неестественные:

— Говорите, силач... Я поступил так, как повелевает мне воинский долг! Не как некоторые опустившиеся донельзя подполковники.

— Да ну его, прилип как смола, — отделалась шуткой Регина.

У меня с языка чуть не слетел вопрос: «Почему тогда он очутился здесь?» Но я поймал себя на этой неосторожности и сказал:

— Конечно, бывает...

Но вдруг сбивчиво заговорила Регина.

— Грубые люди не признают такта. — Она часто заморгала длинными ресницами и уголком кружевного платка осторожно вытерла влажные глаза. — Я хорошо понимаю, что такое для вчерашнего фронтовика женщина. Я хотела, чтобы заслуженный человек побыл в уюте, а он принял меня за распутную. Я чуть не умерла со страха.

когда он грозил револьвером. А эти страшные выстрелы. Я потеряла сознание...

Регина стала рассуждать о неблагоприятных и агрессивных мужчинах. А я, расслабившись после трех чашек кофе и нервного напряжения тяжелой схватки, уютно устроился в бархатном кресле и, не таясь, рассматривал собеседницу. На вид ей было не более тридцати, хотя по документам значилось тридцать семь, гордо посаженная голова с гладкими, распущенными по покатым плечам иссиня-черными волосами, гибкие сильные руки с длинными музыкальными пальцами, ногти которых отливали вишневого цвета лаком, на ее тонкой смугловатой шее висела крупная цепочка с прикрепленным к ней удлиненным крестом, украшенным каким-то голубоватым сверкающим камнем. По мере того как Регина говорила, крест подрагивал на ее мраморной груди. На имеющихся у нас фото она выглядела скромновато. А в натуре — красивейшая женщина. Смотришь — аж дух захватывает, и мыслишки нескромные сердце до сладкой одури будоражат...

Часы три раза отстукали. Регина поднялась из-за стола и, накрыв посуду салфеткой, категорически заявила:

— Вам, Федор, я постелю в зале. — И стала доставать белье из комода.

Я, естественно, принял это как меру для охраны моей особы. Видимо, в ее интересах была моя безопасность.

Потом она удалилась в смежную комнату, долго шуршала платьем и позвала меня. Она сидела в шелковом пеньюаре на пуфе и, собирая в узел непослушные волосы, говорила:

— Вот видите? Это предназначалось мне за нежелание покориться, — и она обвела тонким пальцем углубления в стене.

Я отошел в сторону и представил себе позицию, откуда стрелял бандит. Прикинул. Пули почти одна в одну прошли над головой Регины. «Да, — подумал я, — он отменный стрелок, рука не дрожит. И все-таки, почему дело дошло до пальбы? Пожалуй, наш мудрейший Иван Егорович и тот бы развел руками...»

Из комнаты Регины я вышел в прихожую, достал из шинели вальтер и вместе со своим пистолетом положил под подушку. Определив по скрипу постели, что хозяйка улеглась, я быстро сбросил одежду, нырнул под одеяло, стал восстанавливать в памяти мельчайшие подробности происшедшего.

Было много неясного. Откуда за нашей схваткой наблюдала Регина? Почему бандит, хотя и прибег к крайней мере устрашения, но даже пальцем не коснулся Регины? Чего он добивался от нее? Имеет ли все это отношение к нашему делу по сберкассе? Раздумывая, я задремал...

Разбудила меня Регина. Я интуитивно почувствовал ее пристальный взгляд и открыл глаза. Она стояла в шаге от кушетки и, приветливо улыбаясь лучистыми глазами, говорила:

— С добрым утром! У вас отменное состояние и крепкое здоровье.

— Вы доктор? — потягиваясь, спросил я.

— Всего-навсего служащая почты, — склонив голову набок, вздохнула Регина.

— Значит, имеете склонность либо к медицине, либо к искусству?

— Только к искусству, — улыбнулась Регина и перевела взгляд на настольные часы.

Я понял намек и присел на кушетке. Потом, наскоро умывшись, прошел в комнату и стал прощаться с хозяйкой. Она пригласила к столу, но я отказался, ссылаясь на занятость. Регина протянула холодную тонкую руку и проговорила:

— В жизни все очень сложно, Федор.

— Я могу надеяться на продолжение знакомства? — спросил я.

Регина долго молчала и смотрела куда-то мимо меня, а потом, глянув в упор, спросила:

— Зачем? Вы временный человек в нашем городе. А женщины очень привязчивы.

— Ошибаетесь, — возразил я. — Служба моя здесь относительно постоянная.

— Время покажет, — раздумчиво произнесла Регина.

— И все же? — настаивал я.

— Давайте условимся на четверг. У кинотеатра «Спартак» в восемь, — согласилась Регина и пошла к двери.

...Накануне нового свидания с Региной меня вызвал капитан Задорин и, не псывая, велел одеться и ждать в машине. Примерно через час пути мы уже входили в здание морга районного центра.

— Узнаешь? — спросил Иван Егорович, указывая на деревянный топчан.

Над левой бровью мертвого «интендантского подполковника» я увидел входное пулевое отверстие, а на сером каменном лице множество кровоподтеков.

— Да, — сказал я и вышел из ледяной комнаты.

Быстро расправились, — усаживаясь в вилицы, проговорил Иван Егорович. — Выходит, Регина руку приложила. Больше никому...

— Три дня — срок немалый, — вставил я.

— Не три, а два. Его позавчера в разрушенном паграузе обнаружили. Вот так: наблюдаем за твоей мадамой плотненько, а толку никакого.

— На почту приходят сотни людей. Попробуй установи среди них связника, — почувствовал я.

— Потому ты и приступил к предметной работе, — буркнул Задорин. И вдруг оживился: — Какова?

— Ей бы в театр, да на главные роли, — заговорил я. — Она так тонко выдала происшедшее за любовное приключение, что непосвященный наверняка бы слезупустил.

— Актриса, говоришь? — задумался Иван Егорович. — Так и запишем: «Актриса», — и он круто повернулся на сиденье. — Чувствую. Жихарев, что надо делать какой-то определенный ход, но решиться никак не могу. Если доложить начальству, так сразу же попадешь в перестраховщики: а кто по-

том, если осечка, ответ держать будет? — Задорин хлопнул себя по груди, показывая этим жестом ответчика. — Чего молчишь, Жихарев?

— Думаю, — ответил я.

— И чего же ты надумал? — напустился Иван Егорович. — Все мы думальщики. Думали, думали, а нужного человека упустили...

Я понимал, что эта колкость предназначена персонально мне. Я злился на себя за то, что угораздило меня броситься связывать ему руки. Но, прокручивая в памяти этот эпизод, решил, что попади Задорин в мое положение, он действовал бы так же. И я высказался напрямик.

Иван Егорович долго молчал, а потом, хлопнув меня по плечу, сказал, как отрезал:

— Только с той разницей, что он от меня бы не ушел! Ошибка, Жихарев, в том, что ты раздвоился в ответственный момент. Посуди сам: занимаясь связыванием, ты думал о судьбе Регины. Миг. Но это отклонение остро почувствовал противник. Помнишь заявление жилички со второго этажа о его угрозах? Твое счастье, что он не пустил в ход второй ствол.

Мне ничего не оставалось, как произнести бессмысленное «да»...

В день свидания с Региной я не виделся с Иваном Егоровичем, перед уходом спросил о нем дежурного. Тот вместо ответа завел разговор об охоте. Слушая его вполуха, я думал о Регине. Дежурный, видимо, заметил мое безразличие и умолк.

Я вышел на сумеречную улицу и, взглянув на часы, ускорил шаг. Регину я заметил издали. Она была в темном пальто и замысловатого фасона шляпке.

— Добрый вечер, — я взял ее под локоть.

— Вечер добрый, — отозвалась она, и подставив мне руку, быстро зашагала от кинотеатра.

— Разве мы не идем в кино? — спросил я.

— Никакого настроения, — почти шепотом проговорила Регина и так пристально посмотрела мне в лицо, будто хотела убедиться, верю ли я ей. Потом вздохнула, доверчиво прижалась ко мне и сказала: — С возрастом приходит усталость...

— Сколько же вам? — вырвалось у меня бестактное.

Регина чуть наклонила красивую голову.

— А вы как считаете?

— Двадцать пять, двадцать семь, не больше.

— Спасибо, — еле слышно прошептала она сочными губами и вдруг остановилась. — Почему вы не спрашиваете, куда мы идем?

— С вами хоть на край света, — нашелся я.

— Это серьезно? — Регина пристально посмотрела мне в глаза.

— Оснований для опровержения нет, — ответил по-казенному я.

Потом мы сидели за огромным столом, пили коньяк и отламывали дольки шоколада. Наполняя рюмки, я вскользь заметил:

— А меня сегодня вызывали по поводу вашего обидчика.

У Регины дрогнула рука.

— Вы о чем?

— О том подполковнике, который стрелял в вас и сам позавчера угодил под чьи-то пули. Живучим оказался...

— Зачем вы об этом говорите? — уже спокойным голосом спросила Регина.

— Чтобы избавить вас от неожиданностей.

— Да, конечно, я понимаю, — думая о своем, проговорила она.

И хотя Регина завела ничего не значащий разговор о подругах по работе, нетрудно было понять, что выдержка покидает ее. Я представил, что Регина сейчас мучительно думает, выживет ли ее обидчик. Если да, то как он поведет себя. Как бы там ни было, но я еще и еще раз мысленно хвалил мудрейшего Ивана Егоровича, который нашел простейший ход, оказавшийся, судя по поведению Регины, верным: она занервничала.

— Еще? — предложил я Регине.

Она придвинула рюмку и спросила:

— Как же вы объяснялись?

— Сказал все как было. Говорить неправду — значит подвести вас. Нахал позволил себе такое — и об этом молчать? Так издеваться над женщиной, да еще старшему офицеру... — горячо заговорил я.

— Да, это так, — вздохнула Регина и принялась складывать из фольги кораблик.

Памятуя о наказе Ивана Егоровича, я несколько раз взглянул на часы (чтобы заметила Регина) и извиняющимся тоном проговорил:

— Служба строго регламентирована, посему вынужден откланяться. Через час заступаю на дежурство по штабу.

Регина отложила поделку и встала.

— Следующий раз обязательно пойдем в театр, — улыбаясь лучистыми глазами, проговорила она.

Потом положила мне на плечи крепкие тонкие руки и, приподнявшись на цыпочки, поцеловала сочными губами в щеку.

Узнав об этом эпизоде, капитан Задорин сказал мне тогда:

— Начинается самое главное. Или тебя попытаются убраться, или попробуют использовать в своих интересах. Будь предельно острожен.

Регина долго не звонила. И новостей по этому делу не было никаких, пока как-то вечером ко мне не вошел Задорин.

— Крюков вышел на связь Регины, — без предисловий заговорил он.

— На почте?

Иван Егорович кивнул и продолжал:

— Этакая румяная особа, на вид лет пятидесяти. Крюков обратил внимание на то, что она получает письма до востребования именно тогда, когда работает Регина. И еще две важные детали. Она не называет, как все, фамилию, а подает паспорт. Не заглядывая в него, Регина достает письма не из ящика, как остальным, а откуда-то снизу.

— Значит, продолжение моего знакомства с ней не имеет смысла!—обрадовался я.

— Отнюдь, — прервал меня Иван Егорович. — Ты, Жихарев, должен усвоить, что твоё ухаживание ограничивает действия Регины, держит ее в напряжении. Хотя не исключено, что она могла догадаться, кто ты есть на самом деле...

— Есть тому сомнения? — спросил я.

— Они наверняка с пристрастием потрошили убийцу липового подполковника. И исполнитель наверняка клялся, что тот убит.

— Если так, то мне следует идти напрямую, — вставил я.

— А какой смысл?! Пусть они себе ломают головы.

Через день мне позвонил Николай Крюков и назначил встречу в военторговской столовой. За два года службы в органах я впервые увидел его в форме с погонами старшего лейтенанта танкиста. В ту послевоенную пору сотрудники иногда носили войсковое обмундирование, и мы с Крюковым в интересах дела были тем исключением.

Не спрашивая, что я буду есть, он заказал обед по своему вкусу и, дождавись ухода официантки, положил передо мной глянцевого лист бумаги:

— Прочти, чтоб аппетит нагнать.

Я пододвинул к себе фотокопию письма и стал читать. «Здравствуйте, дорогой Казимир Георгиевич! Прежде я, как близкому родственнику, писала вам о своем безотрадном одиночестве. Войдите в мое положение и дайте совет. С серьезными намерениями со мной познакомился солидный человек — он военный. И вдруг случилась беда. Он попал в больницу. Говорят, что у него очень крепкий организм и он должен выжить. Состояние его здоровья меня очень и очень волнует. Я смирилась с таким положением, и вот на моем пути повстречался молодой симпатичный парень и тоже военный. Но каков он как человек, я не знаю. Без вашего совета и участия судьбу свою решать не могу. Такое настоящее мое положение сковывает меня по рукам и ногам. Крепко вас обнимаю. Мария».

— Экспертиза утверждает, что любовь твоя автором является, — пояснил Крюков.

— Как удалось добыть письмо? — спросил я.

— Обнаружили почтовый ящик у костела. А остальное — дело сноровки, — аппетитно прихлебывая борщ, ответил Крюков. — Прав Иван Егорович. Ты у нее как шлагбаум на пути. Ишь, мечется. Теперь, Федя, что-то назревает.

Как из-под земли перед столом вырос Задорин и, потирая руки, заговорил с укоризной.

— Сами за обе щеки уплетаете, а товарища забыли...

Я пододвинул ему стул. Иван Егорович сел и, поминутно оглядываясь через левое плечо, что-то говорил Крюкову.

Эта привычка оглядываться «на хвост» у него профессиональная. До сорок второго

он был летчиком-истребителем, а после ранения направлен на работу в органы. Об этом мне как-то рассказывал Николай Крюков, что вызвало у меня немалое удивление. Судя по должности (начальник отдела) и авторитету, каким Иван Егорович пользуется у сотрудников и начальства, мне прежде казалось, что он бывалый чекист. Да и внешность его — сама строгость: среднего роста, жилистый, немного скуластое, продолговатое лицо, плотно сомкнутые, чуть припухлые губы и слегка вьющиеся густые русые волосы. За время моей службы в отделе я всегда видел его тщательно выбритым, в накрахмаленной рубашке и строгом темном костюме. Задумавшись, я не услышал, как Иван Егорович обратился ко мне, и только когда он тронул меня за рукав, обернулся.

— Ишь, размечтался, — заговорил Иван Егорович. — Николай сменит Морозова у почтового ящика, а ты, Федор, примешь вахту у Макарова. И учти, что тебя страхуют Петренко и Дымарев. В контакт без надобности — ни-ни. Будете вместе с Макаровым до тех пор, пока не представится возможность обозреть связную Регины. Макарова предупреди, что это мой строгий приказ о Регине. Сотрудники, тебя подстраховывающие, ничего примечательного пока не выявили. Видимо, она ограничивается только почтой. Пока... — Иван Егорович задумался. — Пока не получит ответа от Казимира Георгиевича. А вот каким путем, это вопрос.

— Вы отвергаете почтовый ящик? — спросил Крюков.

— Варианты могут быть разные, — ответил Иван Егорович, положил деньги на стол и, кивнув нам, вышел.

Лейтенанта Макарова я застал разговаривающим с каким-то селянином. По позиции сослуживца определил, что он держит под боковым зрением конец односторонне застроенной улицы, где тесно прижались друг к другу четыре почти одинаковых дома. Увидав меня, Макаров прервал разговор и размашисто хлопнул мужика по плечу.

— Как времечко выберу, обязательно на первач подсакачу, Игнатий.

Тот вскочил на телегу, кивнул Макарову и рванул вожжи.

Макаров круто повернулся и вразвалку зашагал на центральную улицу. У магазина мы встретились. Я ответил на приветствие и передал приказ капитана Задорина.

— А если она вообще носа не высунет, тогда как? — зло проговорил он.

— Начальству виднее, — ответил я. А сам был готов отпустить Макарова, надеясь на то, что по приметам и без него узнаю связницу. Но тут же подумал, что Иван Егорович обязательно спросит, как произошла смена и, узнав о моем самоуправстве, выплет по первое число. Это у него запросто.

— Видишь перед домом столб? — вывел меня из раздумий Макаров.

Я утвердительно кивнул.

— Она здесь. В доме живет какой-то

древнющий дед. Я его только раз мельком видел. Приоткрыл калитку, глянул зверем и исчез... О, смотри!..

Я увидел связницу Рeginы. В плюсовом полупальто, до бровей опущенном теплом платке и остроносых полусапожках она пересекла улицу, прошла неподалеку от нас и повернула к железнодорожному вокзалу. Я пошел следом.

Несколько раз связница заходила в магазин, потом плутала по переулкам и, наконец, направилась в небольшой поселок, островком раскинувшийся на окраине города. Мне подумалось, что связница точно рассчитала время с тем, чтобы не маячить на дороге. К такому выводу я пришел потому, что как только она приблизилась к большаку, то с птицефабрики сразу повалили рабочие и группами направились в поселок. Я мысленно благодарил связницу за созданные мне удобства. Тем более, что какой-то парень попросил у меня прикурить и мы вместе дошагали до поселка. На всякий случай я спросил попутчика, где он жиет.

Связная тем временем шмыгнула в добротный, с желтыми наличниками на окнах дом, а я, продолжая свой путь, стал выбирать место для наблюдения. Почти напротив дома притулился к изгороди покосившийся сарай без дверей и с дырявой соломенной крышей. Я оглянулся, зашел в укрытие и, отыскав щель между тесин, стал наблюдать. Скорее всего, связница либо останется здесь до утра, либо дожидется того момента, когда рабочие, живущие в поселке, отправятся на ночную смену.

Рассудив так, я дождался темноты, вышел из сарая и направился к дому. Посмотрев на его номер и обойдя вокруг, остановился возле окна, обращенного к лесу. Короткая занавеска дала мне возможность наблюдать часть большой комнаты, где за столом чаевничали связница и какой-то лысый мужик. Я хотел было переместиться к погребу, как вдруг услышал хrap лошади и приглушенный говор. Это было настолько неожиданно, что я вздрогнул, соскользнул с завалинки и чуть было не упал. К счастью, под окном находилась огромная колода, на которую я оперся и удержал равновесие.

Тем временем верховые спешились возле изгороди и, о чем-то пошептавшись, затихли. На фоне серого с алыми разводами неба было отчетливо видно, как один из всадников держал за поводья лошадей, а другой, размахивая плеткой и чуть припадая на левую ногу, пошел к крыльцу. Прискрипев половницами, он постучал рукояткой плети в притолоку, как будто работал телеграфным ключом: та-та, та-та-та, потом сделал паузу и снова: та-та-та.

— Кто там на ночь глядя? — сердито слышалось в сенях.

Дверь противно скрипнула, и гость стал выговаривать:

— Велево ж было смазать петли... Аж сердце холонет от скрипу!

Когда дверь захлопнулась, я снова обернулся к окну и увидел связницу. Она стоя-

ла уже одетой и что-то говорила. Как я ни старался, но не мог разглядеть ни хозяина дома, ни верхового. Видимо, они находились где-то в стороне. Я хотел переместиться правее, но увидел, как дернулась занавеска. Так обычно бывает, когда открывают или закрывают двери. Так оно и произошло. В сенях послышался разговор, дверь опять протяжно скрипнула, колченогий гость проворно сбежал с крыльца, бросив на ходу:

— Чтoб смазал, Зубр...—и, подойдя к лошади, вскочил в седло.

Что-то пробурчав в ответ, хозяин остановился у плетня, снял белую тряпку, кринку и позвал связницу.

— Ступай с богом. Путь тебе добрый! Та поклонилась хозяину и вышла со двора.

Примерно через час, миновав «почтовый ящик» у костела, она уже находилась у Рeginы. Вот тут я чуть не оплошал. Думал, что их разговор затянется надолго, но спустя считанные минуты связница покинула квартиру Рeginы и у меня на виду вернулась домой. А я направился в отдел.

Капитан Задорин долго втолковывал мне, что дело со сберегательной кассой не просто мошенничество, а имеет политическое значение. Я без него это понял, когда наблюдал, что ниточка потянулась в лес. Но не столько от желания не перечить начальству, а больше от усталости сидел смиренно в углу дивана и подремывал, делая вид, что поглощен столь важным открытием начальника. И вот тут в какой-то момент я оплошал. Потеряв контроль над собой, так сильно всхрапнул, что Задорин захохотал:

— Убаюкал, — надрывался он. — Ну и нахал же ты, Жихарев. Начальство пыжится, речи умные говорит, а он — извольте...

Я, наверное, в третий раз видел его в столь отличном настроении. У него сразу перестала дергаться голова, морщины со лба исчезли и лицо стало по-домашнему добрым. По его виду и настроению нетрудно было догадаться, что по делу о сберкассе он как руководитель операции нащупал главное звено, которое позволит вытянуть всю цепь.

Я тогда не знал, что, пока мы беседовали с Иваном Егоровичем, Николай Крюков, получив загодя санкции на арест и обыск, находился в доме связницы. Поэтому для меня было полной неожиданностью его появление вместе с ней.

— Определите в какой-нибудь кабинет, — распорядился Задорин.

Дремота тут же слетела. И я вопросительно посмотрел на капитана.

— Сейчас все узнаешь, — сказал он, поглядывая нетерпеливо на дверь.

Старший лейтенант Крюков начал с порога:

— Поймите меня правильно, Иван Егорович, но такой прозорливости, как ваша, могут завидовать самые именитые сыщики. Поражаюсь, как вы могли очень точно определить момент...

— Жихарев! — недовольно поморщившись, перебил его Задорин. — Поставь на стол

графин. Будем слушать заздравную речь Крюкова в адрес мудрейшего Ивана Егоровича.

Николай Крюков с досадой махнул рукой и в тон Задорину проговорил:

— Ну, начальники пошли, не дают сердечную любовь высказать подчиненным, эх, жизнь наша...

— Не балагурь. О деле давай, — выговорил ему Задорин.

— А вот оно — дело, — и Николай положил на стол письмо, адресованное Регине. В нем указывалось, что завтра все будет переправлено близким родственникам и что к Регине заглянет по пути дядя на один день.

— Ничего не понимаю, — прочитав письмо, проговорил я.

— Именно? — спросил Задорин.

— Первое, зачем связница заходила к Регине? Второе, почему письмо осталось у связной? Третье, как получилось, что оно не уничтожено?

— А я, Жихарев, — капитан дотронулся до письма, — не вижу ничего невероятного. Связница сделала свое дело. Все шито-крыто. Чего ей опасаться? Утром затопила бы печь и сунула туда письмо. А Регине после прочтения и тем более разговора со связной эта бумага даже в пепле ни к чему.

— Частично убедили, — сказал я капитану.

— Понадеемся, что связная объяснит более подробно, — проговорил Задорин и велел Крюкову приступить к допросу. Честно говоря, я обрадовался, что Иван Егорович не послал меня влед за Николаем. Я так продрог и устал, что готов был заснуть тут же на диване.

Весь следующий день прошел в хлопотах. Капитан Задорин инструктировал оперативные группы, то и дело бегал к начальству. Мне же он сказал: «Будешь брат Регину и Казимира. Подробности потом». Я было заикнулся насчет того, что показала связница, но Иван Егорович с укоризной заметил:

— Если готовимся, значит, ажур.

Это было не в его правилах — держать оперативника в неведении. Очевидно, связница ничего не прояснила, и потому Иван Егорович просто подбадривал меня.

Как сейчас помню, шел первый ноябрьский снежок. Мы, два сотрудника, одетые в военную форму, стоим в каком-то подъезде и ждем сигнала о появлении Казимира у Регины. По легенде Ивана Егоровича, я срочно уезжаю в командировку и потому шел нужным предупредить ее о том, что свидание не состоится. Поэтому и заглянул с товарищем.

Мы прибегли к такому прикрытию потому, что знали повадки Казимира. Он был известен как отъявленный бандит, пособник фашистов, в начале осени бежал из колонии и жил где-то. На инструктаже Задорин предупреждал, что Казик физически силен, очень агрессивен, сопротивляется до последнего.

Мы стояли с Володей Мелковым в подъезде и посматривали на часы. Думалось:

либо Казик застрял где-то в пути, либо связница сумела припудрить мозги Задорину и Крюкову. Я находился в тени и смотрел на Володю. Почему-то в голову взбрела мысль о несоответствии фамилий. Вот он—Мелков, а плечи у него саженные, весь будто слит из одних мускулов. Он и ходит, как на пружинах...

А между тем минул вечер, наступила ночь, но сигнала не было. Смстрю: Володя присел на подоконник, поднял воротник шинели и предложил:

— Сначала я засок, потом ты и так далее. — Он смачно зевнул и через несколько минут засопел.

Что-то около пяти утра подъехал Иван Егорович. При виде его я толкнул Володю. Он вскочил и сорвался с места:

— Будем брат, да!

— Начотдела, — остановил я его.

— А-а, — зевнул Володя и опустил ворот шинели.

Не отвечая на наши приветствия, капитан несколько раз оглянулся «на хвост» и, скрипнув противно зубами, проговорил:

— Чертова баба...

Нетрудно было понять, что связница ничего путного не дала или на самом деле только механически выполняла роль почтальона. Однако тут же возникло много «но». Вот об этих «но» вдруг заговорил Иван Егорович.

— В письме указано: завтра, — приглушенным голосом сказал он. — Что дало оно, это завтра, когда уже наступило сегодня? Дом Зубра блокирован, квартира Регины также... Если бы знать крышу Казимира... Может быть, у них к назначенным срокам существуют заранее обусловленные коррективы... — капитан задумался. — Не обмишурились ли мы с письмом? Как считаешь, Жихарев? Нет ли там какой-нибудь заковыки?

По памяти я стал восстанавливать содержание письма и когда дошел до заключительных строк, то вспомнил, что там говорилось о дяде, который прибудет на один день.

— Дядя прибудет на один день. На день, — сказал я Задорину.

— Где ты это вычитал? — усомнился он.

— В письме, изъятom у связной, — нерешительно подтвердил я.

Капитан несколько раз оглянулся «на хвост», посмотрел на часы и проговорил:

— Будете находиться в отделе в полной боевой, а сюда подошлем машину. Если засекут Казика, успеете.

Как только мы вошли в кабинет, Иван Егорович тут же распахнул сейф и, порывшись в папках, достал письмо.

— Жихарев, светлая твоя голова! Точно на один день. — И он так заразительно захохотал, что мы с Володей с удивлением смотрели на капитана и думали: не свихнулся ли он в результате нервного перенапряжения. Наконец он умолк и, продолжая улыбаться, проговорил:

— Ну, конечно же, день! Потом, посерьезнев, добавил: — Хорошо, если бы подтвер-

дидась наша догадка... Но время, в какое время?

Днем, однако, было все тихо. Уже начало смеркаться, когда мы с Володей снова заняли свое место в подбезде. В тот вечер как-то и время быстро летело. Часа через два нас навесил сотрудник.

— Капитан велел просветить обстановку, — тихо заговорил он. — Фигурант перепроверяется. Какого-то хмыря вместо себя к Регине с запиской посылал. Когда вышел, потопали за ним.

— Если бы не Задорин, клюнули на подставного, — сказал Володя Мелков.

— Как пить дать, — поддержал его сотрудник и, кивнув нам, заторопился.

Не знаю, как Володя, но я после такой информации почувствовал сильное перенапряжение, какое бывает у меня всегда перед встречей с неизвестностью. Это чертово переживание еще с фронта. Бывало, перед атакой места себе не нахожу, а как только выскочу из траншеи под огонь — как рукой все снимает. В тот злосчастный вечер я, словно невзрастеник, дергал поочередно ногами.

— Что, судорога одолевает? — спросил Володя.

— Не переносу долгих ожиданий, — ответил я.

— Пора бы привыкнуть. Без выдержки нет оперативника, — назидательно проговорил он и подмигнул. — У фронтовика пси-

569
570

хика дала трещину. Это мне понятно, Федя. А в нашем деле разве легче, чем...

Володя, очевидно, хотел прочесть целую лекцию о качествах оперативного работника, но тут перед нами снова возник сотрудник и буквально выдохнул:

— На месте...

Вскоре мы с Володей уже стояли перед дверью квартиры Регины.

Увидев меня, она заметно изменилась в лице. Выдавила еле-еле:

— Мы же условились на послезавтра.

— Обстоятельства, — оправдывался я, а сам поставил ногу так, чтобы она не хлопнула дверь.

— Говорите же, в чем дело? — торопила меня Регина.

— Посылают в командировку. Вот шли с товарищем, и я счел нужным предупредить, — кивнул я на Володю, а сам, как, наверное, и он, думал о Казике.

— Проходите, — вяло проговорила Регина. — У меня родственник.

Мы сняли шинели и вошли в комнату.

Сидевший у окна Казик кивнул нам и пристально посмотрел на Регину. Та отвела взгляд и жестом пригласила нас сесть. Володя отодвинул стул и вдруг, спохватившись (так было условлено), сказал:

— Надеюсь, хозяйка не возразит пожелать нам доброго пути? — с этими словами он вышел в прихожую, принес бутылку коньяка и кое-что из закуски.

Регина собирала на стол, а мы переговаривались с Володей, стараясь втянуть в беседу Казика. Но он отделялся кивками и пристально, как ревнивец, следил за хозяйкой.

Видно, у нашего Ивана Егоровича отменная память. Он единожды встречался с Казиком, но выдал его словесный портрет, будто только вчера срисовал с натуры. Под модным по тому времени пиджаком угадывалось, что Казик крепкий мужик. Особенно обращали на себя внимание красноватые кисти рук. Мне показалось, что пистолет подвешен у него под правой рукой и, конечно же, имеется еще один ствол. Я также заметил, что, расставляя тарелки, Регина нервничала. Ее выдавали подрагивающий голос и неповинующиеся руки. Выходило, что все идет своим чередом. Но оставалось самое-самое главное. Я не пытался предугадать, как все это произойдет. Черт его знает, что может выкинуть Казик. Между прочим, Регина называла его Петрусем.

Когда стол был накрыт и Регина вприсительно посмотрела на Казика, тот вдруг встал.

— Мне пора, Рега.

Я заметил, как шевельнулись плечи у Володи, но он сдержался. Видимо, осмыслил, что Казик все равно пройдет мимо.

— Посидел бы,—наигранно предложила Казiku Регина.

Тот сказал «не», как промычал, и, сунув руку в карман пиджака, направился в прихожую. Володя привстал, отодвинул стул, освобождая ему дорогу. Я не успел и глазом моргнуть, как Володя вдруг резко подался вперед и сделал подсечку. Падавая, Казик выстрелил. Я прыгнул ему на спину и тут же почувствовал сильный обжигающий толчок в левом плече. Теряя сознание, я все-таки нашел в себе силы повернуть голову и сквозь мутную кровавую пелену увидел Регину с пистолетом в руке...

Какие события предшествовали этому и как они развивались дальше—об этом я узнал уже в госпитале, где меня навещали и Зарубин, и другие сослуживцы. Картина в моем воображении складывалась такая.

...Регина встретила с Казимиром, который любил ее, и между ними произошел примерно такой разговор.

— Милый Казю, прости меня, но я вынуждена отложить разговор о наших взаимоотношениях до времени. Оно у нас будет. После Генрига ты у меня единственный.

Казимир вскинул голову:

— Зачем откладывает?

— Есть, Казю, хорошее дело,—быстро заговорила Регина.—Понимаешь, люди мечутся, прослышав о замене денег, а у меня гора сберегательных книжек. Их добыл Генриг.

— Почекай,—Казимир выпрямился.—Что ты надумала?!

— Казю, можно открыть кассу и принять вклады,—с этими словами она вытащила из сумки оформленную ею сберегательную книжку.—Как видишь, все налицо.

— А штампы, печати?

— Ну, конечно, Казю,—заверила Регина.

— Я оцениваю ситуацию и настрою обывателя,—приглаживая редкие волосы, раздумчиво говорил Казимир.—Но, милейшая Рега, если мы это будем делать сами... И случится беда... Высшая мера гарантирована. Ты понимаешь?

— Мне больно, Казю, слышать это от человека, для которого до сей поры не существовало ничего невозможного,—скривила в усмешке сочные губы Регина.

— Зачем такие обвинения и поспешность, Рега?—медленно произнес Казимир.—Мы найдем исполнителей, вручим им твои книжки, дадим возможность испытать форту, и если получится, то гроши, много грошей будет у твоих ног...

— Лечь ненужным хламом, когда уже будет поздно,—подхватила Регина.

— И опять ты торопишься, Рега.—Казимир наклонился, обнял ее за талию.—Я иду на это дело. Подставлю того, кто мне не нужен. Это говорю тебе я. Ты знаешь цену моему слову, — он подошел к двери и запер ее на щеколду...

После ухода Регины Казимир поспешно ушел и вернулся обратно спустя несколько дней. Однажды ночью к нему пришел его старый друг Левон, одетый в военную форму интендантского подполковника, выпил залпом стакан водки и, аппетитно хрустнув огурчиком, доложил:

— Люди готовы.

— Завтра они начнут. Ты наблюдаешь за отправкой денег.

— Добро,—кивнул Левон и спросил,—а ежели хай?

— Уноси ноги во спасение,—ответил Казимир и, помолчав, добавил:—Но такого не должно быть.

Поговорив еще несколько минут, Казимир велел хозяину квартиры постелить Левону в гостиной, а сам, запершись на щеколду, улегся в боковушке.

Два дня кряду Левон со своей группой наблюдал за работой липовой сберегательной кассы и, дождавшись закрытия, снова пришел к Казимиру.

— Будем рубить концы,—потирая руки, заговорил Казимир и вышел в сопровождении Левона на притихшую улицу, где к ним вскоре присоединились еще трое.

— Подвода возле бани,—сказал кто-то.

Минут через двадцать на подводу были уложены чемоданы, и возбужденные удачей грабители, переговариваясь шепотком, шли за постукивающей ободами колес о булыжник телегой. Они до того увлеклись разговором, что не заметили, как на повороте

СОВЕРШЕННО ОТКРЫТО

ГОВОРИТ С ЧИТАТЕЛЕМ О ТОМ,
ЧТО ЕЩЕ НЕДАВНО ТАИЛОСЬ
ПОД ГРИФОМ СЕКРЕТНОСТИ ИЛИ
ПОКРОВОМ УМОЛЧАНИЯ, НОВЫЙ
БЮЛЛЕТЕНЬ «СОВЕРШЕННО
СЕКРЕТНО».

те в узенькую улочку, возле забора, метнулись тени. Это были люди Казика под предводительством Регины. Размахивая оружием, они окружили подводу.

— Текайте, лягавые,—нарочито истошно завопил Казимир и первым перемарнул через забор. Левон метнулся за ним и, потеряв равновесие, шмякнулся бедром о здоровенный валун. Едва сдерживая стоны, он массировал ушибленное место и с содроганием ожидал, что вот-вот его встряхнут сильные руки и... Что будет потом, страшился даже себе представить.

Между тем проходило время, а его никто и не пытался разыскивать. Ободренный таким оборотом дела, Левон заковылял вдоль забора. И тут он услышал скрип телеги и голоса.

Отыскав щель, Левон увидел каких-то мужчин и среди них женщину Генрига Голубовского. Левон все понял...

Первым его желанием было разрядить пистолеты в эту ненавистную бабу. Но он поймал себя на мысли, что не только боль сделала его почти беспомощным, но — главное—Казик. Он из-за Регины учинит расправу. И Левон подумал: до чего может довести человека красивая баба, которая им троим перевернула жизнь вверх тормашками. Это из-за нее Генриг пошел на створ с оккупантами и потянул за собой его, Левона, и Казимира. Потом была клятва на верность главарю нацотряда, скитания в пуще, набегу...

— В ногах у мсня будешь валяться, Регина,—прошипел Левон и заковылял прочь от забора.

Он отлежался на глухом хуторе и с намерением выпотрошить Регину и получить свою долю направился в город. Долго, очень долго он ждал ее в соседнем подъезде. Взял под руку, будто сжал клещами.

— Мне больно, отпусти, — пыталась высвободиться Регина.

Левон втолкнул ее в парадное. Регина хлопнула дверью, кинула на стул пальто и, уперев руки в крутые бедра, с издевкой проговорила:

— В генералы метишь, Левон. Ишь как вырядился!..

— Иде гроши? Иде сховався Казю?—наступал Левон.

— Ты в своем уме? О чем ты спрашиваешь? Какие у меня деньги?

Левон вскочил и угрожающе двинулся на нее. Регина вбежала в спальню, хотела было захлопнуть дверь, но он успел ухватиться за ручку.

— Гроши,—брызгая слюной, зашипел он и вскинул пистолет.

Регина съежилась, закрыла лицо руками. Левон два раза нажал на спусковой крючок и завопил:

— Говори, стерва...

И вдруг в коридоре что-то грохнуло.

«Казик»,—с ужасом подумал Левон и, шмыгнув в гостиную, притаился у двери.

Вместо Казика тогда вбежал я, лейтенант Жихарев...

Бюллетень издается в качестве приложения к альманаху Московской штаб-квартиры Международной ассоциации детективного и политического романа (МАДПР) «Детектив и политика». По случаю выхода в свет первого номера состоялась пресс-конференция, на которую были приглашены корреспонденты столичных, всесоюзных и зарубежных изданий.

После краткого вступительного слова главного редактора Юлиана Семенова, представившего собравшимся и первый номер, и членов редколлегии, и сотрудников издания, вопросы корреспондентов следовали один за другим: какова цель издания? были ли столкновения с цензурой? каковы отношения с Главлитом и МВД? критерий отбора: все публикуемое раньше было запрещено?

— Мы — первое неправительственное хозрасчетное международное издание, — рассказывал Юлиан Семенов.— Откуда название? Это как бы игра наоборот: то, что было совершенно секретно, должно быть совершенно открыто. Мы не стремимся прежде всего к сенсации — это должна быть еще и хорошая литература. В портфеле редакции, например, Лев Троцкий о Есенине. Публикация ранее запрещенного? Это далеко не самое главное. Мы и в сегодняшнем ищем закрытые темы: в экономике, в правовом устройстве государства. Мы говорим открыто обо всем, и пока с Главлитом никаких столкновений не было. Подписывают, как говорится, с первого предъявления. У нас в стране, между прочим, страшнее внутриредакционная самоцензура, чем сам Главлит. А МВД? В нашей корпорации начальник УГРО. Я сам немало писал о борьбе с преступностью, и одной из задач издания будет эта же тема. Мы будем способствовать формированию нового имиджа милиции. Министр Бакатин эту идею одобрил и обещал полную поддержку.

Издание предполагается ежемесячным, с экстренными выпусками по отдельным темам. Выходит на русском, но уже ведутся переговоры о немецком и английском вариантах газеты.

Оживленно восприняли журналисты вручение премий сотрудникам уголовного розыска из специально учрежденного фонда Бюллетеня «Совершенно секретно» — за задержание опасных преступников. Предполагаются в будущем в качестве премий для победителей поездки за границу для ознакомления с работой коллег, борющихся с преступностью.

ПОЛУЧЕН
ОТВЕТ

«ПРЕЗУМПЦИЯ ВИНОВНОСТИ»

На комментарий редакции (1989, № 4) по поводу совместного ответа заместителя министра внутренних дел Узбекской ССР и врио командира части на статью «Презумпция виновности» в редакцию поступило письмо от начальника УВВ по Средней Азии и Казахстану и начальника политического отдела. В нем, в частности, говорится: «Поскольку военной прокуратурой гарнизона и проведенным дознанием вина прапорщика Б. Каримова и сотрудников колонии в отпуске из-под охраны осужденного не установлена, считаем, что высказанные ему полковником М. Салютиным действительно в грубой форме обвинения в предательстве интересов службы были необоснованными. Полковник Салютин принес прапорщику Каримову свои извинения. Прапорщик в настоящее время проходит службу в другой войсковой части в качестве начальника караула.

В совместном ответе в основном признается справедливость оценок действий различных ответственных лиц, но одновременно просматривается стремление распределить в равной степени ответственность между ведомствами за допущенный побег.

Учитывая, что обстоятельства, причины и недостатки в организации надзора, режима содержания осужденных рассмотрены на совместном совещании, из них сделаны выводы, налаживается взаимодействие между администрацией ИТУ и воинскими подразделениями, выражаем благодарность редакции за остроту поднятой проблемы и считаем нецелесообразным возвращение к обстоятельствам данного конкретного случая и переписку по нему.

Мы целиком и полностью поддерживаем мнение редакции о важности и необходимости продолжения диалога о правовой защищенности контролерского состава, тем более в условиях тенденциозного и далеко не всегда объективного освещения деятельности внутренних войск в ряде публикаций печати, на радио и телевидении».

ЧИТАЙТЕ

И вот как только представилась возможность, я приехал в родную часть вместе с моими товарищами — народными депутатами. Приехал не только для того, чтобы повидать незабываемые места, но чтобы сказать командирам устами рабочего, зрелого человека: «Спасибо за науку». И еще, чтобы поблагодарить солдат, офицеров за ту трудную и опасную службу, которую приходится им сегодня нести в различных точках страны.

Александр ЦАРЕВСКИЙ,
народный депутат СССР.
«Спасибо за службу».

...Нам настоятельно рекомендовано администрацией не трогать пьяниц, а только наблюдать за ними, не вмешиваясь. Дабы в отместку за нашу принципиальность «вся зона не взбунтовалась»: из двух зол, мол, надо выбирать меньшее.

Прапорщик М. ТОЛПЫШЕВ.
«Служба на грани фола».

В СЛЕДУЮЩЕМ

Хоть головоломка письмо Гарвардт содержало немало, все они лежали, как говорится, в иной этической плоскости: «Почему командование не прислушивается к мнению коллектива!», «Почему тот, кто стоит по служебной лестнице выше, может тебя безнаказанно оболгать!»

Майор Е. АРТЮХОВ.
«...И бросил партийный билет».

НОМЕРЕ

В ЭТОМ НОМЕРЕ МЫ ПУБЛИКУЕМ ИНТЕРВЬЮ С НАЧАЛЬНИКОМ СЛУЖБЫ СОБАК ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД СССР ПОДПОЛКОВНИКОМ В. СЕВОДНЯЕВЫМ.

В ДОПОЛНЕНИЕ К ЭТОЙ БЕСЕДЕ — НЕКОЛЬКО ЭПИЗОДОВ ИЗ ЖИЗНИ СПЕЦИАЛИСТОВ И ИХ ВЕРНЫХ ПОМОЩНИКОВ.

■ Один из моментов соревнований по служебному собаководству. По команде «Барьер!»

■ Прапорщик Юрий Мешков со своим Орионом служат в Средней Азии. Жарко на занятиях. [Снимок слева внизу].

■ На соревнованиях, проведенных недавно в Москве, команда внутренних войск вышла победительницей, опередив специалистов служебного собаководства погранвойск, ДОСААФ. Кубок вручается подполковнику В. Севодняеву.

Фото А. АЛЕКСАНДРОВА.

